13-й отдел НКВД

Павел Барчук

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уход из убойного отдела на заслуженную пенсию и домик на берегу моря – вот мои планы на ближайшее будущее. Три раза «ха-ха» – сказала Судьба и закинула меня в 1941 год. Оказаться в теле родного деда, сотрудника таинственного 13-го отдела НКВД, – легко. Предотвратить роковое событие – да пожалуйста. Но на деле вышло иначе. Теперь передо мной задача похлеще, чем поимка маньяка. Пока я не сделаю то, что должен, возвращение обратно отменяется…

- Павел Барчук
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6[1]
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19(1)
  - Глава 19(2)
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22(1)
  - Глава 22(2)
  - Глава 23
  - Примечания

Павел Барчук
13-й отдел НКВД (2)

Глава 1

Возвращение домой вышло совсем не таким, как я ожидал. Это мягко говоря. Баба левая откуда? Говорит, жена. Ага! Непременно. Я, конечно, последний год думал о семье. После того, как остался совсем один частенько накатывала тоска. Но уж точно помню, что это были лишь планы. Тем более, сказать честно, дамочка вообще не в моем вкусе. Да и не столько я выпил, поминая деда, чтоб запамятовать удивительный факт собственной женитьбы. Это у меня не один день из головы должен исчезнуть.

Повертел башкой, осматривая кухню. Моя? Вроде, моя, родная. Стол, как стол. Табуретки – обычные. Оно сейчас поди разбери, все однотипное, если брать в пределах жизни среднего достатка. Я в ментовке получал не сказать, что жирно. Одному, конечно, хватало. Хотя, сильно не развернешься. Квартиру обставил мебелью ещё дед. После его смерти ничего менять не стал. Кровать только купил новую, с ортопедическим матрасом. Сто́ила, конечно, не вышепчешь. Будто не кровать, а запчасть для личного самолёта. Но очень уж хотелось.

Сидеть и дальше на полу было неудобно, но ещё больше – глупо. Поэтому упёрся ладонями о пол и поднялся на ноги. В этот момент обратил внимание на свой несколько удивительный наряд. Нижней его частью являлись спортивные трико с оттянутыми коленями, верхней – майка, которую в народе зовут «алкоголичкой». Все очень не новое, средней степени потёртости. Мы, конечно, не сильно привередливые в одежде, голубых кровей не имеем, но такое я бы не одел. Хотя бы потому, что осталась привычка к порядку. Вещи у меня всегда были чисто выстираны, идеально выглажены. Кроме того, опустив взгляд вниз, имел возможность наблюдать небольшой живот. Этакий домашний, уютный, пивной его вариант. Что за хрень? Все ещё не закончилось, что ли? В данном случае, я про мистические прибамбасы.

Выскочил из кухни в коридор и прямой наводкой к ванной. Очень сильно хотелось увидеть себя, родного. Надеюсь, именно себя.

Заскочил и чуть не взвыл от того, что там имелось. На крючках висели халат, полотенце, опять халат, ещё какая-то неведомая хрень. Типа ночнушки. Все это предназначалось исключительно для противоположного пола. Рюши, как и отвратительные грязно – розовые цвета, точно не в моем вкусе. На полочках – несколько ярких банок с кремами, я так понимаю,

что это – крема, щипчики, ватные диски и много чего из женского арсенала.

Метнулся к зеркалу. Из отражения в заляпанном потеками стекле, смотрело мое, родное лицо, но только помятое, что ли, и обрюзгшее. Щеки обвисли, образуя собачьи брыли. Глянул на плечи, а потом на бицепсы. Точнее туда, где они должны быть. После того, как вернулся домой, за физической формой следил по привычке. Может, это и блажь, но мне нравилось, что тело остаётся спортивным. Теперь же, все выглядело очень грустно. Такое чувство, что в жизни я не сделал ни одного отжимания и ни разу не видел в глаза турник.

Несомненно, зеркало показывало мне меня, но в какой-то сильно другой сборке. Будто на заводе производителе оригинал заменили плохой, некачественной подделкой.

– Твою мать…

Открыл холодную воду и, зачерпнув ладонями влагу, плеснул ее себе в лицо. Снова глянул в зеркало. Хрена там.

Нет, после того, что было, после Иваныча и 1941, сейчас шок имел значительно меньшие размеры. Более того, формировалось четкое понимание, я не сошел с ума, просто что-то пошло не так. Надо понять, что именно, в какой момент, и какова ситуация. Хотя бы котов с разными мутными личностями, не видно. Правда, не знаю, так ли уж это хорошо.

Вышел из ванной комнаты и сразу носом уткнулся в особу, которая совсем недавно заходила в кухню.

– Ну?! Оклемался? Господи… говорила мне мама, выбери Толика. Толик, он сейчас главный инженер на авиационном заводе. Ходит – весь с иголочки. Красавец. Машину купил. Квартиру обставил. А женился на какой-то мымре. Все потому, что я отказала. Поверила тебе, алкашу.

Я обогнул дамочку и направился к комнате.

Квартира точно моя. Расположение, планировка. Все, как и было. Отличается обстановка. В спальне вместо плазменной панели – обычный телевизор. Не дешёвый, не дорогой. Кровати, конечно же, хрен вам. Диван и два кресла. Всю жизнь ненавидел диваны. На них спать невозможно. Дамочка, обозначившая себя моей второй половиной, не отставала. Двигалась след в след и зудела, словно назойливая муха. Не прихлопнуть бы.

– А мама знала. Знала. Как она меня отговаривала. Ох, как отговаривала. Ведь семейка у тебя та ещё. Отец – всю жизнь сантехником. Ни образования не дал сыну, ни правильного понимания жизни. Дед вообще сидел.

– Стоп! – Я резко повернулся к женщине, отчего она почти влетела в меня всем телом. Поймал ее за талию, вернее за хорошо

спрятанные под мягкими валиками жирка остатки оной, отодвинул на безопасное расстояние. – Кто сидел? Какой дед?

– Ооооо… ясно. Допился. Говорю же. Ты, Симонов, доиграешься. Так скажу. Может, сухой закон отменили на днях, но столько лакать, это, конечно, вообще недостойно советского человека. Придут за тобой и отправят на принудительное лечение.

– Погоди… Какого человека? Советского? Какой сейчас год?

После того, что произошло, я сделал один несомненный вывод. Первое, что принципиально знать в любой непонятной ситуации – какое время на дворе. Может, Звезда промахнулась и закинула меня в начало 90-х? Но не похоже, вроде. Мебель все равно современная, как и техника. Да и рожа моя. Хоть испорченная.

Женщина осеклась на полуслове, затем посмотрела на меня очень внимательно.

– Вань, может, правда, на лечение?

– Какой год сейчас? – Я ухватил ее за предплечье, но это больше от желания быстрее получить ответ. Цели причинить вред незнакомому человеку, не имелось.

– Да что ж такое… Сейчас 2022 год. – Дамочка поморщилась и попыталась выдернуть руку.

– Почему ты называешь меня советским человеком? Ну? – Тряхнул ее сильнее.

Женщина жалобно хныкнула и начала с удвоенной силой тянуть родную конечность. Похоже, я реально делаю ей больно.

– Извини. – Разжал пальцы, – Просто ответь.

– Вань, я тебя боюсь. Советский человек – это тот, кто живёт в Советском Союзе. Ты чего? Жили бы мы в Гондурасе, я бы тебя назвала гондурасцем.

Вот так номер… Год правильно. Тело – правильно. Частично, конечно, понять бы почему оно такое, но в принципе не до капризов. Даже квартира правильно. А вот с остальным непонятно.

Я подошёл к дивану и плюхнулся на него, глядя в одну точку. Потом взгляд сам собой скользнул по стене, вдоль которой стояла ужасная, отвратительного вида «стенка». Рядом, чуть левее висел портрет человека в строгом пиджаке. Его лицо очень смутно показалось мне знакомым.

– Кто такой?

– Где? – дамочка покрутила головой, не понимая вопроса.

– Вот он. Кто такой? – Я ткнул пальцем в портрет.

– Ваня… ты поосторожнее с высказываниями. Сейчас, конечно, не военное время, но за подобные выкрутасы могут все

равно забрать для профилактической беседы. Это – генеральный секретарь нашей партии. Его ты в любом состоянии должен помнить.

– Генеральный секретарь… коммунистической партии? Верно?

– Конечно! Какой же ещё? Товарищ Тихонов.

Твою мать… так вот почему он кажется мне знакомым. И правда, похож на майора сильно. Может, не один в один, однако, несомненно похож.

– Дай-ка свой паспорт. Он же имеется?

– Зачем? – Дамочка подбоченилась, явно собираясь снова пойти на новый круг словесных излияний.

– Дай паспорт, говорю. Быстрее!

– Предупреждала меня мама… – начала она опять свои стенания, но к «стенке» все-таки подошла. Выдвинула один из ящичков и достала оттуда документ в красной обложке.

– На!

Украшал его золотистый символ советского союза – серп и молот. Я открыл первую страницу. Симонова Ксения Николаевна, одна тысяча девятьсот девяносто первого года рождения. Выходит, ей тридцать один. Да уж. Выглядит чуть старше. Посмотрел пометку о семейном положении. И правда, десять лет назад был заключён брак с гражданином Симоновым Иваном Сергеевичем. С тревогой в сердце открыл страницу, где обычно указаны дети. Если сейчас окажется, что и они имеются в наличии, это вообще будет что-то с чем-то. К счастью, данный разворот был девственно чист.

Протянул дамочке паспорт, а потом обхватил голову руками, пытаясь собрать мысли в кучу.

Значит, выходит, я вернулся, но в какую-то другую реальность? Советский союз жив, а у руля стоит то ли внук, то ли брат, то ли сын Тихонова. Тут сложно просчитать. Смотря сколько лет этому товарищу.

Но, учитывая то, как на вопросы реагировала моя, прости Господи, жена, лучше пока придержать их при себе. А то хватит ума сдать родного мужа в психушку или, как там она сказала… для профилактической беседы. Интересно, кому?

Эх, как бы сейчас не помешали всякие мутные личности, типа Натальи Никаноровны или Клетчатого. Хоть кто-то, способный рассказать все внятно. А я ещё в 1941 кочевряжился. Тут бы хоть бабку, хоть дедку, хоть кота, можно даже в сапогах. Кого угодно.

– Вань… – Ксения, которая Николаевна, села рядышком и прижалась ко мне одним боком. – Ну, что с тобой? Правда допился? Я ведь тебе говорила, иди на завод. Вон Толика бы

попросили, он тебя пристроит в какой-нибудь цех. Там, глядишь, до мастера дошел бы. Зарплата, как-никак стабильная. Ходил бы с мужиками на дежурство. С нормальными мужиками, а не с теми, у которых только водка да селёдка в голове. Тогда и детишек можно.

От ее последней фразы меня буквально передёрнуло. Детишек не хватает для полного счастья.

А почему она вообще говорит про завод? Я вскочил на ноги, чуть не уронив собственную супругу с дивана. Она то, не ожидая подвоха, уже легла всей грудью на мое хлипкое плечо. Похоже, собиралась приступить к реализации плана про деток раньше задуманного. Бросился к двухстворчатому шкафу. Да уж, небогато мы живём, если нормальную мебель себе позволить не можем. Распахнул дверцы и принялся лихорадочно перебирать висящую на вешалках одежду.

– Форма где?

– Какая форма. Вань, я тебя прошу, угомонись.

– Ментовская форма. Где моя форма?

– Да иди ты, блин… надоел твой цирк. Дед по статье за предательство и измену родине сидел, а ты про милицию говоришь. Совсем того? – Ксения покрутила указательным пальцем у виска, а потом вышла из комнаты, направившись к ванной.

Сука… Не дамочка. Это я для связки слов. Что ж выходит? Где-то в какой-то момент все пошло совсем не туда.

Голова уже привычно заболела, отдавая ломотой в затылок. Но зато, на фоне приступа боли, меня вдруг осенила мысль. Я бросился в кухню. На столе – тарелка с сиротливо порезанной кусочками колбасой, две рюмки и початая бутылка водки. Звезда. Где эта чертова Звезда?

Я принялся осматривать комнату, потом встал на колени и полез под стол. Когда увидел знакомый предмет с пятью лучами, чуть не взвыл от радости. Схватил его в руку, поднес к глазам, рассматривая. Почему опять нет одного луча? Должно быть шесть. Но в данный момент она похожа на обычную звезду. Только темная и круг соединяет концы. Подумал, потом потёр ее пальцами. Ничего. Ещё раз потёр. Ноль.

– Да как тебя заставить работать, тварь ты такая!

Что бы не произошло, но это точно было неправильно. Меня вернули обратно в настоящее, только это настоящее сильно изменилось. А самое хреновое – дед. Вот тут мне совсем стало тошно.

Ксения сказала, его посадили за измену родине. Деда! Что ж могло такого произойти? И какого черта семейство Тихонова

теперь в верхах сидит. Я ведь даже не знаю, в 1941 был он женат или нет.

– Что ж ты наделал, гражданин Симонов…

Страдать, выть и биться головой о стену можно было сколько угодно. Но это ничего ровным счётом не изменит. Тем более, я уже имел опыт, подтверждающий, возможно даже то, что теоретически невозможно. Покрутил звезду и положил в карман трико. Хрен я ее из поля зрения выпущу. Из рук тоже.

Несомненно, первым делом мне нужно разобраться, насколько это настоящее отличается от моего настоящего. Советский союз, значит…

– Что ты там лазишь?

Ксения вышла из ванной и теперь наблюдала за мной с порога кухни. Она переоделась в брюки и блузку, причесала волосы, даже накрасила губы, но сильно от этого не похорошела. Где я вообще ее разыскал? Почему женился? Не было других вариантов? Очень сомневаюсь насчёт большой любви.

– Да так. Искал кое-что. Уже нашел.

– Кое-что… Лучше бы ты совесть искал и нашел. – Супруга, хотя данное определение сильно коробило мое внутреннее «я», фыркнула, а потом направилась к двери. – Поеду к маме. Давай тут, не натвори ничего. Скоро вернусь. И не пей больше. Завтра на работу тебе выходить. Из ЖЭКа искали. Спрашивали, когда в норму придёшь.

Как только дверь хлопнула, закрывшись за этой особой, я снова метнулся к шкафу. Выбор угнетал, если честно. Небольшое количество выцветших, растянутых футболок, спортивные штаны на завязках. Явно в этом настоящем я не слишком уж слежу за трендами. С горем пополам выбрал более-менее приличный вариант. Ну, как приличный… хотя бы он не вызывает ощущение, что его пытались на себя натягивать сразу двое человек одновременно.

С обувью тоже оказалось негусто. В наличие были только кеды, имевшие вид предсмертного состояния. Звезду сразу переложил в карман. Нужно держать ее при себе. Не думал, что скажу нечто подобное, но как только немного разберусь, где моя жизнь и жизнь деда свернули не туда, постараюсь разыскать Белиала или чёртову бабку – демона. Если они были в моем настоящем и в прошлом деда, значит, тут их найти тоже реально. Или… о Господи… или вызвать.

Меня совсем не устраивает нынешний расклад. Пусть в 1941 развернуться не имел возможности, но сейчас бездействовать не буду.

Поискал ключи от квартиры. Рядом с вешалкой, занятой

верхней одеждой, обнаружился маленький гвоздик, на котором нашлась нужная связка. Форма ключа такая же, как и была. Издевательство настоящее.

Вышел из квартиры, закрыл дверь. Лестничная площадка точь в точь. Значит, и дом тот же самый. Какого черта тогда с одной стороны все, как под копирку, а с другой – жена, пьянка и Советский союз?

Спустился пешком, пытаясь найти отличия. Их не оказалось. Даже цвет соседских дверей соответствовал ожиданиям.

На улице было тепло и… очень чисто. Вдоль дома тянулся палисадник, в котором живописно, в художественном строгом рисунке, имелись цветы всех мастей. Аккуратный заборчик из ровных дощечек с острыми верхушками навевал мысли о деревенской красоте, потому что в городе я сто лет такого не видел. Среди астр и ещё каких-то растений, не садовод-любитель, не разбираюсь в этом, стояли симпатичные фигурки… солдатиков. Высотой где-то около сорока сантиметров, с ружьями на плече. Как садовые гномы, только солдаты.

Возле подъезда наблюдалась лавочка с изогнутыми ножками. Такие раньше встречал в парках. Чуть дальше, где ровным строем кучковались деревья, а они даже кучковались в каком-то парадном марше, виднелся стол с двумя лавочками по бокам. Но главное, за ним сидели трое мужиков, старше моего. Они играли в домино. Это, конечно, что-то с чем-то. Такое ощущение, будто случайно соединили две картинки – 2022 год и конец восьмидесятых, а то и пораньше.

В любом случае, подобные товарищи, как и бабушки на лавочках, которых, к сожалению, сейчас не наблюдалось, в смысле бабушек, лавочки то были, могли оказаться весьма полезным источником информации. Поэтому я прямой наводкой двинулся к ним, заодно оглядывая окрестности на предмет котов. Желательно, черных, наглых и жирных.

– О! Иван! Здорова. А говорят, ты приболел. – Один из мужиков щелкнул двумя пальцами по шее, намекая на «болезнь» определенного характера.

– Ага. Лёнька бей, не отвлекайся. Твоя тут вчера бабам жаловалась. – Хохотнул второй. – Рассказывала, что ты совсем от рук отбился. И опять про своего Толика. Весь двор смеётся, что Толик ее уже и знать не знает, и помнить не помнит, а она одно по одному.

– Привет, мужики. Не, все нормально. – Я уселся рядом с первым, которого, похоже, как раз, и звали Леонидом. – А вы тут что? Какие новости? Какие дела?

– Телевизор не смотришь, или что? Главная новость, Сухой

закон свернули. Правильно рассудили, кстати. Хотя… самогон у тебя выходил отличный. Все равно гони. Понял? С ним ни одной «Столичной» не сравниться. – Леня со всей силы долбанул о стол ладонью, в которой лежала кость, а потом гаркнул: «Рыба!»

– Ага. Обязательно. – Про себя подумал, не так уж я плох, если в этом настоящем при запрете на алкоголь ухитрился самогон гнать. Интересно, продавал? Вот так вот. Был ментом, а стал подпольным бутлегером. Из крайности в крайность.

– Ещё что… Нам какой-то там по счету пакет санкций выписали. Хрен их знает, чё хотят. Уже лет двадцать ими обкладывают. А толку с гулькин нос. Правда говорят, капитализм – гнилое дело. Вообще не соображают. Что нам их санкции? О, мужики, Петрович идёт. Сейчас будет нотации читать.

Я посмотрел в ту сторону, куда указывал игрок. По двору, огибая не сильно большое количество машин, на которых, кстати, имелись значки отечественного производителя, хотя внешне тачки были очень даже приличные, шел подполковник Матвеев. Форма на нем не значительно, но все же отличалась от привычной, более напоминая прежний вариант, подходящий началу девяностых.

– Вот и участкового принесло… – Протянул Леня, а потом достаточно громко крикнул, – Здравия желаю, товарищ майор! Все – то Вы на службе, да на службе. Пора уже на пенсию.

– Ты мне поговори, Филимонов. Поговори. Почему опять не на работе? А ты, Симонов. Жена твоя опять жалобу накатала. В курсе? Говорит, порочишь ты образ советского человека. Это хорошо, она от небольшого ума мне их строчит. Но ее жалобы можно как отдельный том «Войны и мир» издавать. Опять в запое был?

Я смотрел на своего начальника и это было очень смешно. Правда. Подполковник тут, оказывается, майор, да ещё и участковый. Всегда знал, что он умом на прежнюю должность, как и звание, не дотягивал.

– Что молчишь, Симонов?

– Никак нет, товарищ начальник. Баба – дура. Сами в курсе. – Не знаю, почему, но перенял тон мужиков сидевших за столом.

– Это, да. Твоя – особенно. Ладно, ты у нас не Валера Леонтьев и даже не Стас Михайлов, но жену себе выбрал вообще караул. Так почему не на работе, спрашиваю? За тунеядство хотите получить?

Я, не выдержав, хохотнул. Такое чувство, что в кино снимаюсь. Если 1941 держал в тонусе, реально опасался лишнего сказать, тут же все иначе.

– Чё ты ржешь, Симонов? Вот объясни мне, что ты ржешь? –

От фразы Матвеева стало как-то тепло на душе. Именно этими словами начиналось каждое совещание. – Пойдем поговорим. А вы сейчас быстро соберётесь и смоетесь по домам. Ясно? Завтра жду с объяснительными, почему в рабочее время ошивались здесь, а не трудились на заводе. От всех.

Николай Петрович кивнул мне, приглашая следовать за ним. Я, собственно говоря, был не против. У самого имелись кое-какие вопросы, а задавать их при посторонних будет лишним.

Глава 2

Матвеев отвёл меня в сторону, почти за угол дома. Беседа, похоже, предстояла серьезная.

– Иван, это уже не шутки. Долго так продолжаться не может. Если твою дуру кто-то надоумит написать в НКВД, а доброжелателей много у нас, там ты никому и ничего не объяснишь. Понимаешь, она в крайней жалобе обозначила, что ты – потенциальный враг народа. Потому как идёшь против решения партии вывести нашу страну на путь трезвости и здравомыслия. Сухой закон отменили, конечно. Но два дня назад. Да и сам понимаешь, кому-то простят. Тебе – нет. С таких, как ты, спросу больше.

– Извините, товарищ майор… куда ее надоумят написать? – Нет, слышал-то я нормально. Сложно не услышать, когда Матвеев стоит рядом и в ухо почти все это говорит. Но знакомое сочетание букв всё же удивило. То есть даже вот так… Не Комитет Государственной Безопасности, а все оставили в начальном варианте.

– Туда, Симонов! Вот именно, что туда! Думаешь, нынче не так все строго? Да щас! Не афишируется особо. А так-то не далеко ушли. Говорить разрешили, свободу мысли и гражданской позиции провозгласили, но в строго обозначенных рамках. Понятно, не 1938 год на дворе, сам догадываешься, о чем я. Однако, если заберут, там, на месте, уже ничего не докажешь. Тем более, сам знаешь, ситуация на политической мировой арене, ой какая напряжённая. Врага и в столбе увидеть могут. Просто потому, что этот столб не там стоит. Тем более, как КГБ приказал долго жить, и вернули народный комиссариат, они удила-то натянули слегка.

Я слушал Матвеева и поражался тому, насколько Николаю Петровичу на пользу оказалась работа участковым. Ты посмотри, знает слова «политическая арена», «афишируется». Вообще, в принципе, вникает в такие вещи. Помнится, на должности начальника отдела его интересовали только показатели и довольное руководство, стоящее над ним. Ну, ещё личное благосостояние. Не хуже и не больше, чем остальных, однако, стремление к хорошей жизни несомненно было. Теперь же, передо мной мент. Именно мент. Сильно звёзд не хватающий, но к своей работе относящийся добросовестно. Вон, воспитательные беседы приводит, о подопечных волнуется. Выходит, правильно

буддисты говорят, самый страшный грех – быть не на своем месте. Вот сейчас Матвеев на своем месте, это точно.

– Иван, я к тебе хорошо отношусь. Не смотря ни на что. Отец твой нормальным человеком был, рабочим, честным. Если бы не сам знаешь какой факт из прошлого вашей семьи, может и в институт взяли бы. Бóльшего мог бы добиться. Но тут уж, как сложилось. Тем не менее, не позорь его память. Завязывай по острию ходить.

– Да понял я. Можно вопрос? Точнее несколько.

– Валяй. – Матвеев поправил фуражку двумя пальцами за козырек, слегка сдвинув ее на затылок, жарковато на улице, это факт, и уставился на меня внимательным отеческим взглядом. Да как непривычно! Лицо одно и то же, а человек – другой.

– Про деда. Нормально? Ничего, если поговорим? – Решил зайти издалека. Прощупать почву.

– Эх… – Матвеев оглянулся, потом посмотрел вперёд, через мое плечо, проверяя, нет ли прохожих или случайных свидетелей, которые могли бы нас услышать. – Ну… давай. Тема не особо подходящая.

– Понимаю. Просто скажите, могу ли я где-то получить информацию по его делу? Возможно ли это вообще? Хоть какую-то информацию. Все, что реально узнать. Имею ввиду, не ту, которая обозначена официально, а что-то более правдивое. – Я понимал, реакция майора может быть резко негативной, но с другой стороны, особо ничего не теряю. Тут – моя жизнь. Соответственно, и руки развязаны больше. Это не при каждом слове на деда оглядываться.

– Зачем тебе? – Николай Петрович прищурился, выискивая что-то подозрительное на моем лице.

– Хочу знать, как так вышло.

– Как, как… кверху «каком». – Матвеев снова оглянулся и осмотрел окрестности на предмет посторонних личностей. – Опасная просьба.

– А давайте договоримся. Вас же беспокоит моя… – Вслух даже произносить тяжко. – Моя жена беспокоит. Верно? Если не угомонится, то проблем будет нам обоим. И мне, и Вам. Мне, ясное дело, побольше, однако, участкового эта ситуация тоже коснется. Тут к бабушке не ходи. Если вдруг чего, тоже спросят.

– Спросят, Симонов! Вот именно, что спросят! Скажут, как это ты, товарищ Матвеев, подвёл доверие партии? У себя под носом гнездо врага не увидел. А мне бы хотелось, тихо – мирно дослужить до пенсии. Потом на дачу уеду. Буду кроликов разводить. Ты и твои выкрутасы с большой вероятностью можете меня этой мечты лишить. Я, конечно, понимаю, твоя баба плетет,

что ни попадя, потому и не хочу жизнь ломать тебе. Но там… там могут и не понять – Тихонов посмотрел сначала куда – то вверх, а потом на меня, так, будто я уже держал его воображаемых, но очень желанных кроликов под мышкой, собираясь с ними смыться.

– Вот! Поэтому есть такой вариант. Выгодный обоим. Помогите узнать про деда. Понимаю, конечно, дело Вам его в руки никто не даст, а если и дадут, то Вы мне его не покажете. Естественно. Но хотя бы в общих чертах. Как, что, почему? В ответ даю слово, что брошу пить и… ешкин кот… с женой помирюсь. Чтоб она больше никуда ничего не писала. Будет у нас идиллия, как в книжках. Даже круче.

– Правильно мыслишь, Симонов! – Участковый несколько раз хлопнул меня по плечу. – Очень правильно. Бабы они ж что… когда баба обласкана, так она на многое глаза закроет. Ей про любовь – морковь пару слов сказал, и все. Жизнь станет, как штиль на море. По своей знаю. Приобнял, в щёчку поцеловал, а там, может, не в щёчку, так даже лучше, не мне тебя учить, что со своей бабой делать, и все, сразу никаких вопросов у нее. Ладно… Дед говоришь… Попробую.

– Спасибо, Николай Петрович. – Я протянул руку майору, предлагая скрепить нашу договоренность.

– Но! Ничего не могу пока сказать точно. Приложу усилия. – Тихонов пожал крепко мою ладонь, – А ты чего заинтересовался-то? Сколько лет прошло. Наоборот, вроде, забыть бы лучше. Твой же дед не из простых. В высшем эшелоне служил. Это мелким сошкам могли что-то с рук спустить, а чекисту, тем более герою войны, нет. Он же символом был. Понимаешь? Почти как Жуков. А в итоге… Попробую, в общем.

– Понять хочу, как оно вышло. Озарение снизошло.

Чуть по чуть картина начинала прорисовываться. Значит, война неизбежно случилась, как говорила Наталья Никаноровна. Не смог Тихонов этого изменить. А дед, выходит, принял непосредственное в ней участие, да ещё и героическое, раз участковый Иваныча в один ряд с Жуковым поставил.

– Озарение… – Матвеев покачал головой. – Скажешь тоже. Все вопросы то? Закончили?

– Нет. Библиотека у нас одна? Центральная? Ближе ничего такого нет? – Судя по образу жизни, который веду в новом настоящем, думаю, Николая Петровича мой вопрос точно не удивит. Вот спросил бы, где ближайшая рюмочная, выглядело бы подозрительно. А тут – совершенно не нужная по идее мне вещь.

Из случившихся событий, благодаря которым началась вся эта муторная история, сделал один очень важный вывод. Чтоб

понимать, надо знать. Вот попал я в 1941, и что? Дурак дураком. Потому как не соображал, что по чем. Время плохо знал, события тоже не особо, не считая основных, которые с войной связаны. В итоге, как слепой котенок, мордой по углам тыкался. А иной раз, даже меня тыкали, подозреваю не в углы, а туда, куда котят обычно тычут. И главное, на моей неосведомлённость некоторые хитрожопые сущности, да впрочем и чекисты, пусть неосознанно, в отличие от первых, неплохо играли. Что Ване в уши вольешь, то Ваня и примет за правду. Ну, уж нет. Такой ошибки больше не допущу. Значит, первым делом, надо получить как можно информации об этом настоящем. Библиотека – самый лучший вариант. И главное – без палева. Мало ли, решил гражданин просвещаться. Похвально. Никаких подозрений. Я, конечно, допускаю наличие интернета и гаджетов, хоть Советский Союз, а все же вряд ли он отстал в развитии, но неизвестно, как оно выглядит сейчас. У себя в квартире не заметил ни компьютера, ни мобильника. Может, я их пропил, бог его знает, но не ходить же по соседям с просьбой, люди добрые, дайте в сеть попасть.

– Библиотека? Симонов… – Николай Петрович наклонился чуть ближе и втянул воздух. – Пьяный что ли ещё?

Дежавю. Ситуация, один в один, как была. Только стояли мы в родном отделе. Эх… Не думал, что известие об отсутствии в моей жизни ментовки станет таким ударом. Всегда считал работу чем-то закономерным. А куда ещё я мог бы пойти? Но вот теперь, зная, что нет этого, ощущал прямо состояние большой утраты.

– Нет, товарищ майор. Я, как огурец. Вчера… – хотел сказать про деда, как и было, но потом осекся. Бог его знает, когда Иваныч умер. А то ляпну не рядом.

– Да я понял. Это же та самая дата. Его расстрела. Кто не знает ее. Она в учебниках прописана, как пример справедливой руки возмездия за предательство. Эх… Ведь героем войны был. Уважаемым человеком. Как он так то… Поминал? Не предполагал, что ты… – Матвеев замялся, не зная, как правильно выразить мысли, – Эх… В общем, думал гражданин Симонов совсем уже потерян для общества. На работу стал ходить через раз. А ты ведь сантехник, Вань, от бога… руки золотые у тебя. Потом спутался с этими… Им-то что? Украл, выпил, в тюрьму. У тебя, Иван, стержень есть. Глубоко, но есть. Как я просил, чтоб тебя в армию взяли. Но нет. Видишь, даже срочку исключили. Если с молодости правильно направить бы, то оно большой толк был бы… Думал, ты и не помнишь деда-то. А, видишь как… Поминал.

– Да. Немного.

– Понял. – Матвеев тяжело вздохнул, но потом словно

щёлкнул тумблером, переключаясь на предыдущую тему. – Так а библиотека тебе на кой ляд?

– Говорю же, встал на путь исправления. Буду самообразованием заниматься. Сегодня библиотека и борьба с зелёным змием, а завтра – с гордо поднятой головой в светлое будущее.

– Аааа. Ну, так это, да. Это дело хорошее. Образование, оно много значит. Ясень пень, ты не знаешь, где у нас библиотека. Она тебе сроду была не нужна. Как связался со шпаной, так с неблагополучными отираешься рядом. В центр двигай. Там на площади увидишь здание народного комиссариата, а левее – библиотека имени Ленина. Не промахнешься. Давай, Симонов, пойду я. У меня ваш двор самый проблемный. Но так-то ещё есть дела.

Матвеев кивнул, прощаясь, и направился к соседнему дому. Шел, не оглядываясь.

Я несколько минут смотрел ему вслед, опять думая о том, как, однако, должность участкового Матвееву в тему. Совсем другой человек.

Все, конечно, хорошо, но у меня, ни документов с собой, ни денег. Живу я на одном берегу, а центр, который мне нужен, на другом. Пешком не доберешься. Хорошо хоть в родном городе. Это тебе не по Москве бродить вслепую. Конечно, я знал, где библиотека. Она у нас и в моем настоящем одна имелась. Просто нужно было уточнить, в этом плане изменений не произошло ли.

Развернулся и потопал обратно. Нужно вернуться в квартиру, взять все необходимое.

– Иван!

Тот из мужиков, который Леонид, окликнул меня, когда я уже был у подъезда.

– Слушай, такое дело… – Сосед подошёл близко, при этом несколько раз оглянувшись на товарищей, оставшихся за столом. – Там, в конце района, ближе к окружной дороге, лежит брусчатка. Бесхозная. Есть вариант. Нужно ее ночью в другое место перевезти. Не всю, конечно. Немного возьмём. Есть, кому предложить. Серёга из первого подъезда, на даче дорожки выкладывает. Так он возьмёт по двадцать пять рублей за штуку. Понимаешь, да?

– Бесхозная? – Я многозначительно поднял одну бровь.

– Ну… почти. Там стройка. Дом новый ставят. Да они не заметят даже. Мы не сильно много. Поможешь? В прошлый раз же с кирпичом спокойно все прошло. И наварились нормально.

Вот я молодец! Ладно, самогон могу понять. Но мне, похоже, и правда, если не в ментовку, так прямая дорога к темной

стороне.

– Посмотрим. Матвееву обещал за ум взяться.

– О, как… Ну, давай сегодня разочек и все, потом берись хоть за ум, хоть за что другое. На здоровье. Дело не сильно муторное, но с остальными толку не будет. А ты уже парень проверенный. – Леонид наклонился ближе и зашептал мне практически в ухо, как совсем недавно Матвеев. – Ты подсоби, а я тебе взамен помогу. Ты же знаешь, моя кобра с твоей гадюкой дружат. У них, что ни вечер, так пленарное заседание серпентария. Последнее время часто Толика вспоминают. Если Ксюха удумает с ним спутаться, я, конечно, сильно сомневаюсь, что Толик дурак настолько, но мало ли, бабы они хуже вражеской разведки, так ты самый первый узнаешь. А тут уже расклад другой выходит. Тут она уже со своими жалобами задницу подприжмет. Потому как семья – ячейка общества. Главная! Адюльтер дело наказуемое. Ее саму тогда нормально пропесочат. Тем более – женщина, мать и верная подруга.

– Я тебя понял… Ладно. Давай так. Сегодня помогу, но на этом все. Хорошо? Договорились?

– Лады!

Сосед кивнул мне с заговорщицким видом и пошел обратно к мужикам. А я направился в подъезд.

По квартире долго лазить в поисках нужного не пришлось. В одном из отделений «стенки» обнаружилась небольшая коробка из-под конфет монпансье, там, сложенные вдвое, лежали несколько купюр, номиналом три, пять и десять рублей. Во как… Жизнь у нас, в социалистическом настоящем, похоже, совсем не дорогая. Имелись еще железные копеечные монеты. Подумал, а потом сгреб все это богатство в карман. По факту разберемся, что по чем. Но, в принципе, если бы не своя собственная судьба и не обгаженная мною жизнь Иваныча, то не настолько уж плохое здесь настоящее. А в чем-то даже очень ничего. По крайней мере, на первый взгляд. Дальше – будем посмотреть. Сейчас меня интересует история родной страны. Такая или не такая, но страна моя. Надо разобраться. Будем действовать по мере поступления проблем.

По идее, район, в котором я жил, был и не старым, и не новым. На месте домов, некогда построенных для работников Авиационного завода, которым наш город, вроде теоретически гордился, хотя в моем настоящем гордиться там было уже нечем, потом выросли новые застройки, куда заселялись все подряд. Судя по тому, что я мог наблюдать, когда отошел от родного двора, так оно и оставалось. Пятиэтажек очень мало, большую часть района составляли девятиэтажные в четыре – пять

подъездов дома. С любопытством вертел головой. Ну, хоть что-то внешне будет отличаться радикально? Нет. Ни черта подобного. Один в один. Может, невидимые глазу детали и есть, но память на них не реагирует.

Даже ближайшая остановка находилась на привычном месте. Только вместо автобусов, как оказалось, теперь ходили трамваи и троллейбусы. Это не стало неожиданностью. Помню, в раннем детстве так и было. Позже, где-то к концу 90-х просто их убрали, дороги расширили, оставили маршрутки. ПАЗики, которые, в отличие от технического прогресса двигаться вперед точно не хотели. Я ездил на таком автобусе в пятнадцать лет, в двадцать пять, и при оказии в тридцать три, если выходило отправиться куда-то без машины.

Увидев приближающийся к остановке троллейбус, перешел на бег, чтоб успеть прыгнуть в транспорт и не ждать следующий.

– Скажите, сколько стоит проезд? – Спросил в приоткрытую дверь у женщины, которая уверенно крутила руль. Та в ответ покосилась с неодобрением, будто я сделал что-то очень неприличное в общественном месте, но ответила.

– Пять копеек стоит.

Протянул монету, вынув ее из кармана. Женщина взяла деньги одной рукой, второй продолжая мастерски маневрировать на своем троллейбусном лайнере среди машин, которых, между прочим, было в разы меньше привычного. Я хотел было пройти вглубь, но она окрикнула.

– Эй! А билет? Не нужен?

Забрал клочок, оторванный от общей билетной ленты и уселся на ближайшее свободное место. В транспорте людей тоже было немного. Вспомнились слова Матвеева о тунеядцах. Видимо, сейчас рабочее время и порядочные граждане находятся там, где должны – на рабочих местах.

Пока ехали с левого берега на правый, смотрел в окно, соображая последовательность своих действий. То, что оставлять все, как есть, нельзя – однозначно. Так опасался навредить деду в 1941 и в итоге не просто навредил, а вообще сделал из него врага народа. Вина моя, это не вызывает ни малейших сомнений. Теперь образ мышления значительно отличается от прежнего, допускаю вообще все, любые варианты, даже те, которые вызывают сомнения в собственной адекватности. Соответственно, логично предположить, в своем прошлом Иваныч книгу либо вообще чекистам не отдал, правда, тогда не пойму, почему остался жив-здоров и нормально себя чувствовал, либо отдал, но не майору государственной безопасности. А кому? Берии? Лично в руки? С какой стороны не посмотри, в любом случае накосячил

я сильно. Теперь Симонов Иван Иванович – герой войны, не знаю, что он уж там сделал, если, как говорит Матвеев, его в учебники истории внесли, но зато расстрелян за измену родине. Даже если бы дед героически погиб, это не было бы настолько ужасно. Потому как уж что-что, а страну он никогда бы не предал. Та-а-а-ак… А ведь действительно. Страну он бы никогда не предал. Это так же верно, как то, что я… Хотел сказать, так же верно, как то, что я – Симонов Иван Сергеевич, но не буду столь однозначно о себе. Каждый новый день преподносит сюрприз.

Соответственно, и это мне кажется более вероятным, деда тупо «слили».

Троллейбус уже переехал мост, мы двигались по центральной улице и, по идее, моя конечная цель – следующая остановка. В этот момент внимание привлекла группа детей, которая остановилась у пешеходного перехода, ожидая нужный им сигнал светофора. Ребята были, как с картинки. Белые рубашки, заправленные у мальчиков в брюки, у девочек в юбки, пионерские галстуки, школьные рюкзаки на плечах. Но главное не это. Их сопровождали две молодые женщины, скорее всего, учительницы. Одна стояла к дороге лицом, а вторая – почти спиной. И вот вторая как раз, при том, что пока я не мог разглядеть ее целиком, только видел симпатичную задницу, обтянутую брюками, с внешним видом тут все нормально, привычно, и русую косу, спускающуюся между лопаток, очень сильно вдруг показалась мне знакомой. Осанка, поворот головы, манера держать спину прямо, будто она балерина у станка. Троллейбус остановился, дети двинулись вперед и незнакомка повернулась передом.

– Лиза… Лиза?!

Я вскочил на ноги, а потом, как ненормальный, кинулся к средней двери, которая, что вполне логично, была закрыта. Метнулся в сторону передней, попутно требуя выпустить.

– Гражданин, вы в своем уме? Мы посреди проезжей части. Нет, конечно! Ждите, сейчас будет остановка. Я за Вас отвечать потом не хочу.

Женщина-водитель была категорична.

– Вы не понимаете! Там человек. Девушка. Она мне очень нужна. – Я от бессилия пару раз ударил по закрытой двери троллейбуса.

– Всем что-то нужно. А я – работаю. Так что прекратите хулиганить. Вон остановка. Там и выпущу.

Естественно, пока светофор снова дал сигнал для машин и транспорта, пока троллейбус подъехал к стеклянной будке, где стояли люди, пока я выскочил на улицу, там уже не было ни детей, ни Лизы.

– Черт, черт, черт… – пробежал вперед, потом вернулся назад. Без результата. С одной стороны – парк, с другой – жилое здание с аркой. И везде – пусто.

То, что не обознался и это – блондиночка, мог бы дать руку на отсечение. Да что там руку. Голову. Ее не перепутаю ни с кем и никогда. Вопрос в другом, какого черта? Почему она тут? Ей по всем параметрам должно сейчас быть больше ста лет. Но уж на данный возраст она точно не выглядит. С другой стороны, и это несомненный плюс, если где-то бродит Лиза, значит, можно рассчитывать и на остальных членов веселой компании. Данный факт сильно обнадеживает. Потому как от мысли, что мне пришлось бы, к примеру, вызывать демонов, а способ я слышал только один, от них же, в котором задействовано тринадцать убийств, становилось слегка не по себе. Ой, да что я вру. Охренеть, как не по себе. Быть маньяком я тоже не готов. А бегать по городу в поисках кого-то способного помочь в столь щепетильном вопросе – это уж совсем из ряда вон. Не в газету же объявление давать или по телевизору бегущей строкой. Так и так, требуется ведьма, имеющая любые связи с дьяволом и его друзьями.

Как бы то ни было, сейчас в любом случае нужно добраться до библиотеки, дальше будет видно.

Глава 3

Я перешел дорогу, оглядываясь по сторонам в надежде, что судьба все же будет ко мне благосклонна и блондиночка снова появится где-то поблизости. Судьба благосклонна не была, в последнее время ей явно класть на меня, блондинки, правда, проходили мимо, но все не те.

Ещё меня сильно волновало, как я сам отреагировал на девчонку. Это напоминало ощущение… наверное, огромной радости и облегчения. Безумно был рад ее видеть. Погано. Совсем погано. Нет, я влюблялся, конечно, по молодости, когда в голове было много глупых мыслей. Но это уж совсем по молодости. Лучшая девочка в классе и вся подобная чушь. Ходили за ручку, провожал ее домой, целовались в подъезде. Потом повзрослел и как-то оно вышло на другой уровень. Встретились, познакомились, пообщались, секс. Учитывая, что женщины очень сильно склонны к самообману, и в большинстве случаев после первой же близости, пока ты храпишь, отвернувшись к стенке и не имея понятия о нависшей над головой угрозой, они уже придумывают имена вашим детям, предпочитал сразу ставить границы. Проводить время с вами, девочки, приятно, но не более. Семью всегда хотел иметь исключительно по своему выбору, а не потому, что «так вышло».

С девчонкой было как-то иначе. Опасно было, что там греха таить. Все бы ничего, можно и из стервы сделать человека, если сильно постараться. Но блондиночка якшается со всякой потусторонней хренью. Первый момент. И это тебе не подружки, которых можно тактично из дома проводить. Задумавшись, на секунду, представил, как мы с Лизонькой накрываем стол, а к нам гости пожаловали – Наталья Никаноровна и Белиал. Аж зателепало от такой перспективы. Второе – мы теоретически существуем в разных временных точках. И это самое главное. Тут, наверное, стандартное «к тебе или ко мне» вряд ли прокатит. Короче, нет у нас будущего. Вот так, если коротко.

В итоге решил пока не забивать себе голову ещё и этими мыслями, а потому собрал всю волю в кулак, временно выгнал образ блондинки из памяти, и направился к библиотеке. Все, как, сказал Матвеев. Слева от здания, где в моем настоящем должна быть городская администрация, находилось столь необходимое мне сейчас заведение. На самой же администрации, теперь имелась табличка, которую не увидел бы только слепой, с

веселыми словами «Народный комиссариат внутренних дел». Я не стал задерживаться рядом с этой волнующей душу организацией, и поторопился войти в библиотеку.

Внутри было тихо и прохладно. На фоне изрядной жары, это очень радовало. За столом, прямо у входа, сидела женщина интеллигентного вида, в очках.

– Здравствуйте. – Произнесла она красивым, мелодичным голосом.

Я вежливо пожелал ей того же, в конце концов, мы люди приличные, а затем поинтересовался, как бы попасть к знаниям, особенно интересуют вопросы истории. Она также культурно указала направление, предварительно попросив паспорт и оформив мне читательский билет.

Нужный зал оказался прямо на первом этаже. Это прекрасно. Просто ко всему прочему, я физически чувствовал себя очень отвратительно и с каждым часом это становилось все ощутимее. По-русски говоря, накатило желание накатить. Именно так. Похоже, прибухиваю я и правда не мало. Тело по привычке жаждало холодного пивка, как минимум, а мозг категорично с потребностями тела был не согласен. Приходилось как-то держать себя в слегка трясущихся руках.

Просторная комната, в которой несколькими рядами уходили вдаль столы, встретила еще бóльшей тишиной. Хотя, почти все места были заняты. И вот не поймёшь, то ли это работники науки, то ли тунеядцы шифруются. Меня слова Матвеева про тунеядцев тронули до глубины души просто. Крепко запомнились.

Кстати, многие сидели с ноутбуками, еле слышно щелкая по клавишам. Прогресс, чтоб его, не остановит ничего.

Сразу, как только переступил порог, из-за стойки показалась девушка в строгом костюме, юбка которого была значительно ниже колена, с волосами, собранными в высокий пучок. Все по-деловому, официально. Дресс-код, наверное.

– Чем могу помочь?

Хотел бы ей ответить, что лично она ничем помочь не может, а ту, которая реально могла что-то сделать, я только что бездарно просрал, но это, конечно, от избытка эмоций. Поэтому просто спросил, могу ли я получить информацию по периоду с 1941 по сегодня.

– Вас интересуют книги или более удобно в цифровом варианте?

На секунду задумался. Интернет, а так же все связанное с ним буржуйство, удобно, это – факт. Но я, как и в случае с домашним интернетом, понятия не имею, привычно ли оно тут сейчас работает. Поисковики, программы и так далее. Сяду,

включу, а потом буду тупить, как дурачок. Спрашивать тоже ведь не будешь каждый раз. Нет, книги они надежнее.

– Если можно, хотелось бы бумажный формат.

– Конечно. Присаживайтесь. Сейчас принесу.

Девушка удалилась в недра своего библиотечного царства, а я выбрал единственный незанятый стол и принялся исподтишка разглядывать посетителей. Люди, как люди. Ничем особо от прежних современников не отличающиеся. Пожалуй, единственное, на что обратил внимание, некоторые имели значки на одежде. У мужчин они крепились на лацканы пиджаков, у женщин – прямо на блузки или верхнюю часть платья. Детально рассмотреть не было возможности, не подходить же мне к незнакомым гражданам впритык, но похоже на серп и молот. Интересно, что это такое.

– Вот, пожалуйста. Вас, я так поняла, интересует общая информация, поэтому монографии известных историков по данному периоду не предлагаю, так же, как и протоколы заседаний или документальные сведения. Если вдруг все-таки захотите углубиться в вопрос, скажите. Я подберу более подходящие варианты.

Работница библиотеки, возвращение которой было каким-то слишком бесшумным, улыбнулась и положила передо мной несколько книг. Учебник истории для десятого класса, Общая история нового и новейшего времени, Отечественная история… Да уж… Видимо, я не показался ей шибко умным, решила, достаточно самого простого и предельно доступного для понимания. Потом вспомнил, как сейчас выгляжу, и успокоился. Привыкай, Ваня, нет больше того обаятельного, способного «поиграть мышцóй» парня, на которого дамочки легко обращают внимание. Теперь ты сантехник – алкоголик во втором поколении. Хоть не поперли с порога, и то слава богу.

Открыл первую книгу, нашел необходимый период и погрузился в изучение.

Собственно говоря, ничего слишком удивительного не происходило до конца войны. Это если брать в масштабах государства. Все было ровно так, как должно быть. Битва под Москвой, Блокадный Ленинград, Сталинград, взятие Берлина, парад Победы. А вот потом, спустя почти десять лет… 5 марта 1953 года генеральный секретарь коммунистической партии товарищ Сталин скоропостижно скончался, но успел оставить приемника – Лаврентия Павловича Берию. Ох, как неожиданно, хотел бы я сказать, но, конечно, никакой неожиданности не было. Честно говоря, более удивительно, что Берия так долго ждал. У власти этот человек пробыл недолго, в 1955 внезапно открылись

некоторые моменты его прошлого, генеральному секретарю непозволительные. В учебнике подробно это не расписывалось, было лишь сказано, мол якшался товарищ Берия с врагами и это стало причиной того, что Лаврентия не только быстренько с должности сняли, арестовали но и… тадам!.. расстреляли. Упоминался, кстати, некий Рафаэль Семёнович Саркисов (привет Кавказцу), личный водитель и охранник, который стал главным свидетелем, подтвердившим информацию. Комплект там был, конечно… От работы на разведку другой страны ещё сразу после революции, до, прости Господи, банальных связей с женщинами в формате доминирования, на которое сами женщины, как бы не были согласны. Короче, проще говоря, имел Лаврентий, как внезапно выяснилось, склонности к насилию. Грязь, я так понимаю, полилась очень внезапно и со всех сторон. Странно, что Берия, бывший нарком, на тот момент генсек, вообще допустил такой поворот. Хотя… Меня терзают смутные сомнения, просто для Лаврентия настал час расплаты. Хотел власть – получил. А теперь давай, держи счёт.

Ладно, с Берией понятно. Следующим после такого вопиющего, громкого и очень грязного дела, пришел к власти Хрущев. Ок. Тут все по плану. Его я помню. Фееричная сцена с туфлей, которой он лупит по трибуне во время заседания ООН, сделала его знаменитым даже для потомков, особо историей не интересующихся. Но дальше события совершили очередной рывок в сторону. Никита Сергеевич, спустя каких-то три года, недолго они все задержались, утонул. Я перечитал эту строчку несколько раз. Утонул? Отдыхая в Крыму, товарищ генсек за каким-то чертом в ночи решил принять морские ванные. Конечно, в тексте это было описано менее колоритно. Сухое – трагично погиб во время рабочей поездки. И тут к власти пришел мало кому известный тоже Никита, но Пахомович.

Появление фамилии Тихонова я, конечно, ждал. Не просто так висит портрет в моей квартире. Допускаю, что может быть, благодаря долгому, тернистому пути и добросовестной работе на благо партии, страну возглавил буквально недавно кто-то из его потомков, к примеру, внук, но вот, честно говоря, в естественный, долгий путь верилось с большим трудом. Точно знал, власть захапал он сам.

Бывший майор государственной безопасности страной руководил справедливо и правильно. Чуть не заплакал, читая эти строки. По крайней мере, так утверждал учебник. Без малого, аж до 1992 года. Несомненно, некоторые моменты действительно заслуживали похвалы. Был Афган, но мы там справились, правительство задержалось у руля. Тем более, просоветское

правительство. Объединение Германии осталось лишь мечтой, в первую очередь для самой же Германии. За что нас люто ненавидел весь Запад. Не случилось 1991 и развала Союза. Его просто даже быть не могло. Именно Тихонов прикрыл «комитетчиков», а потом вернул систему, работавшую до войны, в первую очередь, народный комиссариат. Ностальгия, наверное, замучала. Это если в шутку. А если серьезно, прикинул Никита Пахомович одно дело к носу, да и решил, страна наша большая, специфическая, чтоб не возникало всяких настораживающих прецедентов, руководить ей нужно строго. Но справедливо. Степень справедливости, конечно сам он и определит, однако, при Тихонове, спустя пару десятилетий, появились понятия свободы слова и свободы мысли. Другой вопрос, что границы этих свобод были четко обозначены. Судя по описанию, НКВД нового формата уже не был налаженной машиной страха, но и держал в тонусе граждан, несомненно.

Прикинул, сколько же Тихонову было на момент окончания карьеры лет, и чуть не присвистнул. Долгожитель, однако, оказался.

Тридцать с гаком годиков бессменно на посту генсека. Неплохо…

Затем, после смерти отца, что удивительно, естественной смерти, на посту его сменил сын. Никита Никитович Тихонов. Креатив, конечно, полнейший с именем для ребенка у майора вышел. Вот прямо не заморачивался. Он же, то бишь сын, по сейчас продолжает руководить партией и страной.

Общую информацию я просмотрел по диагонали, если честно. Нужно было приблизительное понимание, его и получил. Хотя, решил, один из учебников взять с собой. Надеюсь, это не вызовет проблем. Дают же здесь некоторые экземпляры на руки. Почитаем более детально, потому как однозначно это пригодится.

В принципе что-то подобное увиденному и ожидал. Особо ничего удивительного не обнаружил. В большей мере меня, конечно, интересовал дед. Вот тут я немного прибалдел.

Честно. Потому как полученная из учебника информация вызвала у меня ступор. Да, Иван Иванович Симонов прошел войну. Отличился кучей героических поступков, начиная с битвы под Москвой.

К моменту начала этого, условно говоря, события, ситуация для советских войск была крайне сложной. Немцы глубоко вторглись в пределы СССР, были захвачены Прибалтика, Белоруссия, Молдавия, существенная часть Украины, блокирован Ленинград, достигнуты дальние подступы к Москве… Фашисты изначально планировали взять Москву в первые недели войны, но

этого им не удалось. Тогда была подготовлена крупная наступательная операция под названием «Тайфун». Суть плана состояла в том, чтобы мощными ударами танковых группировок с трех направлений расчленить оборону и уничтожить основные силы Красной Армии.

Началось битва 30 сентября 1941, а закончилась 20 апреля 1942. Семь месяцев… Твою ж… Как наши выдержали и выстояли?

При том, что немцы прорвали оборону, взяли в окружение несколько армий различных фронтов, что бои к ноябрю велись чуть ли не в самой Москве, на ближних подступах уж точно, Красная армия смогла перейти в контрнаступление.

Имя деда упоминалось в связи с тем, что в декабре 1941 года он выполнял обязанности политрука. Как так вышло, не объяснялось. Вообще сведения об Иваныче довоенного времени отсутствовали. После гибели командира роты дед принял командование подразделением. Наступая в нужном направлении, он нашёл проход в минном поле противника и через него ввёл свою роту в прорыв.

Бойцы захватили немецких противотанковые орудия, пулемёты и развернули это трофейное оружие против врага. Судя по описанию событий, дед лично вёл огонь из немецкой пушки, обеспечив дальнейшее развитие контрнаступления красноармейцев на этом участке.

Это был его первый, можно сказать, подвиг. Далее, на протяжении последующих лет войны, фамилия Иваныча всплывала неоднократно. Я однозначно решил прихватить уже все три книги с собой, хотя бы ради того, чтоб изучить каждый его шаг. Не знаю… Чувство такое было… Читал и прямо слезы на глаза наворачивались. Гордость, переживания, все подряд, наверное. Я знал, что дед воевал. Но как-то не вникал, как и во все остальное, касающееся его жизни. Теперь же каждый факт участия Иваныча в войне пробирал до глубины души.

Однако, естественно, более всего меня поразил финал его жизненного пути в новом, измененном варианте. Деду предъявили обвинение в организации заговора против… Хрущева. То есть, прямым текстом никто не связывал два события: ночное купание генсека и арест товарища Симонова, однако, у любого человека при прочтении информации, вставал логичный вопрос: сам ли утоп Никита Сергеевич? Потому как арестовали Иваныча ровно через неделю после этого события. То есть никаких других заговоров он бы устроить уже не мог по причине скоропостижной кончины генсека. Однако, при этом, прямого обвинения в причастности к трагичному событию не было. Просто вот один факт, вот – другой. Немного не стыкуется? Ну так пристыкуйте,

постарайтесь. А самое главное – тем, кто, так сказать, выдвинул обвинение и подписал приказ об его аресте, был Никита Пахомович Тихонов, пока ещё не утвержденный в должности.

Я закрыл книгу и уставился в одну точку. Дурацкая привычка делать так во время особо активного мыслительного процесса. Со стороны смотрится, будто я заснул с открытыми глазами.

– Извините. Будьте добры… – Помахал рукой работнице библиотечного зала. – Я могу взять эти книги с собой?

– Конечно, я только запишу их в Вашу карточку и внесу в компьютер.

Девушка что-то пометила в маленьком блокноте, который, как фокусник, вытащила из кармана пиджака, потом исчезла на пять минут, а затем вернулась довольная и счастливая, сообщив, что теперь я имею законное право выносить данные экземпляры из здания библиотеки.

– Чу́дно! – Поблагодарил эту приятную особу, подхватил книги под мышку и направился к выходу.

Очень надо, чтоб Матвеев узнал информацию по делу Иваныча. Решится или нет Николай Петрович – первый вопрос. Позволят или нет Николаю Петровичу – второй вопрос.

Пока что в любом случае лично мне нужно отправиться обратно в квартиру и почитать ещё. Тут же вспомнил о жене… Надеюсь, ее до ночи не будет.

Глава 4

Библиотеку покинул в состоянии глубокого философского осмысления превратностей судьбы. С одной стороны, много узнал ожидаемого и закономерного, подтвердившего мои подозрения, с другой – лучше бы не знал ничего вовсе.

Иваныча подставили, это сто процентов. Он никогда не стал бы предателем. Исключено. Как он сам говорил, у каждого есть цена. Так вот его цена за предательство партии или того, кто стоит у ее руля, несоизмерима. Я не могу представить, кто способен ему эту цену предложить, а главное – в каком эквиваленте.

Пусть дед никогда не вел со мной задушевных бесед, пусть мы не были близки, как до́лжно, однако, даже отталкиваясь от минимального знания, которое о нем имею, он слишком твердолобый, упрямый, чтоб выбрать один путь, и потом внезапно свернуть на другой. Характер не тот.

А заговор против генсека – вообще из области фантастики.

Кстати, о фантастике. Попросил милую девушку выдать ещё до кучи художественную литературу, где бы главный герой перемещался во времени. В ответ получил удивленный взгляд и два произведения: Джека Лондона «Межзвёздный скиталец» и Герберта Уэллса «Машина времени». Вторым вопросом, который задал этой книжной фее, стала тематика демонов, дьявола или чего-то подобного. Взгляд из удивленного превратился в сомневающийся. Ясное дело, не думаю, будто честным гражданам свойственно интересоваться подобным. Однако, профессионализм взял верх над подозрением, и к уже существующим экземплярам добавился ещё один – Булгаков «Мастер и Маргарита». На обложке были нарисованы несколько персонажей, но более всего среди них мое внимание привлек здоровый черный кот. Везде, сволочь, отметился. Даже в советской литературе.

В итоге, из библиотеки топал, как школьник в начале учебного года, со стопкой книг, нести которую было, между прочим, очень неудобно. Ни сумки с собой, ни портфеля, ни завялящего пакета. Я же не ожидал, что возьму все это домой. А изучить, однозначно, надо более подробно.

Прямой наводкой направился к остановке, стараясь по дороге не растерять интеллектуальное богатство. Его ещё необходимо будет вернуть на место, в библиотеку. Нужный троллейбус подошёл практически сразу. Запрыгнул, отдал пять копеек за

проезд, а потом с облегчением плюхнулся на свободное сиденье. Время перевалило далеко за обед и приближалось где-то к семи вечера.

Движение на дороге стало более насыщенным, хотя, привычных для современности пробок все равно не наблюдалось. У них, наверное, просто меньше машин. Но я, честно говоря, особо не обращал внимания на то, что творилось за окном троллейбуса. Снова задумался о Лизе. Она, выходит, тут. Не мог я ошибиться. Не мог.

Если рассудить логично, вряд ли девчонка потащила кучу детей, за которых учителя отвечают головой, с одного конца города на другой. Она, конечно, с причудью, но совсем не практично, даже из соседнего, в другой район идти с подопечными пионерами.

Теоретически, значит, там, где я их увидел, должны быть школы или школа. Нужно просто узнать, где именно, а потом пройти по учебным заведениям. И все же… учительница? Это как если бы кошка взялась заниматься досугом мышки. Девчонка имеет очень сомнительные связи с очень сомнительными личностями. Ее к детям никак нельзя. Может ли быть так, что на улице мне встретилась просто сильно похожая родственница? Не знаю. Не уверен ни в чем и ничего отрицать нельзя. Однако… Я ее как-будто чувствую. Смотрю и точно понимаю, Лизонька.

В любом случае, этот вопрос оставлю до завтра. Утром отправлюсь на поиски блондиночки.

Задумавшись, не заметил, как оказался в своем районе. Вышел из троллейбуса и, не торопясь, направился, к дому.

Во дворе народу оказалось в разы больше, чем днём. Пацаны играли в футбол, дети помладше – ковырялись в песочнице на детской площадке, расположенной в стороне от стола, где обосновались местные любители домино, а у подъездов на лавочках, наконец, сидели те самые бабушки. Даже жить стало легче при виде их. Раз они тут, значит, конец света откладывается. Бабушки на лавочке – это символ стабильности и покоя. Хотя, некоторых так язык не повернется назвать, скорее женщины средних лет. Мое появление они встретили гробовым молчанием. Только что говорили, обсуждали какие-то свои важные темы, но едва заметили меня, топающего к подъезду со стопкой книг, моментально умолкли. Причем, лица у них были, словно каждая увидела нечто сильно шокирующее. Буквально застыли изваяниями, а потому со стороны смотрелись, как монументальная группа – «Честь и Совесть двора».

– Добрый вечер. – Культурно поздоровался. Это – очень опасные, но очень нужные личности. Их надо уважать, причем

наглядно, демонстративно. Они знают все, всегда и о всех, вплоть до цвета трусов особо ненавистной соседки.

Женщины одновременно кивнули в ответ, при этом, глядя на меня все с тем же выражением лиц, которое сложно было подогнать под четкое определение.

– Иван… А чё это? – Одна всё-таки не выдержала.

– Где? – Оглянулся в поисках предмета, ставшего причиной интереса.

– Да вот же! – Она ткнула пальцем в книги.

– Это, Никитишна, учебники. Видишь, Иван решил… – Вторая соседка принялась перебирать губами в поисках подходящих вариантов, но их у нее, похоже, не нашлось. – Иван, а что эт ты решил?

– Да ничего. Вот, почитать хочу. Занимаюсь самообразованием.

– Чем, чем? – Та, которая Никитишна, сдвинула летний вязаный берет на бок, освободив одно ухо и развернувшись им ко мне.

Ну, ясно. Началось представление. Сейчас они меня тут раскатают в блин.

– Решил стать порядочным человеком. Буду менять жизнь к лучшему. – На провокации поддаваться я не планировал. Знаю, как ведут себя эти дамочки. Имел честь, или трагедию, допрашивать одну подобную особу, лет восьмидесяти, в первый год работы в ментовке. Расстались мы через три часа. Она ушла довольная, что, наконец, хоть с кем-то поговорила и этот кто-то вынужден был по долгу службы ее слушать. Я же остался с нервным тиком и желанием убивать всех без разбора.

– Ох, ты ж смотри-ка… Неожиданность… Это ты трезвый нынче, значит? – Подруга Никитишны прищурилась.

– Конечно! Больше ни капли! – Широко улыбнулся всем сидящим на лавке сколопендрам.

– Ох, Иван… Не давал бы ты поспешных обещаний… – Протянула Никитишна, а потом посмотрела куда-то мне за спину. Естественно, я оглянулся. По двору шла моя ненаглядная супруга, а рядом – точная ее копия, только годами постарше и грудью размера на два побольше.

– Ага. – Поддакнула товарка Никитишны. – Теща твоя пожаловала, тут грех не выпить. Для профилактики от яду.

Остальные соседки просто сидели молча, в ожидании представления. А они его реально ждали. Одна бабуля даже достала очки из кармана и напялила их на нос.

– Ва-а-а-аня-я-я… – Начала Ксения ещё не доходя до подъезда.

Господи, что ж она так мерзко произносит мое имя… Тянет его, как жвачку.

Я повернулся к этой парочке лицом. Теперь имелась возможность нашу мать рассмотреть во всей красе. Росту она была приличного, гренадерского. Выше дочери почти на голову. Размах плеч навевал мысли о команде по спортивной гребле, где ей, теще, уверен, были бы рады. Лицо не отличалось излишней привлекательностью и один в один напоминало лицо Ксении. Такие же блеклые, навыкате глаза, нос картошкой, светлые брови, подведенные темным карандашом и, конечно, грудь. На ней, на груди, в час тоски прилегли бы пара, а то и тройка особо утомившихся.

– Ваня, ну, что ты? Не рад? Смотри, к нам мама в гости приехала. – Ксения широким жестом указал в сторону родственницы.

Ване, если честно, вообще было глубоко плевать и на маму, и на саму Ксению. У Вани дед в предатели попал, а по городу бегает столетняя ведьма, которая ни на год не постарела. Поэтому Ваня молча развернулся и пошел к подъездной двери.

Бабушки разочарованно выдохнули. Видимо, спектакли, где в главных ролях выступало наше семейство, здесь были в чести.

В этот момент, соответственно законам жанра, во дворе появился ещё один человек. Молодой мужчина, в приличном костюме, с галстуком и портфелем в руке. Внешне, может, не красавец, однако, несомненно, вид имел представительный.

Бабушки сново выдохнули, но теперь это был звук ожидания. Похоже, начинался второй акт.

– Анатолий! – Радостный крик принадлежал нашей матери. Женщина – гренадер распахнула руки и двинулась навстречу человеку, который при ее виде сильной радости не выказал, а, вроде как, даже напрягся.

Соседки на лавочке одновременно повернулись ко мне, ожидая ответного хода.

– Здравствуйте, Елена Ильинична. – Мужчина не дал родственнице Ксении подойти ближе и слиться с ним в объятиях. Он резко выкинул руку вперёд, именно резко и именно выкинул, словно хотел не предложить рукопожатие, а засадить моей теще в печень. Ну, хотя бы теперь знаю ее имя. Представляю реакцию, если бы я поинтересовался, как зовут нашу мать.

– Здравствуй, Анатолий! Прекрасно выглядишь. Как дела? Говорят, очередное повышение? Все же ты удивительный молодец. В достойном месте трудишься, не то, что некоторые… – Елена Ильинична каждую свою фразу сопровождала косым взглядом через плечо.

Все они, конечно, предназначались мне и по ее разумению, должны были жалить мое самолюбие, заставив его истекать кровью.

Мог бы сказать откровенно женщине, что плевать хотел на ее манипуляции, но с интересом продолжал наблюдать за этим увлекательным представлением. Не только я, кстати. Даже мужики за столом перестали лупить костью. Похоже, все ждали сцены в стиле «Кармен» или «Отелло», расценив нас с бедным Толиком, как соперников за сердце Ксении, которая при появлении бывшего ухажера, расправила плечи и принялась «стрелять глазами», в большей мере промахиваясь мимо нас обоих.

– Анатолий, ты заходи к нам. Мы тебе всегда рады. В любое время. Особенно Ксения. Вы же одноклассники. Школьные годы они – на всю жизнь.

К нам? Интересно. Квартира моя, куда это «к нам» женщина – гренадер зовёт Толика? Лично я вообще никому не рад. Дел невпроворот.

– Ладно. Вы тут вспоминайте школьные годы, а мне двигаться надо. – Открыл дверь, планируя войти в подъезд, но Ксения шустро подскочила, оказавшись волнительно близко. Волнительно – в смысле «не дай бог».

– Ревнуешь что ли? – Она своим мизинцем ухватила мой мизинец и загадочно улыбнулась.

– Безумно! – Выдернул руку, а потом двинулся дальше. Как сказал Матвеев, дай бабе, что она хочет, и живи спокойно.

Кстати, по поводу Матвеева. С участковым надо было переговорить на предмет развивающейся брусчато-кирпичной мафии. Мужикам все равно особо сильно за это не прилетит. Уверен, Николай Петрович скорее всего наваляет им люлей, проведет сто пятьдесят шестую профилактическую беседу, как и положено участковому, а мне факт сердечного признания очень даже сыграет на руку.

Поэтому бегом поднялся на нужный этаж, чуть не умерев при этом от напряжения. Черт. Так дело тоже не пойдет. Надо потихоньку себя в норму приводить. Сколько здесь пробуду, пока не понятно. Да и вообще. Дело принципа.

Пять лестничных пролетов, а я готов подавиться собственными лёгкими.

Заскочил в квартиру, положил книги на тумбу, стоявшую рядом с вешалкой, но потом подумал о двух гадюках и убрал драгоценные экземпляры в шкаф, который находился в спальне. Даже сверху вещей немного эстетично накидал. Книги им, конечно, даром не нужны, но ради пакости могут что-то

предпринять.

Вышел обратно в подъезд и спустился на улицу. Все участники трагикомедии были на месте, однако, без главного зрителя, то есть меня, огонек из их выступления пропал. Женщина – гренадер уже не смотрела на Толика с обожанием, а тот, бедолага, судя по несчастному лицу, не чаял, как уйти от нее живым. Однако, сто́ило мне появиться, Ксения сразу раскрылилась, Анатолий напрягся ещё больше, бабушки на лавочке довольно зачмокали губами.

Я быстро пробежал по соседкам глазами и выбрал самый достоверный источник информации.

– Никитишна, уж простите, имя забыл, где тут у нас место дислокации участкового?

Специально использовал такое пространное определение. Не понятно, о чем конкретно спрашиваю, то ли про отдел, то ли про адрес жительства. Бабуля не подвела и выдала оба. Кстати, участковый пункт находился там же, где и должен.

Я поблагодарил за помощь, а потом, обогнув Ксению, тещю и Толика, направился к Матвееву для доверительной беседы.

По дороге упорно продолжал рассматривать все попадающиеся на пути кусты. Что за гадская тварь этот кот. Вот сейчас я был бы ему очень рад. И ему, и Наталье Никаноровне, и Белиалу. А ведь подумать не мог совсем недавно, что так сильно захочу увидеть данных товарищей.

До нужного адреса идти было недолго. Буквально пять минут и я уже открыл дверь с табличкой «участковый пункт». Внутри оказалось пусто. Сначала, прямо у входа, имелась комната для посетителей, если можно так назвать, потом коридор уходил налево. Уже там значились два кабинета, один из которых не был закрыт и оттуда слышался голос Матвеева.

– Да. Я понял. Есть! Нельзя допустить лишних разговоров и паники. Да. Конечно, три убийства это уже совсем не смешно. Так я и не смеюсь, товарищ подполковник, это нервное. В моем районе история, от которой выть хочется.

Я медленно попятился назад, возвращаясь ко входу. Старался это делать максимально тихо, ещё лучше, вообще беззвучно. Интересный, однако, разговор. Николай Петрович обсуждает со старшим по званию то, что ему приказали скрывать от жителей, не допустив утечки информации. И речь идёт об убийствах. Вопрос. Если все, кроме меня самого и политической ситуации, осталось, как есть, не о моем ли маньяке идёт речь…

Приоткрыл дверь, а потом со всей силы, аж штукатурка с потолка посыпалась, хлопнул ею, чтоб майор точно знал, пришли посторонние.

Матвеев буквально сразу выскочил в коридор.

– Симонов! Что надо? Только виделись сегодня.

– Разговор есть важный. Очень важный. Думаю, Вам не понравится. Информация, можно сказать, секретная.

Участковый мгновенно напрягся.

– Тут видите, какое дело… Его, конечно, афишировать не стоит. Опасно. По головке не погладят…

Матвеев, несмотря на свой возраст и комплекцию, а он далеко не стройный юноша, скажем честно, оказался рядом за одну секунду, и, сжав мое плечо, зашипел прямо в лицо.

– Откуда знаешь про убийства?!

Эх, товарищ майор, что ж ты такой… Ну… лох. Да. А иначе не скажешь. На пенсию пора, точно. Это же чистой воды психологический прием. Тема последнего разговора ещё сидит в голове из-за ее незавершённости. Ровно пять минут после внезапно прерванной беседы именно она, эта тема, является отправной точкой восприятия. Любой вопрос, не имеющий конкретики, мозг автоматически адресует к сигнальному маячку, который сам же себе и установил. Какие бы многозначительные фразы, кто бы сейчас не произнес, машинально участковый оценивает их в контексте насущной проблемы, потому что продолжает о ней думать. Вот так я хотел сказать, но, конечно, вслух озвучил совсем другое.

– Какие убийства, Николай Петрович? У нас?! Да Вы что? Кого убили? Женщин? Троих? Первая была найдена в посадке возле трассы. Вещи на месте. Ничего не украдено. Лежала, раскинув руки и ноги. На спине. Вырезаны глаза, рассечен рот, отсутствует язык. Вторая в таком же виде спустя меньше двух недель. Противоположный конец района. Там, где вырыт котлован. Третья – буквально несколько дней назад. Убийства – серийные. Вы про это?

Глава 5

Выпалил все одним заходом и замолчал, ожидая, пока участковый придет в себя и что-то скажет в ответ.

– Симонов… Кто тебе донес информацию? – Матвеева было жалко. Честно. Он выглядел, как человек с сердечной недостаточностью. Дыхание стало свистящим и с одышкой.

– Так видите в чем дело. Живу в другой реальности. Там я – мент. Расследую эти самые убийства. Поэтому и знаю.

Участковый на секунду завис, потом с пониманием хмыкнул, отпустил мое плечо и даже одним движением отряхнул смявшуюся ткань, расправляя ее.

– Очень смешно, Симонов. Обхохочешься просто. Юморист, смотрю.

Я в ответ тоже усмехнулся. Отличный вариант – в ситуации, когда не знаешь, что сказать, руби правду – матку. Чем она нелепее, тем больше вероятность, никто тебе не поверит. Сочтут за шутку. Заодно, сами придумают оправдание.

– Моя кому-то рассказала, да? Сколько раз говорил ей, бестолковой, не суй нос не в свое дело. Нет, ходит, подслушивает, а потом обязательно «по секрету» растрепет хотя бы одному человеку. Моя? Ну, говори.

Я сделал загадочное лицо и развел руками. Мол, додумайте сами, товарищ майор, намекая тем самым, что предположение его верное, но как порядочный человек в даму пальцем тыкать не могу.

– Да моя, конечно! Больше некому. Свидетели сидят тише воды, ниже травы. Собственной тени боятся. Первую девушку пацан нашел из училища. Бегать пошел утром, и наткнулся. Любитель здорового образа жизни, чтоб его. – Уточнение Матвеева выглядело доне́льзя глупо. Можно подумать, пацан в чем-то виноват. Или, не найди он труп, тот бы сам к обеду испарился.

– Вторую – собачатник. – Продолжал причитать Николай Петрович, – Псину свою выгуливал. Ну, а третью вообще дружинники. Вот. А подполковник говорит, смотри, чтоб никто не узнал, чтоб разговоров среди народу не было. Не будет тут, как же! Если под боком вражина сидит. Вчера ещё, главное, выпил когда водочки, сам с собой вслух сидел рассуждал. В кухне. Думал, спит. А она опять караулила. Ты хоть скажи, много людей знают?

– Очень мало. – Ответил совершенно честно. Потому как реально мало. Из простых граждан, не считая свидетелей, выходит, я один.

Матвеев удручённо покачала головой, а потом пошел обратно к своему кабинету, махнув мне рукой, чтоб я следовал за ним. Конечно же приглашение было принято.

– Ты смотри, Симонов, пока бабы что-то там буробят, это – сплетни. Когда мужик подобные истории рассказывает, это – информация. Понял, да?

Участковый сел за стол, я, естественно, скромненько на стульчик.

– Вот так вот. Три убийства… В нашем городе. В нашем районе. Это вообще, конечно… И главное, никаких следов. Понимаешь?

Конечно, понимаю. Сам чуть до инсульта с ними не дошел. Рядом с телами не было улик. Вообще никаких. Ни следов обуви, ни случайного волоска, ничего. Жертвы – то же самое. Под ногтями – земля. Кожа рук – ни царапины, ни синяка. Такое ощущение, будто женщины сами пришли на место гибели, сами с собой все это сотворили, а потом легли звездой и умерли. Ну, или некто таинственный умеет летать. Спустился с неба и туда же отправился, сделав свое паршивое дело. Хотя, в данном случае, жертвы должны были просто лежать и ждать, когда все закончится. Бред конечно.

– Понимаю. Вас напрягают сверху из-за опасений, что может начаться паника?

– Симонов, не может. Она начнется. Это первое. А втрое, встанет закономерный вопрос, чем это у нас занимается милиция. У граждан встанет. У руководства он уже встал. Завтра ждём чекистов. Народный комиссариат подключили. В общем… хрен мне, похоже, а не кролики… – Матвеев тяжело вздохнул и подпёр щеку кулаком, грустно глядя вдаль.

– Николай Петрович, я, собственно говоря, чего пришел. Мы же днем говорили. Помните? Насчёт деда и моего исправления. Так вот… Решил доказать свое стремление к порядочной жизни делом. Леня…

– Ну, нет… – Майор даже не дал мне договорить. – Филимонов. Опять? Только этого сейчас не хватает. Да что ж все сразу – то. Если катиться к черту, так до самого конца. Ну! Рассказывай! Чего молчишь?

– Так я говорю. Решили сегодня ночью брусчатку со стройки воровать. На нее уже есть покупатель. Но… тут подумал. Вы же обещали насчёт деда помочь. А я обещал бросить пить, и далее по списку.

Замолчал, демонстрируя участковому сильные муки совести, все же товарищей «слил».

– Ясно. – Николай Петрович снял фуражку с головы, положил ее на стол, а потом выдал. – Уволюсь, не дожидаясь пенсии. Иначе просто не доживу. Сдохну. Ладно. Информацию принял. Ситуацию понял. Будем решать. Иди домой, Симонов. Молодец, что пришел, что покаялся. Достойный поступок достойного гражданина. За них не переживай. Сейчас соберусь, пойду проведаю по десятому разу. Накручу хвоста. Если что, про тебя говорить не буду. Скажу, птичка принесла в клювике информацию.

Эээээ… нет. Тут такие дела, а он меня отправляет восвояси. Выходит, убийства есть. Снова. Значит, тот, кто затеял это в моей реальности, то же самое делает и здесь. Очень вряд ли это разные люди. Специфика слишком узкая. Лиза же сказала, идёт подготовка к ритуалу, схожему с тем, который в свое время провел Мацкевич. И тут меня осенило.

– Николай Петрович, нужно выяснить за одного человека. Есть ли он в нашем городе?

– Симонов, ты совсем того? Чокнулся? Или обнаглел? Может, отправишь меня в магазин за «чекушкой» метнуться? А? А чё нет то. – Матвеев схватил фуражку и решительно водрузил ее обратно на голову. – Ты края не путай!

– Вы не понимаете. Это очень важно. Очень. Если вдруг мое подозрение окажется небезосновательным, оно сильно может повлиять на ситуацию.

Черт, как же ему преподнести все? Вот тут невольно порадуешься, что Матвеев человек хороший, но немного глуповат, иначе не сидел бы в участковых, да и знаю я его не первый день. Что там, что здесь, он, в принципе, один и тот же. Был бы кто помоложе, посообразительнее, не вышло бы у меня такого кардебалета, который провернуть собираюсь.

– Николай Петрович, тут такое дело… – Снова многозначительно закатил глаза и тяжело вздохнул.

– Симонов, ты мне это брось. Повторяешься. Что ещё? – Майор побагровел и вытер покрывшийся испариной лоб. Явно ничего хорошего от этой жизни он уже не ждал. Погоди, Николай Петрович, сейчас я тебя прямо обухом по голове.

– Завербовали меня.

В комнате повисла звенящая тишина. Лицо у Матвеева было, будто он сейчас либо заплачет, либо встанет и даст мне в морду. Второй вариант менее вероятен.

– Кто?!

– Так чекисты. Пришел человек домой, сказал, надо бы к Вам

проявить пристальное внимание. Мол, до пенсии всего ничего, есть некоторые вопросы. Подробно объяснять не стал. Сами знаете, они не объясняют. Но вроде как, если правильно себя поведу, то появится шанс снять пятно позора с фамилии.

Майор пристально смотрел на меня минут пять, а потом резко вскочил из-за стола и принялся расхаживать по комнате. Честно говоря, было его искренне жаль. Но когда на кону своя жизнь и жизнь деда, тут выбор очевиден.

– Так и знал! – Он подошёл к столу и со всей силы ударил кулаком по столешнице. – Чувствовал. Что эти сук… эм… эти люди моей персоной интересуются. Поди уже на здешнее место подходящего человека нашли. Эх… дожил…

Конечно, я пер по бездорожью, в наглую, напролом. Но и сидеть в ожидании чуда можно бесконечно долго. Мне нужна информация и по делу, и по убийствам. Все это имеет большое значение. Маньяк приведет к демонам. Он ведь не случайный человек, не от балды такие вещи страшные делает. Сто процентов прекрасно знает о ритуале и о том, в чем его суть. Соответственно, можно потянуть ниточку, которая даст возможность вернуться обратно в 1941. Что-то в этот раз никто не торопится меня никуда отправлять по своему желанию. А если ни Клетчатый, ни Наталья Никаноровна так и не объявятся? Или с Лизой все же вышло недоразумение? Мало ли. Может, глюкануло на почве увлеченности девчонкой. И как быть тогда? Оставить все, как есть? Ну, уж нет. Значит, я добьюсь, чтоб эта чертова Звезда Давида снова заработала.

– А почему ты меня тогда попросил узнать про деда? – Очень далеко в мыслях Матвеева все же проскочило, видимо, сомнение.

– Так чекисты могут правды и не сказать. Даже быстрее всего, не скажут. А Вы скажите.

– Эх, Симонов… – Участковый подошёл ближе, положил мне руку на плечо. – Спасибо, Иван. Что предупредил. Я этого ввек не забуду. Так а что ты говорил? Про человека? Кто такой?

– Хорошо бы узнать, не живёт ли в нашем городе кто-то с фамилией Мацкевич.

По сути, все это выглядело, как гадание на кофейной гуще. Но и выбора пока нет. Если наличие потомков Мацкевича подтвердится – это будет самый лёгкий путь. С моей удачей – сомневаюсь. Если же людей с такими данными нет, будем думать дальше.

– Понял тебя, Иван. Хорошо. Договорились. С меня, значит, информация по двум вопросам, с тебя – сам знаешь, что. Хочу уйти нормально, с почестями. – Матвеев был серьёзен и сосредоточен.

– Хорошо, товарищ майор. Туда, – Многозначительно поднял глаза вверх, – Буду отчитываться, что все хорошо. Если возникнут вопросы, сразу к Вам.

– Сам не боишься?

– Боюсь. А как же иначе. Организация серьезная. Но ещё знаю, каково это, оказаться виновным. Хоть не на своем примере, личном, а все равно знаю. Потому захотел выяснить, что там было в деле. Да и с Вами мы уже сколько бок о бок. Все мы не без изъянов, но человек вы сто́ящий.

Мы с Николаем Петровичем посмотрели друг на друга долгим взглядом, потом встали одновременно и обнялись крепко, как два настоящих советских мужика. Мысленно же, на самом деле, попросил у него прощения. В этой реальности он и правда нормальный мент.

– Идём, Симонов. Я наведаюсь к твоим товарищам, а ты шуруй домой. Отдыхай. Завтра по человечку твоему будет информация, тогда подробнее объяснишь, кто такой. – Участковый указал мне на дверь, и сам взял ключ, собираясь покинуть рабочее место.

Из участка мы вышли порознь. Так настоял Матвеев. Я, собственно говоря, не возражал.

На сегодня программа минимум была выполнена. Сведения, необходимые для первых шагов, успешно получены. Более того, ещё и нарисовалась поддержка в лице участкового. Неожиданно, но в этом несомненный плюс. Николай Петрович в моем сложном деле будет очень полезен.

Можно теперь идти домой и заняться изучением истории этой реальности на протяжении добрых восьмидесяти лет. Все равно данное занятие будет гораздо продуктивнее и приятнее, чем общение с членами моей, прости Господи, семейки. По Иванычу тоже нужно посмотреть, что ещё имеется. Каждый факт пригодится. Мне нужно максимально быть готовым ко всему.

Я направился к своему двору, чувствуя пусть небольшое, но удовлетворение. Сильно радоваться пока нечему, хотя, какие-то шаги уже сделаны.

На улице смеркалось. Люди расходились по домам, собираясь заняться семейными делами, чтоб готовиться к завтрашнему новому дню, поэтому прохожие на пути практически не встречались.

Интересно. Меня вернули, получается, в день, следующий после смерти деда. Обратно, по идее, нужно попасть туда, где я решил Тихонову отдать книгу. Думаю, это был неверный поступок.

Правда непонятно, Никаноровна утверждала, будто я должен

предотвратить ошибку. То есть ошибкой, выходит, было решение Иваныча отдать эту дьявольскую вещь? И я тоже отдал. Или, наоборот, дед хотел не отдавать? А я напортачил. Твою ж мать… Голову сломать можно.

Ну, ладно. Хорошо. Если рассмотреть вариант, что дед книгу не отдал. Я исправил ситуацию. Вручил чёртову вещицу Тихонову. И?

Демонам какой от этого толк? От того, что я поступил иначе, чем Иваныч. Книга попала к чекистам, война все равно случилась, но Союз не развалился. Если не считать мою отвратительно сложившуюся жизнь и ситуацию с дедом, в остальном же все хорошо. Так оно выходит. Предположительно, даже лучше, чем могло бы быть. В этой реальности страна не знала периода перестройки и того, что началось после развала Союза. А это уже ого-го сколько значит. Я был маленький в начале десятилетия, но поздние девяностые все равно застал в более-менее сознательном возрасте. Несомненно, они оказались очень насыщенные, энергичные, и при этом очень опасные. Одни чеченские войны чего стоили. Людей сколько полегло. Да как глупо. Вспомнишь, вздрогнешь.

Так сложилось, имелась возможность один раз общаться с тем, кто в первую чеченскую попал. Причем, реально попал. В полном смысле этого слова. От того, что он рассказывал, вставали волосы дыбом.

Помню, во время стажировки, когда готовился стать снайпером, обратил внимание на одного из инструкторов. Было в нем что-то… специфическое, особенное, привлекающее взгляд. Пожалуй, и не объяснишь толком. Что именно, понял значительно позже.

Он повел нашу небольшую группу в лес. Это было первое занятие подобного плана. Не полигон, не наглядная мишень, а реально сложные условия, в которых зачастую, на самом деле, придется работать снайперу.

– Самая главная ваша цель – стать невидимым. – Инструктор стоял напротив нас в камуфлированной шляпе, надвинутой на самые брови. Званий обучающих мы не знали, обращались по именам. И те не уверен, что настоящие. Этот представился Максимом. – Сейчас, в данный момент, вы все под прицелом. Где стрелок? Определите?

Мы принялись вглядываться, крутить головами, щуриться. Ничего. Пусто. Деревья, как деревья.

– Нет там никого. – Я ещё был полон безосновательной уверенности в себе и решил блеснуть дедукцией. Мне казалось, она у меня есть. – Вы нас проверяете просто.

– Да вот же он, прямо у вас перед носом! – Инструктор, усмехнувшись, рукой указал на рядом стоящее дерево, до которого приблизительно тридцать шагов, не такая уж густая листва, но я хоть убей никого там не видел.

– Нету? – лицо у него было серьезное, однако, по глазам только дурак бы не заметил, что специалист смеётся над нами.

– Нету, – Я снова пожал плечами, совершенно уверенный в своей правоте.

– Серега, подай голос! – Инструктор, сложив руки рупором, крикнул куда-то в сторону леса.

Я хмыкнул. Разводит нас и дальше. Ну-ну. Считал себя уже опытным человеком, все же не один год спецназа и СОБРа за плечами.

– Чего? – Когда ответ прилетел из леса, нужно было видеть наши лица. Мы просто охренели. Выходит, реально снайпер здесь.

Но все равно не могли понять, откуда он отзывается. Даже направление звука проследить невозможно.

– Ну, ладно… Вот ты. Подойди – Инструктор, пробежав взглядом по нашему строю, поманил меня рукой. – Теперь смотри. А здесь есть кто-нибудь?

Мы обошли ближайшее дерево, проламываясь сквозь кустарник, я поднял голову – опаньки! – прямо надо мной, упираясь ногами в ствол, висел камуфлированный боец. Он смеялся глазами, да ещё помахал мне рукой. Ствол винтовки торчал прямо из дерева.

– Пока снайпер невидим – он жив, – Сказал Максим, – Даже после выстрела противник не должен его обнаружить. Вот смотри, стрелок забрался не абы на какое дерево, оно стоит так, что звук от выстрела рассеется среди остальных растений и понять, откуда стреляли, будет невозможно. Ты же слышал, как он отозвался? Направление не угадал? То-то и оно. Невидимый, неслышимый – призрак. В первую очередь вы должны научиться не только стрелять, но и выжить.

Потом, спустя несколько дней, а было это 31 августа, как сейчас помню, вечером вышел на полигон. Настроение было какое-то тревожное. И вроде видимых причин нет, а маятно. Издалека заметил силуэт человека, сидящего на большом камне в самом конце территории. Подумал, кто-то из курсантов и, не сомневаясь, пошел к нему. Оказалось – Максим, тот самый инструктор. Он, даже не повернув головы, едва я приблизился, задал вопрос.

– Знаешь, какой сегодня день?

Конечно, ничего там никто не знал. О чем и сообщил без всякого стеснения. Мало ли, может, у него свой личный

календарь памятных дат.

– День большого предательства.

Я лихорадочно принялся вспоминать, что же такого произошло. Наверное, лицо у меня при этом было очень выразительное.

– Не напрягайся. Вы не знаете. А те, кто знал, в большинстве́, не помнят.

И вот тогда, на фоне садящегося за горизонт солнца, человек, учивший нас правильно убивать и остаться самим целыми, рассказал мне то, что я никогда не знал. Лишь по причине отсутствия интереса. Ясное дело, факт первой чеченской войны, конечно, известен, но разве мы вникали в детали?

Глава 6 [1]

Не знаю, почему вспомнил ту ситуацию именно теперь, на фоне размышлений о своих фантастических перипетиях и правильности выбора в сложившихся обстоятельствах. Но вспомнил ярко, будто сейчас это произошло.

Максим тогда говорил вроде со мной, но в то же время, будто не со мной вовсе. Просто бросал слова в воздух, или, как «голыш» по воде. Он летит, прыгает, а от него круги в разные стороны. Вел диалог с теми, кого не было рядом. Вот такое складывалось ощущение. И собеседник ему не нужен, и уйти не уйдешь. Дурацкая ситуация. Я тогда сильно пожалел, что вообще подошёл.

– Это же время страшное по своей сути. То, что война на Кавказе неминуема было понятно и ясно. Проблемы возникали не только в Чечне. Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария – везде тлело то, что могло вспыхнуть в любой день. Сидели, как на пороховой бочке. Там формировались группы националистов. В открытую. Без стеснения. Через Грузию им отправлялись силы и средства. К примеру, чтоб ты понимал, существовали грузинские спецотряды Мхедриони, которые уже тогда подготавливали американские специалисты. И вот этих людей потом забрасывали в Россию. В Чечню, в частности. Тогда! Понимаешь. Не первый день нас пытаются обложить со всех сторон. Костью мы стоим в горле половине мира. Как же, территория огромная – непорядок. Головы́ склонять не хотим – не порядок. Гитлера остановили – опасно. Весь мир под него был готов лечь. Франция хваленая. И что? Сорок два дня продержались. Европа, твою мать. А мы сломали хребет. Боятся нас. И боялись. Всегда так будет. Но тогда все рушилось внутри. Внешний враг раскачивал страну, а эти… которые в тот момент у власти были…

Я тактично молчал, понимая лишь, что сидящему рядом человеку очень пакостно на душе и хочется выговориться. При том, что он, на секундочку, специалист определенного направления. Это насколько же данная тема должна быть для него болезненной, если волна пошла. И ведь не пьяный, чтоб в откровения удариться.

– Знаешь, как все выглядело в реальности? Хреново! Погранзаставы, стоявшие на границе Чечни и Грузии, фактически защищали сами себя. Сами себя. Тут уж не до родины. Небо над республикой тоже не контролировалось. Из-за бугра спокойно

летели самолеты с боеприпасами и оружием.

Это ещё хорошо, что появился, к примеру, тот же Рохлин, один из немногих, отнесшихся к назревающей заднице правильно. А задница назревала такая, что у сведущих людей свербило во всех местах. Только предотвратить этого не могли. Чинами не вышли.

Рохлин, понимаю это только сейчас, спустя время, о грядущей чеченской кампании знал. Он начал делать то, за что над ним чуть ли не в лицо смеялись, обзывая паникером, – усиливать корпус новыми подразделениями. Мы готовили оружие, боеприпасы. Но самое поганое, я тебе скажу, к возникновению ситуации в Чечне привела именно Москва своими просто идиотскими действиями.

Ты не знаешь, конечно. Сколько там тебе лет было то? Но все газетенки России облагораживали дудаевцев, представляли их бескорыстными борцами за светлое будущее чеченского народа, а те, кто был против, обзывались марионетками, у которых новая власть «отбирает кормушки».

Когда начались митинги… Ну, там их оппозиция суетилась, Москва ни одним словом не откликнулась на ситуацию в республике, но зато Дудаев вслух, громогласно сказал, что он разговаривал с Ельциным, и тот якобы пообещал ему два полка МВД, чтобы те разогнали митингующих. И прикинь, Москва не опровергла его слова, вообще никак не отреагировала. Просто тишина. Все.

Максим замолчал, низко наклонив голову и внимательно разглядывая свои берцы, будто мог там что-то увидеть, способное опровергнуть его высказывания или подтвердить их. Я вообще притих, плохо понимая, как себя вести. Беседу поддержать или, первая мысль была все же верна, просто выслушать. Однозначно, несмотря на секретность вокруг их личностей, инструктор выше меня по званию. Хлопнуть его по плечу, сказать, забей, парень, сколько времени прошло, никак не могу. Да и вообще. Ему даже по возрасту сейчас около сорока, не меньше. Неуважение будет с моей стороны. И это не считая того, насколько мой опыт отличается от его опыта.

– А! Да… Еще один момент… В сентябре 1992 господин Дудаев полетел в Боснию. Миротворцы арестовали его самолет, набитый оружием и вооруженными людьми. Кажется, все – избавились от сепаратистов, можно что-то делать в республике. Бери его готовенького. Но нет, господин Ельцин позвонил туда, и самолет сняли с ареста, а всех этих товарищей отпустили обратно домой. Прикинь?

Знаешь, сколько за полгода первой чеченской кампании было

продано единиц летательной техники? Вертолеты, самолеты. Сотнями! А следом высокие чины в Грозном выступали на их телевидении, заявляя, что сбито 300 самолетов и вертолетов противника. Ну, то есть нас. Мы же противником считались. Они просто-напросто прикрывали факт списания и продажи нашей летательной техники. Соображаешь? Наши «бабки» отмывали, а те прикрывали. Не сложно сопоставить одно к другому.

Но тогда мы ещё особо не понимали. Мне повезло попасть под командование Рохлина.

В сам Грозный мы должны были входить с востока, а пошли с северо-востока. Старались продвигаться там, где нас меньше всего ждали. Строго под прикрытием артиллерии, а не кавалерийским наскоком, как это делали другие группировки, наступавшие на Грозный. Потому что информация «сливалась» Дудаеву за пять минут. Нашими же и «сливалась». Поэтому мы сведения подавали одни, а поступали совсем по-другому.

В результате, когда начались серьезные бои, только у нас, по сути, сохранилась связь с тылами и полноценное управление. Уже в городе, к нам стали прибиваться подразделения из других группировок. Нашему, рохлинскому штабу было передано управление всеми силами, штурмовавшими Грозный.

То, что там происходило, не просчеты командования, а что-то несусветное. Почему для участия в операции привели неукомплектованные части? Каким чудовищным образом их доукомплектовывали! К примеру, присылали к танкистам каких-то моряков, поваров. Логично разве? Правильно? Профессионально? Да хрен там! Костяк разведбата нашего корпуса составляли люди, служившие в ГДР. Приблизительно представляешь степень их готовности к военным действиям? Нулевая! Там они привыкли к комфорту, а тут их ждали бесконечные полигоны. Не все смогли перестроиться. Да и не все хотели, если честно. Мы прибыли, по сути, в разгар партизанской войны. Задачей нашего подразделения были ежедневные выезды на обнаружение и уничтожение бандформирований, складов с оружием, припасами, розыск полевых командиров, которые скрывались в горах, в населенных пунктах, да и в самом Грозном, они ведь далеко не уходили, они всегда были там, просто возникала трудность выявить их, где они находятся. Каждый день мы все равно делали это и несли сопутствующие потери. Первая потеря – наш водитель. Он с двумя офицерами выехал на рынок города Грозного. Их всех вместе убили выстрелами в затылок. Прямо на рынке, среди бела дня, при всем народе.

Знаешь, как? Они остановились возле центрального рынка, машина стояла на дороге. Офицеры вышли вдвоем… Тоже,

конечно, нарушили инструкцию, совершили глупость: никогда нельзя поворачиваться спиной, запомни. Всегда нужно стоять, как минимум, спина к спине. Вдвоем подошли к торговым рядам. Из толпы появились два человека, подошли к ним сзади, приставили к затылкам пистолеты и сделали два выстрела одновременно. Не спеша, прямо там, сняли с них разгрузки, оружие, обыскали, забрали документы – короче, все, что у них было. И на фоне всего происходящего, представляешь, торговля шла, как ни в чем не бывало, ничего не остановилось…

А потом друга моего, товарища… Пятнадцатилетняя девочка вязальной спицей. Прикинь? Подошла и под броник засадила, под мышку…

Вот так вот. А для наших верхушек все это было ради того, чтоб списать вооружение, сворованное и проданное при выводе войск из Восточной Германии. Понял? Масштабы представляешь? Вот эти масштабы надо было хорошо спрятать некоторым людям. Что может быть лучше войны в этом случае? И ещё… Опять же, спустя время понял, как «удачно» вся ситуация на Кавказе возникла к тому моменту, когда Союз решили уничтожить, развалить его.

Но мы все равно выполняли долг перед Родиной. Иначе-то никак.

А закончилось все… Встретились, поговорили, руки пожали тем, у кого они по локоть в крови и все. Итог – заключённые за одним столом соглашения. Это, как раз было 31 августа 1996 года. Мы эти соглашения восприняли как предательство. Месяц-другой – и все можно было закрыть окончательно, как произошло позже, во вторую кампанию. Если первая война была вялотекущей, то во второй боевиков реально выгнали в короткие сроки навсегда. Им деваться было некуда – их выбили практически со всех направлений. Граница с Грузией была закрыта, и нам оставалось либо брать их в плен, либо добивать. А тогда, в 1996, нас просто увели приказом. Возмущения на этот счет, и среди солдат, и среди офицеров, и среди генералов было достаточно много. А что толку то… Все же понимали, это как если бы во время Второй мировой Жукову сказали не входить в Берлин, так как мы договорились с Гитлером.

Максим снова замолчал. Несмотря на то, что прошло уже почти двадцать лет, он, похоже, помнил все события, будто они вчера приключились. И вот в тот момент я осознал, почему с первого дня выделял его среди остальных. Он действительно помнил, а потому знал, как правильно. Оно ведь если чуть расслабился, забыл свой опыт, особенно когда он плохой, тяжёлый, можешь рассчитывать на новый круг. Всегда это

происходит. Нельзя забывать, иначе так и будешь оказываться в отправной точке. Или события будут снова возвращаться.

– Ладно. Что – то я… лишнее, наверное.

Он поднялся с камня и пошел. Не сказав ничего на прощанье. Я стоял идиот идиотом.

Вот сейчас, топая по двору к подъезду дома, где меня ждали чужие люди и чужая жизнь, которую за свою принять никак не мог, мне вспомнилась та ситуация. Почему? Да потому что по всей логике вещей для демонов нет ничего прекраснее, чем события, о которых говорил инструктор. По крайней мере, сама же Наталья Никаноровна о том рассуждала не единожды. Грязь, кровь, смерть, человеческие грехи на переднем плане. А мой поступок, выходит, их, эти события, обнулил, вычеркнул, как факт. Значит, со всех точек зрения, я сделал совсем не то, что они, дьявольские сущности, хотели. Соответственно… Соответственно, чего это меня на книге заклинило? Почему я решил, будто она и есть камень преткновения. Не-е-е-е-ет… Опять все слишком наглядно. Мол, вот Ваня, смотри. Сюда смотри, куда тебе показывают. Эх… размышлять можно сколько угодно, но пока я сижу здесь, вариантов, на самом деле, тысяча. Отдал – не отдал. Тихонову – Берии. Левой рукой – правой рукой. Опять гадаю на кофейной гуще. Так и умом можно тронуться.

Нужно действовать, вот что. Все остальное – разберемся по обстоятельствам.

Я подошёл к дому. Двор совсем опустел, только на лавочке сидела та самая Никитишна. Остальных ее товарок видно не было.

– О, Иван. Вернулся. Чего шляешься? Поздно уже.

– Да так. Воздухом дышу. А Вы почему тут одна? Шли бы отдыхать.

– Тоже дышу. Воздухом. Твоя отправилась домой. С маменькой. Сочувствую. Всегда поражалась, как тебя угораздило на Ксюхе жениться. Вы же совсем разные. Ты – хороший парень. Головастый. Тебе бы женщину под стать, так и жизнь, может, сложилась бы иначе.

Трудно, конечно, не согласиться. Однако, я прекрасно знаю, и вообще без женщины моя жизнь была очень даже ничего. Не в плане, что целибат принял, а про жену имею в виду. И кстати, мысль о браке уже не казалась мне столь привлекательной.

– Слушайте… а действительно. Чего я на Ксюхе-то женился? – Вроде и тему поддержал, и дал старушке повод для продолжения разговора. Может, что интересное всплывёт.

– Ой, да ладно?! Забыл? Она же тебе прохода не давала. Ты красивый, видный… – Никитишна посмотрела на меня, а потом

уточнила, – Был. Хоть отец из простых, рабочих а все равно – завидный парень. С дедом твоим только вышло, конечно… Эх, Иваныч… Вот мужик. Таких сейчас не найти.

Я повернулся лицом к соседке, глядя на нее с выражением, будто она призналась, что ночами голая по центральной улице прогуливается. И то, наверное, меньше бы удивился.

– Что вылупился? Знала я деда твоего. Конечно. Мне в тот год исполнилось двадцать лет. Молодая была, пылкая. А тут ходит мимо чекист, герой войны. Да ещё родом из столицы. К нам в город он через год после Победы перебрался. Не знаю, по какой причине. Тут не расскажу ничего. Мы тогда в старом доме жили, его снесли потом и как раз всем дали квартиры здесь. Это уже позже. Ну, вот представь, идём с подружками, а на встречу Иван Иваныч. Стать, плечи, форма… Но женат был. Это прямо убивало местных дамочек наповал. И знаешь, что интересно… супругу он не любил. Виду никогда не показывал посторонним, но не любил. Точно говорю. Я знаю. И она знала. Так случилось, однажды случайно их ссору услышала. Дом двухэтажный был, а за ним – кусты сирени. Сижу, значит, на лавочке, в кустах, а тут Иваныч со двора выходит. За ним жена следом. Алевтиной ее звали. Она ему, стой, говорит. Громко так, на нервах. Ага. Он идёт все равно. Она опять, мол, стой, говорит, знаю, куда ты собрался. Лизка твоя объявилась. К ней, мол, бежишь. Как можно? То от нее за пятьсот километров прячешься, то к ней. Иваныч замер, потом резко так повернулся и ответил, что это неверное мнение. У нас, говорит он Алевтине, сын только родился, а ты меня, говорит, в измене подозреваешь. Лиза проездом. Товарищ она боевой. И все. Опять пошел вперёд. Алевтина заплакала, но больше догонять не стала. Вот так вот. Ну, а потом вскоре его вроде в Москву вызвали. Такой слух был. Оттуда он уже не вернулся. Что за Лизка, сказала бы, да не знаю. Но показалось в тот момент, дюже она для него больной темой была.

– Спасибо, Никитишна. – Я искренне, от души, поблагодарил старушку, чем, похоже, сильно ее удивил. Она то была уверена, будто ничего нового мне не рассказала. Просто обсуждала, вроде прошлую жизнь, да сплетничала. А на самом деле, дала очень важную информацию. Во-первых, дед из столицы сразу после войны переехал сюда, в провинцию. Хотя, казалось бы, зачем? Я так понимаю, этот переезд был больше похож на побег. И от самого себя, и от… вот, черт. Получается, от Лизоньки. Получается, в женщинах у нас с Иванычем вкус точно одинаковый. А во-вторых, в Москву его после появления девчонки вызвали. Следом – обвинение в предательстве. Ох, какое интересное совпадение. В общем, кровь из носа надо завтра

блондиночку разыскать. Все школы поблизости нашего места встречи с ног на голову переверну. А надо будет, так и по остальным районам города. Есть, о чем нам с ней поговорить. Всю душу из Лизоньки вытрясу. Сначала за деда определимся, почему в этой реальности он предателем оказался. А потом хоть силой, но заставлю ее бабку-демона найти. Ведьма она, или хрен пойми что.

Я попрощался с Никитишной, поднялся с лавочки и пошел к подъезду. В тот момент мне казалось, хуже быть уже не может. Зря.

Глава 7

Утро я начал бодро, потому как планов имелась целая куча. В первую очередь, относительно меня самого. Ещё с вечера приглядел спортивную площадку неподалеку от своего двора. Натянул треники, этого добра оказалось предостаточно. В новой реальности у меня будто была цель выглядеть в полном соответствии с образом спивающегося неудачника. Нацепил майку, кеды и, спустившись вниз, потрусил в намеченную сторону.

При том, что утро реально было раннее, свидетелей моего позора, к счастью, не оказалось. Потому как это – позор. На турнике я висел, как растянутая простудой сопля. Тело вообще отказывалось двигаться к состоянию совершенства, которое мной было запланировано, и на все мои попытки заставить его работать реагировало категоричным отказом. То есть подтянулся я от силы пять раз и то, с таким скрипом, что со стыда бы не сгореть. Рядом обнаружил несколько тренажеров. Вообще территория, предназначенная для занятий гражданами спортом, была сделана качественно, на совесть. Вокруг баскетбольной площадки шла беговая дорожка. С одной стороны – находились поднимающиеся лесенкой места для зрителей, видимо, даже какие-то мероприятия бывают, с другой – как раз те самые тренажёры. То есть, здоровый образ жизни здесь уважают, вот только, похоже все, кто угодно, только не я.

Следующей ступенью позора стал спортивный снаряд, имитирующий греблю. Предполагалось, что в данном случае задействованы будут все группы мышц. Я уселся, поставил ноги в нужную позицию, руками взялся за поручни той части, которую нужно подтягивать к груди. И… все. Тем более до этого турник уже привел организм, подобной прыти от своего хозяина не ожидавшего, в шок. Если по началу он, мой организм, думал, что гражданин Симонов, кратковременно сошел с ума, и сопротивлялся вяло, то теперь решил, надо остановить дурака, пока он не угробился. Даже один подход не смог сделать, потому как руки тряслись и отказывались двигать железо.

Тем более, на площадку начали подтягиваться желающие заняться спортом, а некоторые из них вообще, как оказалось, знали меня неплохо.

– Иван, ты чего? – Мужик в спортивных шортах и футболке, с отличным рельефом тела, подошёл к тренажёру, на котором я,

отчаянно матерясь, изображал нечто среднее между предсмертными судорогами богомола и конвульсиями опоссума, который забыл, как правильно притворяться дохлым.

Однозначно, в юности все это гораздо проще, чем когда тебе за тридцатник, тяжелее стакана ты ничего не держал, о беге знаешь только, как о способе спасения в сложной ситуации, а неправильный образ жизни отложился в виде атрофированных мышц и солидной прослойки жирка во всех местах, где только можно.

– Спортом занимаюсь. – Мужика я, естественно, не знал и вдаваться в подробности сильно не хотелось.

– Ну, ты даёшь! – Хмыкнул он, а потом, пожав плечами, двинулся в сторону турников.

Не прошло и пяти минут, как нарисовался ещё один любопытный.

– О! Иван. Это ты на спо́р, что ли? Тут, наверное, литров десять пива на кону, чтоб ты подписался. – Очередной совершенно не знакомый мне человек остановился, глядя на меня с лёгким удивлением. В одном ухе у него торчал наушник, второй он вытащил, когда подошёл.

Короче, появилось понимание, хрен меня оставят в покое. Нужно пересмотреть график занятий. Лучше всего, походу, ночью, чтоб вообще никто не видел. Можно, конечно, плюнуть на все это. Оставаться здесь навсегда не собираюсь, но с другой стороны… не знаю. Это же все равно я. Пусть в иной жизни, но тем не менее. Когда верну себе свое настоящее, здесь все равно останется Симонов Иван Сергеевич. И я бы хотел, чтоб он изменился в лучшую сторону.

Слез с тренажёра, перевел дыхание, а затем пошел к дому.

Потихоньку открыл квартирную дверь, снял обувь и скользнул в ванную.

Минувшую ночь, к счастью, провел в кухне, где «заботливая» жена кинула мне подушку с одеялом. Раскладушку нашел сам на балконе. Женщина-гренадер на па́ру с Ксенией пребывали в царстве сна, не отреагировав даже на мои ковыряния в шкафу, когда перед уходом искал одежду для занятий спортом. Наверное, совесть исключительно чиста, раз дрыхнут без задних ног. Причем, теща лежала с краю, на спине, поэтому периодически с присвистом похрапывала и сладко чмокала губами.

Забрался в ванную, принял душ, умылся, побрился, потом снова полез в шкаф. Хотелось найти что-то приличное. Вроде, не так уж важно, насколько хорошо буду выглядеть, но встретиться с девчонкой хотелось в образе если не сказочного принца на белом

коне, то уж хотя бы не спивающегося неудачника.

– Бабу что ли завел?

От неожиданности меня подкинуло на месте. Обернулся на голос. Елена Ильинична возлежала на боку, опираясь головой на согнутую в локте руку. За мной она наблюдала внимательным взглядом рыбьих глаз, полным подозрения и сразу обвинения, а так же сопутствующе вынесенного приговора.

– Какую бабу? Вещи ищу.

– Вот и я об этом… Встал рано, вчера даже пива не пил. Искупался, привел себя в приличный вид, одеколоном смотрю побрызгался, – Теща демонстративно похрюкала носом, несколько раз втянув воздух, а потом выпустив его обратно, – Но что вообще странно – книги притащил. И читал допоздна. В кухне свет горел.

– Глупости. – Тратить время на разговоры с Еленой Ильиничной не было ни желания, ни возможности. Поэтому взял с вешалки одну единственную рубашку с коротким рукавом и джинсы. Кстати, хочу сказать, ткань у штанов на ощупь оказалась очень качественная, плотная, а на поясе виднелся небольшой ярлычок, на котором было вышито нитками «Большевичка». То есть, эта вещь – отечественного производства. Ну, что скажешь… молодцы!

Закрыл створку шкафа и с одеждой под мышкой выскользнул из комнаты.

Быстро переоделся, спрятавшись в ванной, но как только открыл дверь, носом практически уткнулся в женщину-гренадера, которая стояла уперев руки в бок и пылая гневным взором.

– Куда собрался? – Она спросила это таким тоном, будто меня застали на месте преступления с орудием убийства в руке, когда вопросы задают чисто ради того, чтоб соблюсти проформу. В понимании тещи я уже был во всем виноват. Настойчивая особа, однако.

– На работу, куда еще. – Попытался ее обойти, но она тут же сделала шаг в сторону, снова перегораживая дорогу.

– Ты – сантехник. Давно ли начал для унитазов наряжаться? Смотри мне, Иван…

Куда надо смотреть уточнять не стала, но звучало это угрожающе.

– Позволите?

Женщина – гренадер с неохотой пропустила к входной двери. Перед тем, как выйти, оглянулся. Возникло ощущение, она сейчас двумя пальцами покажет на свои глаза, а потом на меня, используя расхожий жест, «я за тобой слежу». Интересно, надолго ее Ксения притащила? А главное – зачем?

Сунул руку в карман джинс. Звезда была на месте.

Переложил ее, когда переодевался. Лучей по-прежнему оставалось пять и толку от нее пока не было, но лучше иметь проводник при себе.

До центра добрался быстро, не терпелось разыскать девчонку. Школ поблизости от того места, где видел ее с детьми, оказалось две. В первой меня встретила на пороге суровая женщина, представившаяся дежурной. Легенду придумал ещё с вечера, поэтому уверенно рассказал ей, что ищу родственницу. Приехал издалека, внезапно. Есть информация, она работает в системе школьного образования, где-то рядом с домом.

– Так а что не позвонишь? Номер-то есть? Сейчас не прошлый век. Телефоны у всех.

У всех, кроме меня, видимо. Но не скажу же я это тетечке. Надо, кстати, узнать у супруги, как насчёт моего мобильника. Ничего подобного среди своих вещей пока не увидел. Дежурной ответил, что номер, к сожалению отсутствует.

Как бы то ни было, но в этой школе Елизавет среди преподавательского состава не было. Я, конечно, допускал факт, что девчонка может носить другое имя, мало ли, поэтому в виде уточнения ещё и описал ее внешность максимально подробно. Естественно, глупо бы вышло, если бы нашелся кто-то подходящий под образ, но с другими данными. Надо быть совсем дураком, чтоб имя родственницы перепутать.

– Да говорю же, ни одной Лизы не имеется. Хоть блондинка она, хоть брюнетка, хоть лысая. – Женщина, похоже, сочла меня бестолковым. – С твоим описанием тоже никакого совпадения.

В итоге, распрощавшись, я отправился ко второй школе.

И вот тут мне, наконец, повезло. Во – первых, была большая перемена, и у входа в здание стояли старшеклассники. Эти хоть не такие подозрительные, да и вопросов особо задавать не станут. Во-вторых, на мой вопрос, имеется ли среди учителей определенная особа, получил положительный ответ.

– Так это же Елизавета Дмитриевна. Она историю ведёт. Идите на второй этаж. Там увидите нужный кабинет. – Объяснил один из парней.

Пользуясь тем, что ученики в хаотичном беспорядке бегали мимо дежурной, а некоторые старшеклассники отправились внутрь, ухитрился под шумок проскочить вместе с ними, не привлекая лишнего внимания.

Уже на подходе к кабинету истории, стало волнительно. Правда. Будто первый раз топаю на свидание. Приблизился к двери и, взявшись за ручку, на мгновение замер. Лиза не знает меня. Теоретически. Даже там, в 1941 Наталья Никаноровна запретила говорить девчонке правду о переселении душ и

путешествиях во времени. Все что было, для нее – это история связанная с дедом, не со мной. Это Иваныч полез к ней целоваться в хранилище. Это с Иванычем у них возникло притяжение. Как вести разговор, пока ещё представлял плохо, зная лишь одно, мне нужна сама девчонка и нужны от нее определенные действия. Не важно, какими методами, но я должен этого добиться.

Решительно распахнул дверь.

Блондиночка сидела за столом, ковыряясь в тетрадях. Кабинет, к счастью, был пуст. Вообще замечательно.

Я переступил порог. Услышав посторонние звуки, Лиза подняла голову. В глазах, именно ее глазах, а вовсе не в чьих-то похожих, обозначилось удивление и, конечно, ни малейшего узнавания.

– Здравствуйте… Вы… Я вроде бы сегодня никого из родителей не вызывала.

Опять меня накрыло ощущение радости и какого-то идиотского восторга. А ещё понимание, как сильно соскучился по ней. Хотя, с момента нашей последней встречи фактически прошло лишь пару дней. Но казалось, будто не видел высокомерную стерву год.

– Я не родитель. К счастью. – Стою, как дурак, смотрю на нее и улыбаюсь.

– Почему же, к счастью? – Блондиночка машинально улыбнулась в ответ.

– Поверь, так и есть.

– Мы знакомы? – Конечно, она сразу среагировала на мое «ты». Взгляд стал задумчивым, вспоминающим.

– Относительно. Я бы сказал, частично. Для меня – знакомы, для тебя – нет.

Когда планировал и строил наш возможный разговор, решил, если увижу, что это – действительно девчонка, то тянуть кота за причиндалы не буду. Похожий человек – одно. Оригинал – совсем другое. В любом случае будет понятно, когда окажусь рядом. Прожить от 1941 до 2022, не изменившись, не состарившись ни на день, и при этом не знать о своей особенности невозможно. Соответственно, мои вопросы вряд ли покажутся ей признаком сумасшествия.

– Это странная формулировка. – Лизонька слегка напряглась. Удивление во взгляде сменилось очень глубокой, тщательно подавляемой тревогой.

– Думаю, странного в твоей жизни и без того предостаточно. Начиная с появления на свет. Правда? Светлейшие князья в родне, это тебе не абы что. Да и сотня лет за плечами вряд ли

говорят о том, что ты – обычная девочка.

Улыбка на ее губах словно приклеилась намертво. Блондиночка медленно встала из-за стола, а потом так же, не торопясь, подошла ближе.

– Вы что-то путаете, кажется… Расскажите правду… Кто Вы такой? Зачем пришли? – Лиза положила ладони мне на лицо, при этом не отводя взгляда. Оооо… это мы проходили, знаем. В тот раз Никаноровна сказала, будто фокусы блондиночки не действуют, но там был Иваныч. Вот это будет номер, если я не столь особенный и эта стервозина со мной что-то провернет. Может, очнусь потом и буду «агукать», как дурачок, да под себя мочиться. А предварительно, расскажу все, как на духу́. И про деда, и про себя, и про демонов, кстати.

Зрачки девчонки расширились, заполняя всю радужку целиком, а потом опять собрались в две точки.

Стоим, значит, как в кино. Любовная сцена в чистом виде. Блондинка смотрит мне в глаза, я – ей. Между нами – напряжение и искры. Правда не как итог страсти, а всего лишь ее ведьминские штучки.

Была мысль поглумиться, упасть резко на пол, задрыгать ногами и пустить пену изо рта. Чтобы она тогда делала, интересно? Но я сделал по-другому.

– Упс! – Сказал ей прямо в лицо, с наслаждением глядя, как она, на зависть австралийскому кенгуру, мгновенно отпрыгнула назад. – Не работает. Прикинь?

К счастью, видимо, не только дед обладает стойкостью к фокусам Лизоньки. Я особо перемен в себе тоже не почувствовал. Слегка голова закружилась, да ещё очень сильным стало желание забить на разговоры, проблемы и заняться с девчонкой гораздо более приятными вещами. Но это было бы точно странно. Для нее я – незнакомец. Вот что-то, а склонностью к маниакальному насилию не страдаю. Девчонка, думаю, вряд ли кинется на первого встречного, а я для нее первый встречный и есть. Но зато было очень приятно смотреть на ошарашенное лицо блондиночки. Наконец, не только я дураком выгляжу.

– Не может быть. – Она слегка наклонила голову, глядя на меня исподлобья. А потом снова вознамерилась подойти ближе.

– Эээээ… нет. Хорош. – Погрозил ей пальцем. – Я твои способности знаю. Эта точно не работает, которая типа внушения. Остальные проверять желания нет. Так что хватит. Давай поговорим нормально.

– Не понимаю, о чем Вы…

Не женщина, а упрямая ослица. Опасается, похоже.

– Слушай, у меня последние дни просто задница, какие

тяжёлые. Давай исключим этап, в котором ты строишь из себя ту, кем не являешься, а я пытаюсь убедить в обратном. Я ведь очевидно знаю о некоторых особенностях твоего рода. Но чтоб все это было гораздо нагляднее, послушай. Тебе уже под сотню лет. Ты – внучка Светлейшего князя, расстрелянного советской властью. Тебя воспитала женщина по имени Феня. Тоже ведьма. В 1941 ты состояла в 13-м отделе НКВД вместе с сестрой невинно убиенного князя, Натальей Никаноровной, которую звала бабушкой. Логично, больше никого не осталось от твоего рода. Смысл вашей работы – опознавать возможных предателей, отслеживать их, читать мысли и так далее. Ну, с нечистью, вроде, тоже подразумевались контакты. В тот же период одной из главных ваших целей был Генрих Эдуардович Мацкевич. Псих, который интересовал товарища майора государственной безопасности Тихонова Никиту Пахомовича, вашего непосредственного руководителя. Все? Достаточно? Или ещё что-то рассказать. Могу добавить про демона в виде черного кота, который, как ты думаешь, служил вашей семье.

Лиза продолжала смотреть на меня очень внимательно, и при этом, я видел, что лёгкая тревога сменилась паникой. Ее моя осведомленность явно напугала, тем более, когда девчонка понимает, что сделать с мутным человеком, она ничего особо не может. Если только старым проверенным способом бить по голове. Но даже в той форме, которая у меня сейчас имеется, весовые категории один хрен разные.

– Да ешкин кот… Я – Симонов Иван Сергеевич. Иваныч, тот, с которым вы вместе работали, мой дед. И… вот эту штуку знаешь? – Сунул руку в карман, а затем протянул ее в сторону Лизы, раскрыв ладонь, на которой лежала Звезда Давида.

Честно говоря, далее ожидал чего-то фееричного и крайне эмоционального. Ну, не знаю… К примеру, Лизонька, услышав имя деда, упадет мне на грудь, орашая ее слезами, а я, как настоящий мужчина, заключу блондиночку в объятия. Или, увидев Звезду, она скажет, как долго ждала этого момента, посмотрит в глаза и… Короче, бред первостатейный. Эта особа влияет на меня, как криптонит на супермена, превращаюсь в аморфную мякину.

Однако, фразу я закончил, Звезду Давида показал, а в ответ – тишина. Девчонка продолжала смотреть прямо мне в глаза, но без какого-либо всплеска эмоций. Потом она сделала один шаг, второй… Думаю, ну вот, сейчас будут и слезы, и грудь, и объятия…

Хрена там! Забыл, с кем имею дело. Расчувствовался, расслабился.

Блондиночка резко согнула колено и со всей силы засадила мне про меж ног. Честно сказать, перед глазами пронеслась вся жизнь вперемешку со звёздами, хоть и не по голове в этот раз били. Уж не знаю, что лучше.

Я согнулся в три погибли, пытаясь научиться дышать заново. Девчонка, конечно же, пользуясь моментом, рванула к двери и выскочила из класса. Вот сук… стерва…

Естественно, пока меня отпустило и я смог двигаться, искать ее было уже бесполезно. Куда там.

Чтоб не упустить обнаруженный след, дополз до учительской, где поинтересовался фамилией исторички. Представился родителем, который желает обсудить успехи своего чада. Оказалось, Елизавета Дмитриевна имела фамилию Долгоруковой. Не выдержав, хмыкнул, чем заслужил вопросительный взгляд со стороны парочки учителей. Мол, что же тут смешного. Ну, конечно не смешно, если не знать, что девчонка в открытую верными, настоящими данными пользуется. А мне, так очень даже весело, что в Советском союзе дальняя родственница Рюриковичей спокойно себе расхаживает по улицам.

Адрес решил узнать через Матвеева. Не здесь же спрашивать. Будет выглядеть слишком подозрительно, если папаша начнет интересоваться, где проживает молодая учительница.

Несмотря на то, что блондиночка сбежала, да ещё таким наиподлейшим образом, я испытывал чувство глубокого удовлетворения. Не ошибся, Лиза самая что ни на есть – настоящая. Именно она. Не кто-то другой. Это даёт огромную надежду на встречу с бабкой-демоном или тем же Белиалом. Да и реакция Лизоньки была… как бы это помягче сказать… несколько резкой. Факт появления внука Иваныча ее, пожалуй, даже напугал. Соответственно, мои подозрения насчёт причастности девчонки к его позорной гибели, скорее всего, вполне близки к истине. Что же произошло тогда? Никитишна рассказывала, дед в момент ссоры с женой, назвал блондиночку боевым товарищем. Выходит, воевали они тоже вместе? Могла ли она быть напрямую причастна к аресту? Почему, нет.

Как бы то ни было, придется немного подождать. Выясню адрес через Матвеева, пойду на повторный круг поиска девчонки. Уж из города она убегать не будет, а вот в школу можно и больничный взять.

Решил отправиться пока что домой, но через участковый пункт. Вряд ли, конечно, Николаю Петровичу уже есть, что рассказать. Хотя бы закину ему информацию про девчонку. Однако, дверь участка оказалась закрыта, на стук никто не реагировал. Похоже, Матвеев весь в трудах и заботах. Значит,

придется посетить его ближе к вечеру, надеюсь по Мацкевичу что – то расскажет. Тем более, список дел ещё не окончен.

Пока есть время, необходимо наведаться в ЖЭК, всё-таки какая-никакая, а работа. Обозначиться, да пробить заодно, что и как обстоит в этом направлении. Вот только переодеться не мешает. Без того с приличной одеждой туго.

Я двинулся к дому, попутно размышляя обо всем. Однако, только вошёл во двор, сразу отметил странную тишину. Она окатила меня, будто холодной воды из ведра плеснули. Осмотрелся. Ничего особенного не наблюдалось. Единственное – людей нет, даже за столом, где вчера весь день сидели мужики, пусто. С другой стороны, это и понятно. На работе все. Логично, вроде бы. А вот ощущение тревожности почему-то не уходило. Тишина была особая. Не оттого, что двор пуст. Она присутствовала в самом воздухе. Лето. Тепло. Птички хоть какие-то звуки должны издавать. Машины, хоть и мало их совсем, но где – то же ездят. Шум, шорохи, любые признаки жизни – все это вдруг пропало. Сунул руку в карман, достал звезду. Может, она влияет как-то. Однако, вещица по-прежнему выглядела обыкновенно и лучей все так же было лишь пять.

Вошёл в подъезд, поднялся на нужный этаж, толкнул дверь, переступил порог квартиры.

Елена Ильинична сидела за столом, попивая чай. Рядом – застыла Ксения. Только вид у моей супруги был какой-то неестественный, напуганный. Причем страх этот она тщательно пыталась скрыть.

– Привет…

Это все, что я успел сказать. В ту же секунду меня схватили сзади за шею, заламывая руку за спину.

– Гражданин Симонов Иван Сергеевич? – Я не видел толком, кто это, но по голосу, по знакомой манере говорить, сразу определил – менты. – Сопротивление будем оказывать?

– Нет, конечно. Отпустите. – Я дернулся, освобождая конечность.

– Правильно. Не советую. Учитывая обстоятельства, в случае попытки побега буду стрелять на поражение.

Хватка ослабла, а потом вообще исчезла. Обернувшись, увидел троих. Вот только форма была не ментовская.

– Ох, ничего себе. Ко мне сотрудники народного комиссариата пожаловали? – Не смог сдержать усмешку. Вот тебе и второй круг поиска девчонки. Зачем? Она, похоже, сама меня нашла. Точнее, не Лиза лично, а те, кому в свидании не откажешь. Вполне же очевидно, стоило мне явиться к блондиночке, спустя час в квартиру пришли чекисты. Не нужно

быть семи пядей во лбу.

– Не к Вам, гражданин Симонов, а за Вами. Разницу улавливаете? – Обрубил тот, который недавно применил силу. – Идёмте.

– А в чем, собственно говоря, дело? – Конечно, сразу подробного расклада ситуации не ждал. Никто так не делает. Спросил чисто ради интереса, чтоб посмотреть, как себя поведут.

– В убийстве тебя, вроде как, обвиняют, Иван. Говорят, даже нескольких. – Со смешком ответила со стороны кухни женщина – гренадер.

И только выходя из квартиры, я вдруг понял, что именно в первый же момент, как только увидел ее за столом, зацепило мою память острым краем. Елена Ильинична держала в руке блюдце, заполненное чаем, попивая его по-барски. Она втягивала горячий напиток с лёгким присвистом, и при этом сладко щурилась. Подобная сцена уже была перед моими глазами. Только не здесь, а в огромной московской квартире, в 1941 году.

Глава 8

Ай, красава. Ай, молодец. Опять самоуверенность привела к определенным последствиям. Думал, уж на этот раз все будет по-моему, я же теперь тертый калач.

Решил, если нигде рядом бабка в вуальке не бегает, ридикюлем своим не размахивает, то никто за мной и не приглядывает. К Лизе в открытую пошел. А оно вон как… Елена Ильинична теперь у нас вместо Натальи Никаноровны. Женщина-гренадер. Правильно. Говорила же бабуля, что прежнее тело слишком изношенное. При мне, дураке, говорила, надо брать что-то помоложе.

Взгляд, которым теща провожала своего «обожаемого» зятя, возникшее подозрение только подтвердил. В ее глазах стоял насмешливый вопрос: «Ну? Дальше что? Как выкрутишься, инициативный ты наш?»

Но не мог же я драться с чекистами, дабы потом броситься к Елене Ильиничне, схватить ее за шею и кричать: «Изыди, демон!» Теоретически это возможно, но фактически… Слова о том, что они будут, в случае чего, стрелять на поражение, бравадой или понтами не являлись. Эти реально будут.

– Идём медленно, по сторонам головой не крутим. – Говорил со мной тот тип, который выкручивал руку. Он же обыскал перед выходом. Вытащил Звезду Давида, поинтересовался, что это, получил ответ, мол сувенир купил любимой жене. Выбор подарка его, конечно, судя по брошенному на меня взгляду, немного удивил, но сильно вопросов больше не вызвал. Проводник действительно выглядел, как прикольная штучка, не более. И уж тем более с опасностью не ассоциировался.

Мы спустились вниз «гуськом». Один впереди – двое сзади. Наручники надевать мне не стали. Думаю, по причине того, что в здравом уме никто бежать от сотрудников НКВД не решится. За здравость своего ума, конечно, отвечать уже не могу, однако, идею раскидать на улице чекистов и смыться отверг сразу же в силу ее абсурдности. Хотя бы потому, что «раскидать» теперь если и могу, то лишь дерьмо на вентилятор. И то не факт. Мои физические возможности на данный момент оставляют желать лучшего. Это самый первый момент. Ну, а второй, сбегу. Хорошо. Пусть случится чудо. Дальше как? Нет, нужно ехать с ними и смотреть по ситуации. Все это не просто стечение обстоятельств.

Во дворе, у подъезда уже стояла машина – микроавтобус

черного цвета с темными, наглухо затонированными окнами. Когда заходил домой, буквально десять минут назад, его не было. Видимо, прятался где-то в стороне, чтоб не привлечь внимания подозреваемого, то есть меня. За рулём сидел ещё один товарищ в форме.

Мне «помогли» забраться внутрь, достаточно грубо надавив на шею. А то, можно подумать, я сам бы, идиот, лез в полный рост. Однако, никак происходящее не комментировал и послушно выполнял, что требовалось.

Вопросов тоже больше не задавал.

Люди, которые пришли за мной, исполнители. Те, с кем реально можно и нужно поговорить, будут ждать на месте. Мимоходом заметил несколько лиц в окнах дома. Правда, они очень быстро появились, а потом так же быстро спрятались. Вот что значит, репутация НКВД. Боялись и продолжают бояться, несмотря на условный ветер свободы, гуляющий по Советской стране.

Добрались мы быстро. Буквально минут пятнадцать, и машина въехала на закрытую территорию. Пытался понять, что за здание, где оно конкретно находится, но так как целью была уж точно не экскурсия по городу, особо возможности таращиться в окно не имелось. Тем более, сидел в середине, между двумя чекистами. Третий – напротив.

Как только оказались на месте, автомобиль остановился, мои сопровождающие открыли дверь и опять «помогли» выбраться.

– Прямо, не оглядываемся.

– Думаете, здесь есть что-то интересное? – Тут уж не выдержал. Для меня все эти комментарии звучали, как если бы я пошел в туалет, а посторонние заботливо подсказывали, что перед началом процесса нужно снять штаны.

– М-м-м-м… юморист, типа? – Любитель выкрученных конечностей хохотнул. Он шел ровно за мной. – Юмор – это хорошо. Посмотрим, насколько хватит.

Воспользовавшись «черным» входом, мы оказались в здании, чем-то неуловимо напомнившим Лубянку. Такие же казённо-голые коридоры, люди в форме с каменными лицами. Когда идёшь по ментовке, обязательно встречаешь знакомых, с которыми можно постоять, обсудить начальство, или просто перекинуться парой шуток. НКВД, а уж тем более в 1941, запомнилось тем, что здесь так не принято. Максимум – спросить что-то по делу.

Выше первого этажа подниматься не стали. Меня впихнули в один из кабинетов и велели ждать. Прежде, чем дверь закрылась, успел заметить, двое остались у входа. Либо меня здесь очень

сильно ценят, либо также сильно опасаются. Пока не понятно. И одна, и вторая версия удивительные, но тем не менее, зачем на охрану лоха, а вещи надо называть своими именами, ставить аж двоих.

Осмотрелся. Стандартный вариант рабочего кабинета для приватной беседы со свидетелем или подозреваемым. Стол, стулья. Все. Решетки на окнах. Такие, что даже при большом желании и подходящих для этого инструментах, наверное, ничем их не снять. Стоят намертво.

Больше в комнате ничего. Вскрыться захочешь, только подручные средства можно использовать. И все же… Почему не надели наручники? А ну как щас брошусь зубами вены грызть. Вообще-то и такое бывало, если человек понимал, все, не выкрутишься, а багаж такой, что на зону лучше не соваться.

Подошёл к стулу, который одиноко стоял посреди комнаты, и сел.

Однако, ждать долго не пришлось. Только вытянул ноги, дверь скрипнула и в кабинете появилась Лизонька.

– Ух, ты! Как неожиданно. У нас намечается урок истории? – Я удивился, но не сильно. То, что девчонка по-прежнему связана с чекистами, не вызывало ни малейшего сомнения. Но вот факт ее личного участия при первом же допросе – дело очень интересное.

– Давай без твоего убогого юмора, гражданин Иван Сергеевич Симонов, – Блондиночка прошла к столу, а потом заняла место за ним.

Теперь мы сидели ровно друг напротив друга. Я разглядывал ее лицо даже с каким-то удовольствием. Не изменилась совсем. Да. Все так же хороша.

– Ну. Слушаю. – Она положила руки на столешницу, перед собой, сцепив их в замок.

– Круто. Только теоретически мы должны поменяться местами. Это я Вас слушаю, Елизавета Дмитриевна. Видите, как все повернулось. Теперь я на «Вы», с уважением и пиететом, а в ответ – панибратство.

– Так… Беседа у нас с самого начала пошла не в ту сторону. На тот случай, если тебя смущает мой пол, а именно, что он женский, и ты думаешь, будто я не смогу при желании сломать тебе, к примеру, все пальцы, причем, не только на руках, то уверяю, вполне способна. – Девчонка была спокойна и собрана.

Голос стал чуть ниже. Появилась лёгкая хрипотца. Курит, что ли? В школе особо не имел возможности разглядеть ее хорошо. Ещё она обрела уверенность, которая проявлялась во всем, начиная от холодного взгляда, заканчивая манерой вести беседу.

Видимо, волнение, которое вызвало мое внезапное

появление, благополучно исчезло. Более того, передо мной теперь сидела не просто симпатичная особа, прежде, очень много лет назад, отличавшаяся стервозным характером, молодая и вспыльчивая, передо мной была настоящая матерая сука. Это я понял только сейчас, глядя в ее равнодушные глаза. Да, запаниковала в школе, но это, скорее всего, из-за отсутствия результата от ведьминские штук. Похоже, такое случалось очень редко. Не удивлюсь, если вообще лишь дважды. Сказалась и та информация, которую я блондиночке озвучил, описав факты из жизни. На самом деле, у нее ведь уже за плечами десятилетий опыт нескольких десятилетий. Это не могло не проявиться. Я лишь случайно застал девчонку врасплох.

– Очень даже верю в твои силы. Лиза. – Специально выделил ее имя и перешёл обратно на «ты». Более-менее в моей голове складывался план дальнейшего поведения. Только сначала послушаю, о чем станет говорить она сама.

– Итак. Меня интересует мотив. Зачем ты убил этих женщин? Я знаю, но хочу услышать от тебя признание. – Блондиночка зашла с козырей. Лицо ее при этом было о-о-о-очень серьезное. По крайней мере, она думала, что в руке держит козыри.

А вот я, не удержавшись, засмеялся.

– Ты находишь это весёлым? Тебя радуют трупы?

– Нет. Меня поражает тот бред, который ты говоришь. Но все обязательно расскажу подробно, чуть позже. Не могла бы ты, для начала, поделиться, откуда подобные выводы.

Девчонка поморщилась. Ее, похоже, сильно раздражало, что я веду себя, будто мы знакомы и позволяю много лишнего. Явно к такому она не привыкла. Ещё больше бесило, что я оставался спокоен. Ощущал всеми фибрами души, ей хочется изменить тон разговора на противоположный. Хочется заставить меня нервничать, наверное, даже бояться. Слова о переломанных пальцах действительно не были образным выражением. Она реально сейчас испытывает желание применить силу. Однако, что-то Лизу сдерживало. Пока не пойму, что именно, но она весьма крепко держит себя в руках. Если бы не эти «стопы», думаю, пару зубов я бы уже выплюнул. Это, как минимум. Девочка и правда выросла.

– Ну так что? Ты утверждаешь, будто женщин, причем, даже знаю каких именно, заметь, убил непосредственно я. – С улыбкой наблюдал за блондиночкой. Странно, конечно, называть подобным образом, пусть и мысленно, столетнюю особу, но она оставалась для меня именно такой, не смотря ни на что.

– Конечно, знаешь. Твоих рук дело.

– Нет, ты не поняла. Знаю все их данные. Хочешь расскажу?

Имя, фамилии, отчества, место жительства и прописки, круг общения, всю трудовую книжку подробно. Хотя, тут, наверное, кое-что может отличаться. Время изменилось. Допустим, я – маньяк. Допустим, следил за жертвами. Но ты ведь понимаешь, некоторые сведения никак, вообще никак не мог бы получить. Если бы… – Выдержал театральную паузу. Прикалывал сам момент. Как всегда бывает в критической ситуации, контроль перешёл к моей ду́ри, решившей, ох, сейчас повеселимся, – Если бы сам не был ментом, который вел это дело. Вот, к примеру, первая – Сотникова Вера Николаевна. Не замужем. Детей нет. На левой лопатке родимое пятно странной формы, похоже на перевёрнутую запятую. Нашли ее одетой, лежащей на спине. Следы сексуального насилия отсутствуют. То есть, убийца ее не раздевал, спину не разглядывал. В жизни мы с ней не пересекались. Это проверяется элементарно. Вера Николаевна приехала из деревни, где росла с одной матерью. Отец не указан вообще. Поступила в училище. Предположительно, должна быть поваром. Почему предположительно? Объясню позже. Не слишком ли большая осведомленность для человека, которому лишь надо вырезать глаза и отрезать язык? Информация от населения скрывается. Услышать от кого-то этого точно не мог. А для убийцы слишком много ненужного мусора в этом. На кой черт мне понадобилось бы ее прошлое? Если предположить личные счёты, то тогда остальные убийства не лепятся.

Лизонька откинулась на спинку стула и склонила голову к плечу, разглядывая меня с абсолютно невозмутимым лицом. Ну, давай! Ты же эмоциональная девочка. Ок, опыт. Однако, люди не меняются. Покажи, что думаешь.

– Далее – вполне можно узнать, где я находился во время убийств. Очень сомневаюсь, что поблизости.

– У тебя нет алиби. Нет людей, готовых подтвердить твое местонахождение. Более того, супруга сообщила, что в указанные дни она ночевала дома у матери. Гражданка Пехова Елена Ильинична слова дочери подтверждает.

– Ага. Бывает. А вопрос тогда можно? Давно ли я вообще стал подозреваемым? Ну, так, чисто ради интереса.

Блондиночка на секунду, даже на очень крохотное мгновение отвела взгляд. Правда, тут же взяла себя в руки.

– Сейчас вопросы задаю я. – Она снова подалась всем телом вперёд, облокотившись о стол.

– Аааа… Ну, хорошо. Тогда сам расскажу. Я пришел в школу и сделал то, что тебя напугало. Сообщил вещи, которые, теоретически, знать не должен. Назвал имя человека, с которым ты взаимодействовала лично, подозреваю, достаточно близко. И в

судьбе которого сыграла важную, роковую, можно сказать, роль. Но что ещё сильнее тебя поддернуло – факт моей осведомленности о твоих особенностях. Ведьма. Я знаю это. И знаю, как ты можешь действовать. Даже, если допустить, будто дед вел дневник, что мало вероятно, он же чекист, а не шизофреник, живым то я его не застал, там не могло быть написано о тебе. Слишком опасно. Ну, так вот. Ты сбежала и отправилась к кому – то определенному, кто должен был знать о происходящем. Этот человек дал тебе расклад по следующим действиям. Как итог – вдруг я резко оказался подозреваемым в тройном убийстве. Далее – очень быстрое развитие событий. Ваши люди приехали домой, жена сказала, будто в эти дни отсутствовала, теща подтвердила. Однако, при всем том, тебе запретили меня трогать. Самой не кажется странным?

– Мне уже давно ничего не кажется странным. – Ответ был очень обтекаемым. Понять по нему реакцию девчонки на свои слова не мог. Всё-таки отлично держит контроль.

– Ой, не скажи. Думаю, могу тебя удивить. Помнишь, старый дом, который вы с Иванычем осматривали? Где Мацкевич провел ритуал? Ты сказала, будто кот – это демон и он служит вашей семье. Поэтому его не видит никто, а дед увидел. А теперь подумай, очень хорошо, после того случая, так понимаю, вы с Иванычем долго ещё были бок о бок, как минимум лет пять. Однозначно случалось этой жирной скотине отираться рядом с тобой. Было ли ещё подобное? Ситуации, в которых дед говорил о коте? Хочешь, отвечу сразу? Нет. И если напряжешь память, то согласишься. Знаешь, почему? Рядом с тобой был не Иваныч, а я.

В комнате повисла пауза. Тяжёлая и давящая на уши. Мои слова – это полный, абсолютный блеф. В плане того, что не был уверен в их правоте сам. Чистые догадки. Эти дни, оказавшись в новой реальности, много размышлял, вспоминал малейшие детали. Я реально планировал разыскать кого-то из демонской братии, поэтому, в первую очередь, анализировал всю информацию, связанную с ними. В том числе, кота и слова девчонки, будто видеть его никто не должен. И ведь не видели. Ни Тихонов, ни даже Мацкевич. Уж тот, по идее, мог бы. Имел прямой контакт с этой скотиной. Но ни у кого из них не было того, что имел я. Та самая Звезда Давида, проводник, который выбрал меня, независимо от желания Белиала и Натальи Никаноровны. По крайней мере, так утверждала последняя. Правда или нет, пока не знаю. Но чисто логически предположил, раз проводник стирает границы времени и места, скорее всего он мог дать мне особенность, о которой говорила Лиза.

– Бред! – Блондиночка покачала головой.

– Неужели? Это говоришь ты? Сколько лет тебе? Вот только не надо сейчас сводить к тому, что женщинам неприлично задавать подобные вопросы. Но даже и без подобного знания о возрасте. Слышать такой вывод от ведьмы? Я, например, в ответ на рассказ о демонах и всякой аналогичной чуши, совсем недавно тоже сказал бы, что это – бред. И говорил. Доказывал с пеной у рта самому́ демону, будто его не существует. А теперь не тороплюсь с выводами.

– Это разные вещи! – Лизонька стукнула ладонью по столу.

– Да неужели? То есть демона ты считаешь нормальным, а то, что человек перенёсся в прошлое в тело деда, нет? Ок. Давай ещё обсудим кое-что. Почему ты столько лет преданно служишь чекистам? Не так… Почему ты столько лет сама служишь в НКВД? Ты полноценный сотрудник. Верно? Отдел носит то же название? Просто цифра 13? Ты ведь ненавидела Тихонова? За Феню. Что изменилось? Война повлияла? Иваныч?

– Хватит! Ещё раз говорю, ты не в той ситуации, чтоб задавать вопросы. – Девчонка внешне была совершенно спокойна. Неужели я ошибся со своими выводами и просчетами?

Честно говоря, хотел вывалить ей всю правду, ещё когда шел в школу. Не с порога, конечно. Сначала нужно было убедиться, она или не она. Как-то подвести разговор. Кто же знал, что наша беседа выйдет столь короткой. На самом деле, подтолкнуло меня к этому нежелание Натальи Никаноровны рассказать там, в 1941 Лизоньке правду. Как говорил Володя Маяковский, «если звёзды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Коли бабуля утаила от блондиночки важные нюансы моего появления, соответственно в этом был ее хитрожопый интерес. И ещё понимание, чтоб добиться от девчонки помощи, нужно рассказать ей правду. Никак по-другому не вышло бы. Потому что никак по-другому не объяснишь, на кой черт мне нужна эта ее помощь.

– Я не буду больше говорить ничего. Сейчас. И не буду спрашивать, к кому ты побежала сегодня. Кто отдал тебе распоряжение повесить на меня убийства. Кто велел при этом не причинять мне вреда. Но ты, когда выйдешь отсюда, включи голову и подумай. Не знаю, насколько вы были близки с Иванычем, но подозреваю, сильно близки. Если у тебя есть к нему хотя бы остатки уважения, а я не верю, что ты сознательно его подставила или нечто подобное, если есть вообще хоть что-то… помоги мне. Прошу не за себя, за него. Он должен был прожить свою жизнь иначе. Достойно прожить. Это моя вина. Я расскажу все, что знаю, но только при том раскладе, если мы с тобой договоримся и ты тоже расскажешь. В любом другом случае, буду молчать. Докажите, что убийца я? Не вопрос. Посадите или в

расход? Тоже не вопрос. Знаешь, почему? Если не изменю прошлое, не верну Иванычу то, чего по своей глупости лишил, как жить то с этой виной. Но ведь ты, кроме того, в отличие от остальных, знаешь, почему происходят эти убийства. Знаешь, что кому-то нужно провести ритуал. Понимаешь ведь, если я говорю правду, трупов будет ещё десять штук. Может, конечно, ведьмы с каждым десятилетием становятся всё бесчувственное, но… черт… это странно прозвучит, я верю в тебя, что ли.

Не успел договорить, девчонка резко встала из-за стола подскочила к двери и стукнула по ней, приглашая тех, кто был снаружи, войти.

– Отведите подозреваемого.

Меня подтолкнули вперёд, намекая, нужно двигаться. Я вышел из кабинета, напоследок оглянувшись. Лиза стояла спиной, на меня не смотрела. Ни хрена не понятно, что она думает. В том числе непонятно и куда именно велено отвести. Да, я предположил, что блондиночку сдерживает чей-то приказ не портить гражданина Симонова с точки зрения внешнего вида и целостности внутренних органов. Но это лишь мое предположение. Очень даже может быть, что ошибаюсь. И тогда перспективы становятся совсем не радужными.

Глава 9

Настроение было гаже некуда. Устал я, что ли, от этих качелей? Туда – сюда. Вверх – вниз. Мотыляет так, что скоро морская болезнь начнется. Это с моим-то непробиваемым вестибулярным аппаратом и железобетонной психикой.

Шел по коридору под бдительным присмотром двоих чекистов и размышлял о том, как меня вообще угораздило ввязаться во всю эту авантюру. Не кого-то другого. Именно меня. И не сейчас, не в момент, когда «приняли», а вообще. Изначально. Ничего особенного, кроме, конечно, Иваныча, ни во мне, ни у меня нет. Гораздо больше подошёл бы для всех этих дел кто-то другой. Но нет. Встрял я. Встрял по самые «не балу́йся». Не только сам. Ещё вон и с дедом ерунда случилась. Как теперь выпутаться, хрен его знает. Пока что только предположения и проекты. Лизонькино поведение дальше прогнозировать сложно. Может, и не захочет помогать. Изменилась сильно.

– Извините, молодые люди. Где здесь выход?

Чекист, идущий передо мной, споткнулся на ровном месте, а потом замер, разглядывая человека, которого тут быть никак не могло. Я и сам, честно сказать, от удивления немного растерялся. Хотя уж мне пора привыкнуть к подобным выкрутасам.

Мы как раз, похоже, проходили мимо той самой двери, ведущей к заднему двору, куда нас доставила машина. С внутренней стороны здания это был широкий проем, несколько ступенек вниз и непосредственно сам выход. Вот у выхода, как раз, с милейшей улыбкой на устах, стояла женщина – гренадер. Одета она была в черные спортивные брюки, черную же свободного кроя футболку и кроссовки. Учитывая внешние данные, ее природную некрасивость и косую сажень далеко не женских плеч, возникало впечатление, будто охранник из ночного клуба решил изображать из себя трансгендера.

– Выход, спрашиваю, где, убогие? – Елена Ильинична снова осклабилась во все тридцать два лошадиных зуба. – Эх… толку – то от вас… Ладно. Топайте с миром. Вам человечка нужно отвести. Под ноги смотрите, чтоб не упасть.

После ее слов первый чекист молча устремился вперёд. Второй, который шел сзади, обогнул меня, стараясь не задеть плечом, а потом рванул вслед за товарищем.

– Не понял… – Я с удивлением смотрел в спины сотрудникам НКВД, которые целенаправленно пе́рли по коридору, все быстрее

отдаляясь от нас.

– Чего ты не понял, Ванечка? Видишь, люди работу свою выполняют. А нам пора. Идём. – Теща развернулась, толкнула дверь, затем посмотрела на меня через плечо. – Ну? Или тут решил остаться? Времени не так много. Этим двоим мерещится, будто ты с ними маршируешь. Конвоируют тебя они в своем воображении. Лизка сейчас ещё полчаса тупить будет, а потом решится на приватный разговор. Ее подождем? Или как?

Я не стал особо долго думать, доводы показались мне весомыми, и двинулся следом за Еленой Ильиничной. Всяко там, подальше от этого здания, будет лучше, чем здесь, внутри оного. С остальным разберемся походу пьесы. План уже привычный.

Сразу за дверью действительно находился тот самый двор, не ошибся с предположением. Машина, на которой меня привезли, стояла на месте, где была изначально, но уже без водителя. Вообще, вокруг было подозрительно пусто. Ни одного человека.

Женщина – гренадер направилась к воротам. Зачем? Непонятно. Потому как с первого взгляда очевидно, что они, судя по всему, имеют электронный замок.

Может, конечно, демоны хорошо в подобных вещах разбираются. Тогда все под контролем. Но вот имеются отчего-то сомнения.

– Думаете, перепрыгнем? – Не удержавшись, поддел тещу.

Она оглянулась на меня, а потом показала средний палец.

– Ох, ничего себе. Новое время, новое тело, новые жесты? – Не сказать, что сильно волновался, тем более зная, кто сидит внутри этой особы. Но все же лёгкое переживание присутствовало. Мы, на секундочку, совершили побег из народного комиссариата. Ну, как мы… Я. Этой – то особе все равно.

– Ты не удивлен моему появлению. Когда понял? – Елена Ильинична подошла к воротам, посмотрела на них внимательным, изучающим взглядом, а потом вдруг заявила, – Нет. Полезем через ограду. Не люблю всю эту современную технику.

– Прикалываетесь? А сюда как вошли?

– Поверь, тебе такой способ не доступен и вряд ли понравился бы. Хочешь, уйду так же, как появился? А ты сиди перед воротами, жди, пока за тобой явятся. – Елена Ильинична покрутила головой, оценивая возможные варианты наших дальнейших действий.

– Все. Ок. Вопросов нет. Через ограду, так через ограду. А понял по манере пить чай. Как Вы руку держали. Не могло это быть совпадением. Да и характер у тещи оказался прямо мерзкий.

Сразу видно, чистое порождение сатаны.

– Не буробь. – Гренадерша усмехнулась. – Сатана к нашему созданию никакого отношения не имеет. Так… Думаю, вот тут нормально.

Елена Ильинична сдвинулась вправо, остановилась у кирпичного забора, высотой в полтора человеческих роста, а потом, оглянувшись, велела.

– Шуруй сюда, подсоблю.

В качестве подтверждения своих намерений она приняла удобную позу, согнула одно колено, положив на него сомкнутые замком руки ладонями вверх.

– Ну! Опять тупишь? Давай, лезь. – Только что не прикрикнула по-хозяйски.

– Вот знаете… бабкой вы были гораздо приятнее.

Подошёл ближе, поставил ногу на импровизированный трамплин, а потом почувствовал, как меня одним рывком подкидывает вверх.

– Хрена себе… – Успел только высказаться, ухватившись руками за кладку. Перекинул конечность. Одну, другую, а потом спрыгнул на противоположной стороне.

Людей поблизости не наблюдалось. Подозреваю, дело рук моей освободительницы. Тут же рядом приземлилась сама Елена Ильинична, которая, как и я, прыгнула сверху ограды.

– Эх… А я думал, прямо через стену пройдете…

– Знаешь, в теле Иваныча, да ещё в сталинское время, оно и ты посимпатичнее смотрелся, – Ответила гренадерша, а потом кивнула мне в сторону домов, расположенных неподалеку. – Туда. У нас где-то двадцать минут. Лизка сейчас разрывается между долгом, сучьим характером и желанием узнать, что ещё тебе известно, а главное – почему. Про меня-то растрындеть не успел, Павлик Морозов? Точнее, про Наталью Никаноровну.

– Нет.

– Ну, и чу́дно.

Теща двинулась в указанном направлении. Я, естественно, – следом. Честно говоря, уже перестал удивляться скорости, с которой «менялась власть». То бабка – враг, то – спасает. То Лизонька – надёжа и опора, то – убийства шьёт, которые вообще никак ко мне не шьются.

– Лизка скурвилась. – Заявила вдруг гренадерша, при этом не сбавляя шага. – Как Наталья Никаноровна померла, а помереть ей уже пора было, иначе вопросов не оберешься. Это прям после войны случилось. Ну, вот девка и осталась без присмотра. Совсем от рук отбилась. Одно время был рядом с ней. То подружка, типа, новая появится, с которой ей на удивление спокойно, то коллега

на работе все время поблизости. Родственников-то у бедолаги не осталось. Ближе не подберешься. И уйти не уйдешь, благодаря некоторым любителям самодеятельности, не будем указывать пальцем. А потом девка совсем перестала верить кому-либо. Да и опыта поднабралась. Закрываться научилась. Сейчас уже так запросто я ее спать не уложу. Сил придется потратить. Да ещё эта история с твоим дедом. Прям покоя она ей не давала.

– Подробнее можно? Особенно про деда. Что за хрень вышла по итогу? Почему все изменилось? – Мне приходилось почти бежать, чтоб успеть за размашистым шагом тещи.

– Почему, почему… Потому! Не́чего в прошлом гадить грязными ногами. Тебе было сказано одно, а ты натворил другое.

– Издеваетесь? – Я ускорился, чтоб немного обогнать Елену Ильиничну и видеть ее лицо. – Кому там, что сказано? Лично мне кроме туманных, ни о чем не говорящих фраз, больше никакой информации не поступало. Это первое. А второе, Вы же сами говорили, нужно исправить ошибку деда.

– Ошибку, Иван! Улавливаешь разницу? Ладно. Чего уж теперь. Василия помнишь? Друга Иваныча.

– Помню, конечно. Тот, что книгу сохранил. Парень из детского дома, у которого родителей репрессировали.

Мы, наконец, дошли до поворота, ведущего во дворы. Теща вдруг резко остановилась, встала лицом к зданию народного комиссариата, оставшегося далеко сзади, а потом села на корточки и на земле, прямо пальцем, нарисовала непонятный знак.

– Чтоб Лизка след не нашла. – Пояснила гренадерша в ответ на мой удивленный взгляд.

Затем поднялась на ноги и направилась вглубь дворов, продолжая на ходу рассказывать. – Ошибка Иваныча была в другом. Теперь могу объяснить. Обратно все равно не вернёшь, хоть все локти обгрызи. Помнишь, говорил тебе, белые не имеют возможности нам ответить. Веры нет. Времена такие были, если обратил внимание. А им без веры никак не развернуться. Не пролезть и своих не пропихнуть. Совсем иной расклад, если бы имелся хоть один человек с искренним, настоящим светом в душе. И он был, такой человек. На него ставку и делали. Но пока хранил книгу, в игру пацана не могли включить.

– Черт… – Я остановился, в изумлении глядя на Елену Ильиничну, а точнее на ее удаляющуюся широкую спину, потому как она перла вперёд без задержек. – Вы сейчас про Василия?

Бегом бросился догонять гренадершу, а то утопает так, хрен найдешь потом.

– Про него, родимого. Васька должен был книгу отдать, а

затем свой уже крест нести. Ему великое дело предназначалось. Но ты, как и твой дед, сделал ошибку. Ту же самую.

– Да твою мать! Ошибка-то в чем? Опять ничего толком не объясняете. А потом претензии, мол не то и не так все. Вы же со своей этой политикой невмешательства, которая, кстати, действует выборочно как-то, весь мозг заимели туманными фразами.

– Ошибка… – Елена Ильинична резко остановилась, а потом посмотрела мне прямо в глаза. Аж мурашки побежали, честное слово. – Он ведь повесился, Вань. Когда ты в квартиру обратно вернулся, как раз и повесился. Очень долго при себе книгу держал, не поддаваясь ее соблазну. Как тебе отдал, его и накрыло. А тебе нужно было, в первую очередь, по возвращению, друга вообще-то проверить. Ты ведь уходил, видел в каком он состоянии был. Слишком обрадовался, что получил желаемое. Даже не вспомнил о нем. Как и твой дед. Тот тоже на радостях прибежал, водки долбанул от стресса и спать завалился. Догадался через день только, что непорядок. Вечером пришел со службы, заглянул, а там Васька висит. Вот вы, людишки какие. Если че-то вам надо, так сразу друг. А когда не нужен, то и не вспомните.

Гренадерша снова сорвалась с места и пошла вперёд. Я двинулся следом, но при этом чувствовал себя, будто мешком по голове долбанули. Вспомнилось, как шел мимо комнаты Василия и на секунду остановился, прислушиваясь. Тишина была, которая зацепила краешек сознания тревогой. Но все равно прошел мимо. Твою ж мать…

– Погодите, это что ж выходит… Василий был важен для… как вы их называете… для белых? А мы с Иванычем допустили его смерть? В этом ошибка?

– Туго соображаешь. Так. Стоп. – Елена Ильинична замерла.

– А если бы он остался жив, если бы я в тот момент зашёл его проведать и спас? Тогда как?

– Тш-ш-ш-ш… – Теща приложила указательный палец к губам, внимательно к чему-то прислушиваясь.

Я послушно замолчал, стараясь понять, что она хочет сделать. Но кроме далёкого шума проезжей части, отвратительно мявкающих в соседнем дворе котов и ещё каких-то посторонних звуков больше ничего не имелось.

– Туда! – Елена Ильинична ткнула пальцем на гаражи, между которыми шла узкая дорожка, а затем, следуя своему же решению, направилась в указанную сторону.

– Ну, так что? Вы не ответили.

– Если бы, Иван, у бабушки был бы… сам знаешь что, не мне,

матери родной жены, тебе такие вещи говорить, она была бы дедушкой. Что об этом мусолить теперь. Иначе все было бы.

– Так а книга при чем?

– Кто тебе сказал, что она вообще при чем-то тогда была? Книгу я собственноручно ещё после того, как Александра Освободителя взорвали, положил в нужное место, чтоб ее потом нашли, когда время придет. Соответственно, Мацкевича направил. Тот все сделал, как положено. Геббельса для усиления подключил. Красиво все шло, по плану. Пока Иваныч не вмешался со своим любопытством. Книга вообще не должна была к нему попасть. Не понимаю, как он ухитрился оказаться в этой истории. Даже я не понимаю. Прикинь? Не его это путь был. Не его. И перевернул все с ног на голову. Васька тоже свою судьбу имел. Ему начертано было сыграть значимую роль. Нет, дед твой и тут влез. Именно Василию на хранение оставил. Ладно, не смертельно. Наоборот, вроде, как испытание вере вышло. Даже в плюс. Но твою мать… Процитирую тебя. Как же он, далеко не дурак, ушел спокойно, видя в каком состоянии друг. Настоящий друг, заметь. Который Иваныча не подвел. Знаешь, что Васька выдержал за это время? Не знаешь. И дед твой не подумал даже. Чё, нормально. Ему сохранили нужную вещь и все. Прощай, Василий. Дальше как-то сам справляйся.

– В этом Иваныч раскаялся? – Я чувствовал себя погано. Отвратительно. Потому что вполне понимал, о чем говорит гренадерша. Мне ведь, к примеру, и правда было по фиг на человека. Свое забрал, а потом побежал быстрее к Тихонову. Вот ведь гадство…

– Ага. Чувство вины осталось сильное. И раскаяние искреннее. Не смог бы я на него никак воздействовать дальше. Иваныч книгу сильно возненавидел. Пошел в тот же день к Тихонову. Майор тоже в сомнениях был. Все сидел думал, как поступить правильно. Лаврентию отчитался, мол ещё время нужно. Денёк хотя бы. Тут дед твой на пороге. Все рассказал Никите Пахомовичу, как на духу. В том числе про Василия. Про мысли странные, про желания… Так. Все. Пришли.

Елена Ильинична остановилась, а потом повернулась ко мне лицом. В итоге спортивной ходьбы для гренадерши и лёгкой трусцы для меня, мы оказались на пятаке, окруженном со всех сторон гаражами. Странное, абсолютно ровное, круглое место диаметром где-то метров пятнадцать.

– Звезду не потерял? Чекист этот настырный, хотел забрать. И главное тупой до безобразия. Тяжело было в его мыслях ковыряться.

– Вот она. – Я сунул руку в карман и вытащил проводник. –

Етить колотить!

Было крайне неожиданно, но лучей оказалось шесть. Это что, выходит? Прямо сейчас?

Посмотрел на тещю. Ее лицо было совершенно серьезным. Получается, да.

– Да блин… Что ж так резко все. А маньяк? Тут он тоже есть. Хотел успеть ещё и его след найти…

– Маньяк, Ваня, никуда не денется. Будет тебя ждать, поверь. Сейчас шуруй исправлять содеянное. Книгу оставлять нельзя чекистам. Понял? И ещё. Василия не вернуть уже. Шанс давали только один. Бесконечно мотылять человека туда-сюда нам никто не позволит. Тем более… Сам понимаешь, сколь чистым душой он бы не был «до», но «после»… Короче, знаешь, к чему подобные поступки ведут. Один раз разрешили, больше – нет. И все же, есть нюанс…

– Почему Вы мне помогаете? – Я оборвал Елену Ильиничну, торопясь задать главный вопрос, который сбивал меня с толку.

– Тебе? – Она закинула голову и раскатисто, по – мужски, захохотала. Правда, тут же снова стала серьезной. – Да на кой черт ты мне нужен? Путаешь, друг ты мой любезный. Помогают совсем другие. Я, Иван, о себе забочусь. Ты слушай, что говорю. Найдешь человека. Это важный человек. И книгу. Книгу забери, как хочешь.

– Так Вы же не рассказали про Иваныча и Тихонова до конца! Что за человек опять?

Елена Ильинична, улыбаясь, сделала шаг назад. Затылок разорвало внезапной болью. Я успел обернуться, прежде, чем упал. За моей спиной, с такой же улыбкой и здоровой палкой в руках стоял Клетчатый. Последняя мысль, мелькнувшая в голове: Нашли развлечение, сволочи.

Глава 10

– Иваныч! Иваныч, вставай. Просыпайся. Подъем.

Женский голос, доносившийся издалека, казался мне знакомым. Однако, выныривать из блаженного небытия, а оно реально было блаженным, укачивая меня на медленных, приятных волнах, не хотелось совсем.

– Иваныч, миленький, проснись, пожалуйста, – Голос еле заметно дрогнул, словно его обладательница готова была расплакаться.

С огромным трудом открыл глаза. Состояние такое, будто не спал неделю или даже две. Серьезно. Руки, ноги ватные, не чувствую их совсем. И никак не могу словиться, что вообще происходит. Где я?

Черт… болит все тело. Потянулся, пытаясь перевернуться на бок или хотя бы выпрямиться. Однако ноги упёрлись пятками в грядушку, не имея возможности разогнуться до конца. Вот, наверное, почему все затекло до состояния окоченения. Скорее всего, находился долго в неудобной позе.

Приподнял голову, осматривая по мере возможности свое тело. Оно, то есть тело, лежало на коротком, жёстком диване, компактно сложив нижние конечности. На ногах – сапоги, военные шаровары. Поднял руку и выставил ее перед глазами. Гимнастёрка. Ясно. Привет 1941. Вернули обратно, как положено. И судя по всему, опять в тело деда. Логично. Мне же снова нужно поковыряться в его прошлом, только в этот раз без лишних движений.

В голове стоял звон, в ушах – гул, во рту – редкостная гадость. С похмелья и то состояние легче. Надо сообразить, в какой временной промежуток меня закинула Звезда Давида.

Звезда! Сунул руку в карман. Слава богу, пальцы нащупали слишком важную вещицу. Чтобы не происходило, за ней нужно следить в оба глаза. Все перемещения случаются в связке с этой штукой. Если потеряю, будет просто полная задница. А то я в первый раз как-то безответственно отнёсся к данному вопросу.

– Иваныч, я понимаю, ты устал. Все устали. Но надо вставать. Прошу. Итак страшно.

Медленно повернул голову в сторону голоса. Лиза. Она сидела на стуле, напротив моего ложа, если можно назвать абсолютно неудобный диван литературным словом. Я бы обозвал только матом, однако, от резких высказываний удержало даже не

присутсутствие дамы, а ее внешний вид. Никогда не видел девчонку настолько вымотанной. Военная форма, осунувшееся, бледное, усталое лицо, синяки под глазами.

Судя по обстановке, мы находились не в хранилище, где обосновался 13-й отдел. Простой рабочий кабинет. Думаю, один из многих на Лубянке. На стене висит неизменный портрет Феликса Эдмундовича, рядом, как положено, – Иосиф Виссарионович. Стандартная, казенная обстановка.

Снова посмотрел на блондиночку. А какого черта она в форме? Насколько помню, Лизонька носила исключительно приятные глазу платья.

Только в этот момент понял, что в кабинете достаточно холодно. Меня начал бить озноб, а пальцы на руках заледенели и отказывались сгинаться. Посмотрел на окно. Светло. Часов восемь утра. Может, девять. Но… на ветках дерева, раскачивающегося за стеклом от сильного ветра, отчётливо был виден заледеневший снег. Точнее, его остатки. Остальное, похоже, слетело.

А вот это не понял. Разве звезда меня не в тот же момент, откуда забрала, вернула? Теоретически, ведь так должно быть. Ладно, Василия уже не спасти. Ок. Но Гренадерша сказала, жизненно важно забрать книгу у чекистов. Логично, сделать это в тот же момент, когда и отдал. Ну, или хотя бы через день. А тут блин зима. Почему разрыв между событиями в такой здоровый промежуток?

– Что у нас? Какое число? – Горло болело нестерпимо, поэтому вышел какой-то хрип. Подумал бы, что всю ночь горланил песни, но судя по состоянию, просто тупо подхватил простуду. Достаточно сильную, кстати. Вот тебе и объяснение невыносимой ломоты в теле.

– Октябрь сейчас. Пятнадцатое. Ты неделю с жаром. Температура не падала вообще, напугал меня… То есть всех нас. Да и с чего ей падать. Видишь, какие холода. С одной стороны, тяжело, конечно. Вчера рвы копали опять, для линии обороны. Лопата землю еле пробивает. С другой стороны, фашистов тоже прижмёт знатно. Тем более… Погано все. – Лиза провела ладонью по лицу. Честно говоря, она сама выглядела, краше только в гроб кладут, – Товарищ Сталин приказал сегодня политбюро собраться в 9 утра. Это пугает. Все знают, он приезжает к полудню. Думаю, из-за ситуации на фронте. Ты неделю с лихорадкой на ногах был. Сегодня только под утро стало легче вроде. Как живой мертвец ходил. В бреду. Глаза блестят, язык заплетается. Упал прямо по дороге. Мы тебя сюда притащили. Товарищ майор велел до утра не будить, а если сам попробуешь встать, связать и уложить обратно. Привез каких-то порошков, в кипятке растворил, а потом

тебе прямо собственноручно залил. Да ты уже не сопротивлялся. Меня оставил рядом сидеть. Укрывать не стала из-за жара. Нельзя кутать при высокой температуре. Помнишь сам-то, как упал?

– Аааааа. Да. То есть, нет. Не помню. Плохо соображаю ещё. Горло болит. Голова, как чугун.

Упёрся руками о диван и попробовал принять сидячее положение. В принципе, получилось. Слабость только периодически резко накатывала волнами. Может, есть связь этих перемещений с самим Иванычем и его состоянием? В тот раз деда по голове хорошенько отоварили. В этот раз – болезнь.

Спустил ноги, планируя встать, но сразу же повело в сторону. Лизонька вскочила, бросилась ко мне, подставляя плечо, и попутно обнимая одной рукой. Конечно, не к месту, но было очень даже приятно. Волнуется. Переживает…

– Осторожно! А то носом в пол улетишь. Тебе бы отлежаться. Но видишь, что… Ситуация на фронте тяжёлая. Немцы наступают, Вань. – Впервые блондиночка назвала меня не привычным «Иваныч», а по имени. Она вообще была на себя непохожа. Уставшая, расстроенная, хотя пыталась выглядеть собранной. – К Москве все ближе. 30 сентября на Брянском направлении двинулись, 2 октября – на Вяземском, 10 октября – на Калининском. Помнишь хоть? Я бы предпочла не помнить… Прорвали оборону и взяли несколько армий в окружение. Кровью теперь приходится отстаивать каждый рубеж. Страшно, Вань. Враг продолжает рваться к Москве. Что будет дальше не понятно.

Девчонка смотрела на меня с таким выражением во взгляде, будто я был способен как-то изменить ситуацию. С одной стороны это, честно говоря, льстит. Но с другой, знаю, что хорошие новости появятся нескоро.

– Помню. Смутно. Все, как в тумане. – С помощью девчонки, сел обратно на диван. Ноги все равно подкашивались и норовили отказать в надёжной опоре. Неплохо Иваныч расклеялся.

Вот это звезда подсуропила. В таком состоянии я мало на что годен. Да ещё и период тяжелый. Похоже, скоро битва за Москву. Даты помню плохо. И то, в большей мере, благодаря книгам, которые взял в библиотеке. Правда, насколько могу судить, война по своим этапам осталась неизменной. И вот как сейчас Тихонову за книгу говорить? Вы знаете, товарищ майор, мы в заднице, но отдайте мне ту штуку, которую я вам по глупости вручил. Не переживайте, Москву отстоим. Откуда знаю? Видение мне было. Я же, блин, Ванга. Так что ли?

Словно почувствовав мои мысли, в кабинете появилось ещё одно действующее лицо. Товарищ майор государственной безопасности собственной персоной. Открыл дверь, молча

протопал к стулу, который недавно был занят блондиночкой, а потом сел на него, снял фуражку и посмотрел на нас с Лизонькой. Могу представить, как выглядит со стороны наша парочка. Сохраняя приличия, отстранился от девчонки, на плечо которой так и норовил притулиться. Ох, как же хреново-то…

– Плохие новости. – Тихонов, в отличие от Лизы, держал себя в руках гораздо успешнее. Определить его настоящее состояние не представлялось возможным. Он даже эту фразу произнес обыденным голосом. Как если бы сообщил, на улице снег, но это нормально, потому что зима на пороге. Не мужик, кремень.

– Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии комитет обороны постановил эвакуировать из города дипломатические представительства и Наркомат Обороны. Из высшего руководства должны остаться только товарищ Берия, ещё товарищи Микоян и Косыгин. Иосиф Виссарионович будет тоже здесь. Сказал, что уедет только в самом крайнем случае, смотря по обстановке. Если появятся войска противника у ворот Москвы, нам, имею ввиду сотрудникам НКВД, поручено произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также уничтожить все электрооборудование метро. Велено не трогать только водопровод и канализацию.

– Никита Пахомович… – Лиза стала совсем бледной. Она осеклась, подбирая слова, потом провела ладонью по волосам. Видимо, ей мешались выбившиеся пряди. Или просто нервное. – Так что же… Сдадим Москву, что ли?

– Молчать! – Тихонов со всей силы ударил кулаком по столу, рядом с которым сидел. – Чтоб не слышал ничего подобного. Поняла? Есть распоряжения, приказы. Все. Свои вот эти гадания, предсказания, оставь при себе. Ясно?

Девчонка молча отвернулась к окну. Я успел заметить, как она закусила губу. Хочется ей заплакать, но держится.

– Ты Елизавета соображай, что говоришь. Кутузов мог себе позволить отойти от столицы. Проиграть бой, чтоб выиграть войну. Вот только Гитлер – это не Наполеон. А фашисты – вовсе не благородные французы. Думаешь, если что, нас просто захватят и все? Будем жить дальше, как ни в чем не бывало? Нет! Страну разобьют на составные части, заберут все, что можно и нельзя, советских людей превратят в ресурс. Да и не будет советских людей. Советского союза не будет. Переделят нас на куски. Сделают различные придатки к различным частям машины Вермахта. Большевизм – смертельный враг национал-социализма. Знаешь, что делают с сильным и опасным врагом? Его уничтожают. Полностью. Самого врага, семью врага, близких

врага. Иначе, даже после поражения, всегда остаётся угроза, он, этот враг, оклемается, наберётся сил, а потом нанесет ответный удар. Поэтому, вы оба должны понимать. Вопрос стоит конкретный: «Либо мы, либо нас». Ясно? И не забывайте. Это сейчас у нашей страны есть союзники – Великобритания, Соединенные штаты. Но как только Советский Союз пошатнется, как только упадет, они же первые буду рвать его на части. Нет у нас никого. Запомните. Кроме Партии, Родины и товарища Сталина. Никого, кроме нас самих. А значит, надо выстоять. Поняли?

Лизонька как-то притихла. В окно больше не пялилась, а наоборот, смотрела теперь на Тихонова прямо, не отводя глаз.

– Поняли, товарищ майор государственной безопасности. – Я ответил за обоих. В принципе, все, что сказал Тихонов, конечно, знал и полностью был с этим согласен. Мне есть от чего отталкиваться в данном вопросе.

– Отлично. Значит, берем себя в руки и делаем свое дело. Приказ есть по всему городу и области в ускоренном режиме создавать подпольные диверсионные группы. Далее – необходимо готовить в большом количестве тайники с оружием и снаряжением для них. Групп решено сделать несколько. Порядка восьми – девяти. Конкретно нам доверены три. Первая – группа «Старики». Цели ее диверсионно-террористические. Понятно, да? Главное назначение, в случае если враг войдёт в Москву, наносить максимально возможный урон террористическими актами. Хотя, диверсии подразумеваются тоже. Это люди с революционным прошлым, левые эсеры и анархисты, имеют богатый опыт подпольной и террористической деятельности. С ними будет проще в плане подготовки. Они в принципе уже почти готовы. Необходимо только отрегулировать кое-какие нюансы. Направить в правильное русло.

Руководитель – «Клим». Группа состоит из 6 человек, бывших активных эсеров и анархистов, изъявивших желание работать в тылу противника. Все имеют опыт подпольной боевой работы. Для прикрытия «Клима» создана слесарная мастерская и конспиративная квартира у агента «Снегурочка», на которой он «женат». Группа снабжена оружием и взрывчаткой, но кроме того, участнице группы «Герасимовой» поручено издавать антифашистские листовки, для чего она снабжена машинкой и стеклографом. Сразу называю нужные имена и фамилии. Привыкайте к позывным.

– Товарищ майор, но это чистой воды самоубийство с их стороны. Такую группу вычислят в первые же дни активной работы. – Не выдержав, вставил свои пять копеек. Просто не мог

промолчать. Все же, в силу личного опыта, пусть и не в разведке, не в НКВД, прекрасно представлял, как будет выглядеть деятельность этих людей. Слишком все грубо, наскоком.

– Иваныч, поверь, они прекрасно знают и понимают. Сейчас не стои́т вопрос, кто из нас был прав, кто виноват в 1917. Сейчас решается судьба Родины. Их Родины в том числе. Так что, слушайте дальше и принимайте информацию. Вторая группа – «Лихие». Их основная цель – террористическая деятельность. Только это. Состоит из 4 человек, бывших воспитанников Большевской трудовой коммуны НКВД – в прошлом уголовных преступников. Партия даёт им шанс на искупление. Руководитель группы, агент «Марков» – бывший уголовный преступник, грабитель. Прошу об этом не забывать. Сейчас обстоятельства чрезвычайные и требуют результативных действий, пусть даже радикальных. Напоминаю, группа будет специализироваться по совершению террористических актов в отношении офицеров германской армии. Готовить к диверсиям их не нужно.

Третья группа – «Семейка». В составе – православный батюшка и его домочадцы. С ними работа предполагается особая. Расскажу позже более подробно. Кроме того, будут несколько групп, которые станут изображать людей, недовольных властью большевиков, чтобы втереться в доверие к оккупантам. Но ими займёмся уже не мы. Задачи на ближайшее время ясны?

– Ясны, товарищ майор государственной безопасности. – Снова ответил и за себя, и за Лизу.

– Симонов, что заладил одно по одному. Решено уже давно, внутри своего круга обращаемся по именам. А то мне так и кажется, будто за спиной начальство, а я его не вижу. – Тихонов усмехнулся, повертел фуражку в руке, – В общем, ситуацию вам практически всю обрисовал. Есть один момент…

– Ещё группа… Да? Четвертая. – Девчонка впервые с начала речи Никиты Пахомовича, подала голос. – Я и бабушка. Верно?

Майор не ответил. Смотрел минут пять на нас обоих.

– Ты иди, Елизавета, разыщи Наталью Никаноровну. Она должна быть в хранилище. Зови сюда. Надо обсудить остальное всем вместе. – Наконец выдал руководитель нашего отдела, при этом проигнорировав вопрос блондиночки.

Девчонка, что показательно, спорить не стала, повторять сказанное тоже. Хотя, и без того понятно, она права. Имея в руках такое оружие, как две ведьмы, а это ещё Тихнов не догадывается про секретик бабули, глупо им не воспользоваться. При желании, они ведь могут бо́льшую честь верхушки немецкого командования сделать недееспособными. До всех не допрыгнут, это понятно, а вот тех, которые окажутся поблизости, вполне.

Черт… Как-то не готов я Лизоньку в такую опасную авантюру отпускать. Понимаю умом, с ней все будет хорошо, а один хрен на душе маятно. Моя то реальность вон изменилась. Теоретически, девчонка должна остаться целой и невредимой, но… Я – живой пример того, что события могут свернуть в другую сторону, далеко не лучшую.

Не вопрос, блондиночка сама вовсе не простушка, и всё-таки… Будь ты хоть трижды ведьмой, а пулю остановить вряд ли сможешь.

Девчонка без лишних разговоров поднялась на ноги и вышла из кабинета. Видимо, решила, что продолжать обсуждение столь серьезной темы на самом деле лучше в присутствии Натальи Никаноровны. Вот, кстати, бабулю я бы тоже хотел увидеть. Уж она помнит все, что происходит в прошлом, настоящем или изменённом варианте реальности. Мы так и не договорили с ней там, среди гаражей. Очень хотелось бы продолжить беседу. Конечно же, в приватной обстановке.

Глава 11

Как только Лиза вышла за пределы кабинета, Тихонов сначала минут пять молчал, прислушиваясь к шагам, гулко удаляющимся по коридору. Похоже, ждал, чтоб девчонка наверняка оказалась, как можно дальше.

– Не понимаю, Иваныч. Почему все идёт по нарастающей? Книгу отдал товарищу Берии. Лично в руки. Лаврентий Павлович изначально говорил, что основная его цель – предотвратить войну. Только в этом был интерес. И вопрос не могу в лоб задать. Понимаешь? Спрошу – выходит, подозреваю его в нечистоплотности, в саботаже почти. Во вранье подозреваю. А это уж совсем… Ни субординации, ни уважения с моей стороны…

И вот что сказать Никите Пахомовичу в ответ? Война неизбежна, как утверждала бабка – демон. Книга, по сути, была лишь орудием ее начала. Хоть убился бы Берия об стену, желая данные события остановить, хрен там уже остановишь. Они, как снежная лавина. Если пошла, то прёт до конца. Да и потом, неизвестно, что именно, на самом деле, сделал Лаврентий Павлович. Не хочу никого обвинять огульно, но тем не менее, мы рядом с ним не стояли, в этот момент. Свечку, как говорится, не держали.

К тому же, если верить гренадерше, главная роль-то, как раз, отводилась Василию. Представить не могу, кем он должен был стать. А теперь и не узнаешь. Образ друга Иваныча возник на дальних рубежах памяти, осуждающе покачал головой, но потом исчез. Эх… Прошляпил я момент. Теперь нужно книжонку забрать только для того, чтоб ход событий вернулся в свое русло. Соответственно, моя жизнь и жизнь Иваныча встала в обозначенные рамки. А не вот это все, что я увидел в новой реальности.

Но самое поганое, тот самый шанс уже упущен. Так выходит. Прошло полгода. Пока понятия не имею, как вырвать книгу из рук Берии. А в данном случае, учитывая, что она мозг зомбирует, подозреваю, «вырвать» самое подходящее слово. Добровольно от нее будущий генсек, о его внезапном возвышении забывать тоже не стоит, хрен откажется. Да, власть ненадолго останется в его руках, потом все равно будет расстрел…

Ох, ты черт… А ведь и правда. Не зависимо ни от чего, Лаврентия все равно настиг конец, который должен быть. Особо не помню данные события в обычной истории. Смутно. Но, вроде

бы, Берию, так и так, должны были арестовать после смерти Сталина. Просто не случилось у Лаврентия периода правления. А финал то вышел один и тот же. Да что ж, твою мать, я в школе историю плохо учил… Хоть бы знать, в моей нормальной реальности, что именно «шили» Лаврентию Павловичу. А то, как дурак, ей-богу. Тут помню, тут не помню. Просто, если я верно рассуждаю, то смысл в следующем. Хоть с участием книги, хоть без него, но все неуклонно идёт по намеченному пути. Война должна быть – она есть. Союз должен победить – он победил. Берию должны расстрелять – его расстреляют. Изменилось лишь то, к чему непосредственно приложил руку Иваныч. Василий, Хрущев, Тихонов, я… Мы связаны с дедом напрямую. Твою мать… Чокнуться можно. И слова гренадерши, будто даже она не понимает, как Иваныч ухитрился влезть в историю с книгой. Выходит… Дело реально не в книге, что ли? А… В Иванычеˀ

– Что молчишь, Симонов? – Тихонову, похоже, надоело ждать какой-то реакции в ответ. Знал бы майор, что сейчас в моей голове происходит, сильно бы удивился.

– Так сказать не́чего. Может, не сто́ило ее тогда и отдавать? – Решил провести разведку. Хотя бы понимать настроение Никиты Пахомовича.

– Может, и не сто́ило. Все равно ничего не изменилось. Видишь, как получается. Враг практически до Москвы дошел…

Та-а-а-ак. Неплохо. Майор в сомнениях. Это огромный, просто огромнейший плюс. Появился шанс склонить его на свою сторону и получить помощь. Если не уверен однозначно в правильности своего поступка, то можно давить на больную мозоль. Но не сразу. Не сейчас. Я бы, конечно, с превеликим удовольствием сию секунду метнулся бы к Берии, забрал гадскую вещицу, да и вернулся бы обратно, в свою жизнь. Вот только… Физически не думаю, что это возможно. Вряд ли Лаврентий так легко согласится распрощаться со своей «прелестью». Тоже мне, блин, кольцо всевластия. Но тем не менее. Украсть ее, подозреваю, невозможно. Опять же, не сто́ит забывать, получить книгу можно лишь при добровольном желании владельца.

Ну, а ещё одна причина… Лизонька. Да. Напрягли меня слова майора о диверсионной группе. А точнее, наоборот, отсутствие слов. Думаю, девчонка правильно предположила. Их с Натальей Никаноровной планируют задействовать. Ладно, если в пределах столицы и на крайний случай. Тут я спокоен. Немцев мы отбросим, к Москве не пустим. А если речь пойдет вообще об использовании блондиночки для нанесения вреда фашистам?

– Ладно. Поглядим. В любом случае, сейчас задача номер один – выстоять, врагу не дать шанса. Поздно махать кулаками

после драки. Потом будем думать. Беспокоит меня, Иваныч, что-то. Связанное с этой вещью. Понимаешь, о чем я? Ощущение, будто ошибку совершил. – Высказался снова Тихонов.

Он спрашивает, понимаю ли я? Засмеялся бы вслух, если бы не обстоятельства, в которых мы находимся. Ржать, когда немцы к Москве подходят, это совсем уж быть идиотом. Естественно, понимаю! Только в отличие от Тихонова, знаю наверняка об ошибке, а не просто догадываюсь.

Нашу беседу с майором прервал звук приближающихся шагов. Первые – четкие, строгие. Вторые – семенящие. Дверь открылась, впуская в кабинет Лизоньку. За ней следом появилась Наталья Никаноровна. Неизменный костюм, только более теплый, шляпка с вуалькой и ридикюль. Нет, так оно точно привычнее. В роли женщины – гренадера она напрягала мой нерв сильнее.

– Звали, товарищ майор? – Бабуля скользнула по мне взглядом, – О, Иван, смотрю лучше тебе стало. Последний раз когда тебя видела, ты смотрелся немного… М-м-м-м… побитым.

Какая отвратительная все же дрянь, эта бабка – демон. Не может без издевательств. Для остальных ее слова выглядели, как сочувствие. Болел Иваныч. Вот она о чем. Но я то знаю, поглумилась, припомнив, как я среди гаражей свалился.

– И Вам не болеть Наталья Никаноровна. – Очень хотелось ответить, что здоров только ее молитвами. Но боюсь, подобного юмора Тихонов бы не оценил.

Лиза подошла ко мне и села рядом. Бабуля посмотрела на диванчик, прикинула его возможности, а затем, видимо, решила, что этак мы чуть ли ни в обнимку устроимся. Для коллективных посиделок он точно не предназначен, потому прошла дальше, к окну. Тихонов вроде дернулся предложить ей стул, но Никаноровна отрицательно качнула головой.

– Насиделась за всю жизнь. Достаточно. Вы говорите, Никита Пахомович, о чем речь пойдет.

– Речь… Речь пойдет о той пользе, которую вы с Лизой можете принести Родине.

– Это ожидаемо. – Бабуля переложила ридикюль из руки в руку. – Говорите по делу, товарищ майор. Я женщина пожилая, могу и не дожить до конца Вашей речи, коли Вы ее так тянуть будете. Есть распоряжение от Лаврентия Павловича, так понимаю. Для нас нашлась подходящая работа. Так?

Невольно подумал, наверное, неспроста ведьмы живут одинокими. По крайней мере, насколько я могу судить по бабуле, Лизе и неведомой Фене. Это ж не дай бог, если твоя баба мысли читать умеет. Ничего от нее не спрячешь. Бухнуть с друзьями втихаря нереально. Заначку на свои мужские радости спрятать

невозможно. А если угораздило с посторонней женщиной спутаться, это вообще, наверное, чревато серьезными последствиями, вплоть до членовредительства. И в данном случае я имею ввиду в качестве повреждённых членов организма вовсе не руки и ноги.

– Верно. У вас будет своя, особая диверсионная группа. С особыми целями. И… не в Москве. – Тихонов на Лизу не смотрел, разговор вел конкретно с бабулей.

Твою ж мать… Так и думал. Я откинулся на спинку дивана, пользуясь тем, что болею. Выглядело, будто просто накатил очередной приступ слабости. На самом деле, лихорадочно соображал, как быть. У меня есть четкое задание. Предельно понятное. Добыть книгу, изъяв ее у чекистов. Но отчего-то при мысли о девчонке, которая отправится к немцам в руки, а ее несомненно командируют в зону максимальной близости врага, становилось очень сильно не по себе.

– Никита Пахомович, сколько человек будет в их группе? – Вопрос выглядел нейтральным, хотя, на самом деле, меня интересовало наличие защиты. Две женщины, кем бы они не являлись, все равно не боевой отряд.

– Двое. – Отрезал майор. – Нам нужны сведения о наступлении немцев, об их планах. Подробные сведения. Что, когда, откуда и где. Сейчас лишь начальная стадия, это очевидно. Оборонительный период с нашей стороны. А мы обязаны превратить его в контрнаступление. К сожалению, разведка не даёт нужной информации. Пока что мы вынуждены отступать и оборонятся. Я бы сказал вам, сколь велики наши потери в котлах под Вязьмой и Брянском, но не могу. Не потому что это – секретная информация. На данный момент просто никто даже не в состоянии дать оценку этим потерям. Они огромные. Мы знаем точные сведения лишь от тех соединений, которые избежали окружения или вырвались из него. Генерал – майоры, генерал – лейтенанты погибли или в плену. Но зато растет интенсивность немецкой воздушной разведки. Они пытаются «вскрыть» наши войска, определить характер обороны, выявить состояние дорог и места базирования авиации. Два дня назад пала Калуга. Вчера – Боровск. Я говорю вам ту информацию, которую знают далеко не все даже в этих стенах. Нам жизненно необходим Федор фон Бок, командующий группой армии «Центр». Вернее сведения, которыми он облалает. Сделать это не сможет никто. Кроме вас.

Майор закончил свою речь, а затем перевел взгляд с Натальи Никаноровны на Лизу и вдруг неожиданно продолжил.

– Сейчас не время, не место, но я скажу. Ты ненавидишь меня и советскую власть. Возможно, есть за что. Не спорю. Но твоя

помощь нужна не мне, не партии, не товарищу Сталину лично. Она нужна твоей стране, людям, которые живут с тобой на одной земле. И видишь, как выходит… в данный момент только ты можешь что-то изменить. Вместе с Натальей Никаноровной, конечно. Я могу приказать и вы пойдете. Потому что это – приказ. Но сейчас… прошу. Как человек, понимающий, насколько тяжело противостоять слаженной машине Вермахта, знающий, сколько уже погибло и предполагающий, сколько ещё погибнет.

Мы все трое, я, бабуля и Лиза, немного прибалдели от внезапности слов Тихонова. Их говорил не майор государственной безопасности, а человек, всей душой переживающий за свою родину. Это было так болезненно и выстрадано им, что даже Наталья Никаноровна, нахмурилась, а потом отвернулась к окну, сосредоточенно там что-то разглядывая.

– И, знаешь ещё… Оправдываться ни за что не буду, потому как, это глупо. Я выполняю свою работу, делаю то, что идёт на пользу стране. Но за Феню прости.

Тихонов высказался и замолчал. Сидим, значит, мы в этом кабинете с портретом вождя и Железного Феликса на стене, коллективно молчим. Момент трогательный, конечно. Но, если Лиза и Никита Пахомович свято верят, что, вероятно, подобных разговоров больше и не будет, так как каждый день может стать последним, мы с Никаноровной знаем, что предстоящий финал гораздо веселее. Соответственно, девчонка на пару с майором задумались о своем, а мы с бабулей обменялись говорящими взглядами. Мол, пора завязывать. Делу время – потехе час. Ещё кучу всего обговорить нужно.

– Ну… что ж. Страна сказала, надо. А мы ответим – есть! Момент очень волнительный и душевный, однако, хотелось бы для начала забрать Иваныча из этого оплота закона и порядка, отвести его домой, напоить чаем с травами, уложить спать. Наша группа не сейчас ведь выдвигается на спасение Родины? – Наталья Никаноровна решила взять все в свои руки. За что получила от Лизы осуждающий взгляд, от майора – матерный. – Вот и чу́дно. Иваныч на ногах еле стои́т. Как мы вас бросим тут одних, если столь ценный кадр в состоянии вареного овоща. Никита Пахомович, пойдем мы пока домой. Вещи, как раз приготовим. Завтра все остальное. Хорошо?

Тихонов открыл было рот, собираясь, видимо, пояснить бабуле, кто, вообще-то, главный, но потом глянул на меня и молча махнул рукой. Похоже, я сейчас представляю из себя очень жалкое зрелище.

– Да. Идите. Здесь сегодня все равно будет суета. Большая

суета. Иваныча на ноги чтоб поставили к утру!

Наталья Никаноровна заверила майора, что поставит меня не только на ноги, но и на голову, если того требуют обстоятельства, после чего мы в составе самой бабули, Лизы и, естественно, меня, натянув верхнюю одежду, вышли сначала в коридор, а потом из здания.

К нужному дому решили отправиться пешком, хотя Никита Пахомович предлагал помощь неизменного Николая.

Пока шли по улице, у меня возникло ощущение, будто это совсем не тот город, в котором я совсем недавно уже был. Да, тогда цвела весна, сейчас – ледяной октябрь, который ещё и гораздо холоднее привычного. Однако, дело было не в этом. В воздухе словно растворились мельчайшие частицы страха и тревоги. Они клубились невидимым туманом. Людей практически не было вообще. Не сказать, будто прежде Москва 1941 напоминала мне Лас Вегас, но все же такой давящей атмосферы точно не наблюдал.

Мы почти подходили к дому, когда навстречу нам попались несколько девушек, которые тащили какую-то непонятную хреновину. Против воли, я остановился, разглядывая и людей, и предмет. Внешне он напоминал что-то среднее между раздувшейся субмариной и огромным, гигантским баклажаном. Женщины держали в руках тросы, с помощью которых передвигали свою ношу по воздуху.

– Аэростаты – это оказалось отличной идеей, – Сказала Лиза, которая заметив, что я застрял на месте, вернулась обратно.

– Ага. – Поддакнул, хотя понятнее ни черта не стало.

Аэростаты? Типа дирижабли, что ли? Этим они воюют против самолётов? Круто. А чего просто не воздушными шарами.

Наталья Никаноровна, которая резво ускакала вперёд, оглянулась, в поисках меня и Лизы. Увидев нашу парочку, стоявшую посреди улицы, она, как и девчонка, пошла назад.

– Иваныч, ну, что вылупился-то? Дирижабли, аэростаты использовались ещё в Первую мировую войну для разведки и обороны. В последнем случае аэростат закрепляют высоко в небе. Опасность для противника представляет трос, соединяющий надутый газом баллон и землю, его почти не видно на большой скорости, тем более, ночью. Самолёт цепляет крылом, все, трындец ему. Понимаю, болезнь, жар, лихорадка, но в разум-то приди! – Наталья Никаноровна подхватила нас обоих под руки и потянула в сторону дома.

Бабуля права. Своим любопытством привлекаю внимание. В первую очередь Лизонькино. Вон, покосилась подозрительно. Нельзя забывать, девчонка, как и бабка-демон, чувствует

внутреннее состояние. Сейчас можно на болезнь списать, как подсказала Никаноровна, но лучше контролировать такие моменты.

– Да я просто не ожидал, что девушки. – Нашел оправдание своему интересу.

– Если так и дальше пойдет, то скоро девушки во всем сами будут обходиться, – Буркнула старушка, – Мужиков не хватает. А тут и женской силы достаточно. Тем более они его к машине тянут. Шустрее ноги передвигай, болящий!

Я послушно ускорился, стараясь по сторонам больше не глазеть.

Едва мы оказались в квартире, Лиза стянула с меня шинель, шапку, заставила разуться и раздеться. Не полностью, конечно, хотя в общем я бы не против такой перспективы.

Бабуля суетилась с чаем, а девчонка буквально пинками прогнала больного, между прочим, человека в ванную. Туда она собственноручно притащила откуда-то теплой воды в здоровенном ведре и велела обмыться. Потом появилась чистая одежда. На мой вопросительный взгляд блондиночка скромно потупилась и пояснила, что буквально вчера с разрешения Тихонова сбегала в комнату к Иванычу, ибо он, то есть я, последние дни был так плохо, что даже с Лубянки не уходил, оставаясь ночевать либо в хранилище, либо в кабинете.

В общем, через полчаса я выбрался к столу на слабых, но чистых ногах, в свежей гимнастерке и с большим желанием завалиться спать.

Лизонька потрогала лоб с деловым видом, потом вынесла вердикт, температуры, к счастью, нет. Наталья Никаноровна уже подсуетилась с чаем. На большом столе, который я помнил с прошлого своего посещения, расположились три чашки, тарелка с неизменными сухарями, заварник с пахнущим травами напитком.

Мы уселись друг напротив друга, и в этот момент, вообще не понимаю, почему, я вдруг почувствовал себя словно в кругу семьи. Бред какой-то. Честное слово. На улице – октябрь 1941, немцы под Москвой. Жизнь эта не моя, женщина рядом не моя. А я сижу, как дурак, и ощущаю странное тепло внутри.

– Лизка, ты иди Ивану в комнате постели, которая для гостей раньше была. Здесь останется. Нечего ему по улице бегать. Чаем напоим, потом скажу, что сделать, чтоб эффект закрепить. Травы хорошие, но ты всё же малясь силы потратишь на него. Нет времени ждать, пока простуда естественным путем отступит. Чувствую, ехать нам из города завтра.

– Чувствуете или знаете? – Я посмотрел на Наталью Никаноровну, которая, на удивление была серьезной. Да ещё эти

слова про ночёвку. Забота?

– Знаю. Утром майор заявится. Не успеем проснуться. Там сейчас черти что во всех учреждениях их творится. Кто-то тащит вещи, кто-то деньги. Бегут крысы с корабля.

– Да ладно! Это ведь… – Осекся, едва не проговорившись, что такое поведение возможно среди моих современников. А сейчас же – советские граждане с развитым чувством самосознания и все такое.

– Ваня, – Наталья Никаноровна произнесла мое имя, выделив последнюю букву, как-то по простому, по деревенски, что ли, – Люди, они всегда одинаковые. Товарищ Сталин крепко в кулаке страну держал много лет, но суть не переделаешь. Оно ведь, к сожалению, так и есть. Строгость необходима, иначе выходит анархия. Это что. Поглядишь, как весело завтра будет. Вот удивишься. Иди, говорю, Лизка. – Бабуля вдруг резко перескочила с темы человеческих ценностей снова на девчонку.

Та послушно поднялась и скрылась в одной из комнат.

– Ну, рассказывайте. Что, куда, кого? – Я наклонился над столом, стараясь быть ближе к Наталье Никаноровне. Говорил шепотом.

Бабуля точно так же легла грудью на столешницу, а потом тихо, но с важным видом ответила.

– Не могу…

– Чего не можете?

– Говорить ничего не могу. Принцип невмешательства. Помнишь?

Я отстранился, глядя на бабку-демона с подозрением. Она издевается опять?

– Вы же, пока к гаражам шли, многое успели поведать. Но на самое главное – времени не хватило. Начали про книгу и человека.

– Там, Ванька, было настоящее, для которого 1941 год – это прошлое. Там можно. А здесь и сейчас ничего не имею права сказать. Это уже будет означать, что я напрямую влияю.

– Бл…ть. – Сказал с чувством. От души. Вложив в данное короткое слово все эмоции, которые испытывал в данную секунду по отношению к Наталье Никаноровне.

– А что поделаешь? – Бабуля развела руками и скромно улыбнулась.

– Я сейчас возьму стул и разобью его. – Сообщил ей спокойно, с такой же милой улыбкой на лице, – Потому что сил моих больше нету. На вас лично и на ваши тупые правила в частности.

– Это, ничего, Иван. Это не страшно. Хочешь бить? Бей. Не советую только по мне. А то ж могу не рассчитать, да в обратную

двинуть. Не рукой, как ты понимаешь. Мне для того, чтоб тебе шею свернуть, даже тело не понадобится. Тебя потом вообще никто не починит. Это так, на всякий случай.

К счастью, вернулась Лиза. Иначе, не знаю, до чего бы мы с бабулей дошли. Я был просто в бешенстве. Что за идиотство?! Там она может говорить. Тут, блин, нет. Загребли! Замудохали!

– Вань, допивай чай. Постелила тебе. Как раз день отлежишься и ночь. Утром должно быть хорошо уже. – Девчонка была непривычно спокойна и мила.

Я взял чашку, а потом залпом опрокинул в себя чудодейственное пойло бабки-демона. Подумал, протянул руку, хапнул и ее порцию, проглотив следующим заходом. Хоть какая-то польза пусть будет. Затем развернулся и демонстративно, не говоря ни слова, ушел в комнату.

– Отлеживайся, псих истеричный. К вечеру Лизка зайдет. Полечит. – Крикнула Наталья Никаноровна мне вслед.

Я хлопнул дверью, подошёл к кровати, стянул штаны, гимнастёрку, и завалился в постель. Пошли на хрен со своими проблемами добра со злом. Буду спать.

Вырубился за пять минут. Видимо, травки у бабули и правда волшебные. Проснулся лишь под вечер от того, что вдруг почувствовал, как одеяло откинули чуть в сторону, приподняв его край. В это же мгновение, под бок скользнуло теплое, пахнущее чем-то очень вкусным, женское тело. Я сначала обалдел, спросонья не понимая, как реагировать. Ещё больше обалдел, когда Лиза, а это, естественно, была она, прижалась крепко, положила одну руку мне на грудь, потом вообще потянулась своими губами к моим. Но вот в этот момент решил, не буду ничего спрашивать. И останавливать не буду. Я же не идиот в конце концов. И не железный. Лечится, так лечиться.

Глава 12

Это было странно, но проснулся я в состоянии бодром и даже, наверное, чрезвычайно деятельном. Прилив сил ощущался во всем теле. Будто вообще не было этих дней лихорадки и жара. Правда, рядом оказалось пусто. В какой момент девчонка сбежала из-под моего бока, не заметил. Заснули под утро, но я лично спал, как убитый. А главное, в чем причина ее побега? Вроде, не обидел ничем. Наоборот. Иваныч был на высоте. В процессе нашего замечательного времяпрепровождения даже мелькнула мысль, ему так-то для столь обширных знаний лет маловато. Как бы подозрений не вызвать опять. Но очень уж хотелось, чтоб Лиза не пожалела.

Соскочил с кровати, помахал руками, присел пару раз. Все работает просто идеально. Никаких головных болей, проблем с горлом или вообще любых признаков простуды. Неплохо. Интересно, это вещи взаимосвязанные, состояние и то, что Лиза провела ночь со мной? Или реально дело в бабкином чае? Первая версия мне нравилась больше.

Вообще, если честно, не мог понять свои ощущения, хотя, они имелись в достаточно большом количестве.

Ну, во-первых, несомненно, было круто. И дело не в том, что девчонка исполняла что-то неимоверное. Наоборот. Профессионализмом там и не пахло. Сложно было не заметить, опыта у нее нет вообще. Никакого. К двадцати годам. Не знаю, как реагировать. Немного удивительно даже. Современные девицы ушлые чуть ли не со школы. Знают иной раз больше, чем взрослые тети и дяди. Интернет научит всему.

Но при своей неопытности, блондиночка была возбуждающе искренна в том, что делала и как реагировала на происходящее. Женщины в большинстве своем ошибаются, думая, будто нам принципиально важны размер груди, ее форма, упругость задницы и так далее по списку. Нет, ну, понятно, любим глазами, это несомненно. Желание возникает не с потолка, просто «потому что». Однако, в близости гораздо важнее то, как женщина ощущает себя. Насколько она свободна в том удовольствии, которое получает сама и даёт мне. Дело то не в этих стонах, к примеру. Хотя частенько бывало, не успел трусы стянуть, а она уже пугает соседей криками, будто ее сейчас планируют убивать. Херни какой-то начитаются, насмотрятся, подруг тупорылых наслушаются, тех, которые мнят себя лучшими любовницами

вселенной, и думают, чем громче голосить, тем сильнее это будет возбуждать. По фигу, что ещё ничего не происходит. Главное – орать от души, подражая актрисам порно. Конечно, совсем когда тишина, тоже настораживает. Отбивает все желание. Хрен поймёшь, что вообще происходит. Может, спит человек. Мало ли. А я тут тычу что ни по́падя в разные места. Мешаю, так сказать, отдыху.

На самом деле, если серьезно, неважно, громко или тихо, важно, когда женщина делает это не по сценарию, а потому что ей реально хорошо. Это сложно сымитировать. Игру от настоящего мы, на самом деле, отличить умеем. Что бы там женщины себе не придумывали по этому поводу. Вот Лизоньке, без ложной скромности могу отметить, действительно было хорошо. К чему тогда это поведение? Могла бы остаться рядом.

Я натянул одежду, сапоги и вышел из комнаты. Никаноровна сидела уже привычно за столом. Самое любимое место. Лишь бы пожрать что-нибудь. Выглядела она подозрительно свежей, почти цветущей. Румянец во всю морщинистую щеку. Такое чувство, что это старушка провела ночь с молодым Иванычем, а не блондиночка. Взгляд у Натальи Никаноровны был хитрый и масляный. Глаза блестели так, что можно вместо фонаря во двор ставить. Мне аж поплохело на секунду. Честно. От ее довольного вида стало дурно. Но тут появилась Лиза и все, к счастью, вернулось на свои места. Девчонка споткнулась при виде нашей теплой компании, однако, сразу взяла себя в руки и спокойно прошла мимо к столу, водрузив на него неизменный заварник.

– Не на что не намекаю, но чего-то посерьёзнее нет? Кушать, знаете ли, сильно хочется. – Улыбнулся блондиночке, давая понять, мол, все хорошо. Ты чего?

– Конечно хочется. – Хмыкнула бабуля с намеком, – Умаялся бедненький. Такое напряжение на организм. За хорошую работу надо и кормить хорошо. Да, внучка?

Никаноровна снова гнусно хихикнула. Лизонька после ее слов моментально залилась краской. Слава богу. Это точно блондиночка была ночью. А то уж какие мысли только не появились. Тело, ясно, не перепутаешь, а вот содержание его могло быть неожиданным. Тьфу-тьфу, не дай бог. К счастью, судя по сильному смущению девчонки, все нормально. Бабка-демон и то, что в ней есть к произошедшему отношения не имеют.

– Лизка приготовила обед. Думали, чуть позже подать. Заботится о тебе. Видишь, как оно? Принеси пожрать-то мужику, Лизонька Заслужил. – Никаноровна, видимо, получала огромное удовольствие, подначивая блондиночку, которая наоборот, не знала, как родственнице, с ее шуточками, заткнуть рот.

Девчонка демонстративно шлепнула заварник на стол с такой силой, что несколько капель вылетели наружу, растекаясь по скатерти, а потом выскочила из комнаты, будто ошпаренная.

– Не пойму, чему радуетесь? Вы же были против. Книгами мне в голову кидались. Угрожали членовредительством. – Я подошёл ближе к Наталье Никаноровне, взял стул и устроился за столом, напротив. Подвинул к себе пустую чашку, налил чай. Пока нет еды, хотя бы попью горячего.

– Раньше обстоятельства иначе выглядели. Вот и угрожала. Сейчас все складывается, как должно. Да и пора ей. Ведьме нужно это. А то ходит нераспечатанная, как монашка. Разве ж дело? Задание не из простых, к тому же, будет. Чем больше сил, тем лучше справимся. – Бабуля сделала глоток из блюдца, которое держала пальцами, и зачмокала губами от удовольствия. – А ещё я радуюсь, потому как связь у нас есть с ней. Считай, что меня всю ночь энергетическим коктейлем поили. Вку-у-у-усным…

– Фу! Гадость какая. Надеюсь, в этот момент никто ни за кем не подглядывал? Не то, чтоб я против, широта взглядов имеется, но только не с Вашим участием.

– Нет, конечно. Чего там смотреть. Думаешь, удивил бы? Обычно все. Вот я на досуге много рассказать могу тебе. Эмоции, да. Их было прям целое море. Особенно от Лизки.

– За «обычно», между прочим, стало немного обидно. Я, чтоб вы понимали, старался. – Весело, конечно. Сижу, с демоном свои интимные таланты обсуждаю.

– Да ладно, не кипишуй. Лизка довольна, это самое главное.

Наш животрепещущий разговор был прерван беспардонный образом. В комнату, потирая замёрзшие руки, вошёл Тихонов. Майор снял шинель, фуражку, бросил их на широкий подоконник. Следом тут же появилась Лиза. В руках девчонка держала миску с вареной картошкой и кусками хлеба, лежащими поверх незамысловатого блюда. Но я, кстати, был рад и этому. Похоже, действительно организм нуждался в подпитке.

А бабка-то вчера была права. Майор явился спозаранку. Никак не привыкну к ее способности предсказывать будущее.

– Как самочувствие, Иваныч? – Тихонов прихватил очередной стул и сел рядом со мной.

– Отлично. Никаких следов болезни. Чувствую себя, как новенький. Готов нести службу. – Бодро отчитался начальству, боковым зрением пытаясь все же определить по внешнему виду настроение Лизоньки. Она, несомненно, напряжена как-то.

– Прекрасно. Никаноровна, – Никита Пахомович переключился на бабулю. – Придется действовать быстро и, в некоторых направлениях, можно сказать, напористо. Времени нет

совсем. Сейчас уедите. В городе паника, суета. Метро не открылось, у людей приступ коллективного безумия начался. С одной стороны понятно, страх дело заразное. Но с другой… Десятки тысяч человек пытаются вырваться из города на восток. На Казанском, Курском и Северном вокзалах народ в полном смысле слова берет штурмом поезда. Тащат с собой все, что можно и нельзя. Один гражданин приволок вещей, в трёх машинах не поместится. Ему объясняют, нельзя. Люди должны в первую очередь уехать. Бесполезно. По шоссе Энтузиастов едут вереницы забитых людьми и скарбом автомобилей, автобусов, гужевых. Такое чувство, что наступил конец света. И полная анархия. Опасные слышал высказывания…

– Глупости. – Усмехнулась Наталья Никаноровна, – Конец света ни с чем не перепутаешь. Поверьте, Никита Пахомович, Вы бы его точно узнали. А сейчас – банальная человеческая слабость. Потому и языки развязались. Они ж, поди, думают, все, бросили их. Верха, мол, уже убежали, оставили народ. Вот и трепят, что не попадя.

– Возможно. Но сейчас это, конечно… слов не подобрать. На мосту, где выезд на Энтузиастов, произошел затор… Так они, вместо того, чтобы спихнуть с моста застрявшие грузовики и ликвидировать пробку, бросались захватывать в них места. – Тихонов удручённо покачала головой, – Те, кто сидел на грузовиках, отчаянно дрались в ответ, били нападавших чемоданами по головам. Без преувеличения говорю. Атакующие лезли друг на друга, врывались в кузова и выбрасывали оттуда оборонявшихся, как мешки с картошкой. Только захватчики успевали усесться, только машины пытались тронуться, как на них бросалась следующая волна, желающих попасть в машины. Ей-богу, во время гражданской на фронте я такого массового «героизма» не наблюдал. Ладно, это простые люди. Но партийцы что творят… Те, кто должен быть сейчас примером.

В кабинете товарища Жданова обнаружены пять совершенно секретных пакетов. Кабинет открыт. Он просто бросил все это в свободном доступе. Заходи, бери, кто хочет. Ну, как так-то? Комнаты в организациях многие выглядят так, будто там ураган прошел. Теперь ещё встали трамваи и троллейбусы, перестало работать отопление. Постепенно начинается массовый грабеж магазинов и складов под лозунгом: «Не оставлять же немцам». Сам видел, пока к вам ехал. Отряды милиции не справляются. Товарищ Сталин уже, правда, отдал приказ немедленно возобновить в Москве движение транспорта, работу предприятий торговли и общепита, и, самое главное, медицинских учреждений. Знаете, что интересно? Когда ему доложили о

творящемся в городе, Иосиф Виссарионович ответил: «Ну, ничего… Я думал, хуже будет». Первый раз видел от него столь спокойную реакцию на полнейший бедлам. Ладно, не об этом речь. Сейчас уже все приводят в норму. Людей в том числе. Значит, по поводу вашей группы. Выдвигаетесь сейчас же. Вещи собраны?

– Конечно. – Лиза, которая в момент появления Тихонова, маячила за широкой чекистской спиной, тарелку с картошкой на стол водрузила ещё в начале его рассказа, а потом так и осталась стоять чуть в стороне.

– Хорошо. Выйдете из города через Волоколамское направление…

– Так там же… – Девчонка начала говорить, перебив Тихонова, но потом покосилась на меня и замолчала. Судя по всему, сочла лишним обсуждать распоряжение майора.

– Да. Там враг. Вам нужно попасть, условно говоря, в плен. Вы – Долгоруковы. Документы я привез. Старые, потёртые. Не поймёшь, что только сделали. Никаноровна скажет, мол, прятали все это время. Немцы не верят коммунистам, которые сдаются или даже, отбиваясь во время сражения, «случайно» оказываются в их руках. Вот в чем дело. Мы пытались, но это не работает. Относятся с подозрением. Они делают ставку на тех, кого советская власть сильно обидела. Если были репрессированные в семье, или сами в лагере отметились, так вообще хорошо. Уж в этом плане удачнее ваших личностей вряд ли найдешь. То есть, для вас они – спасители. Вот так. Большой плюс в том, что Фон Бок считает, будто с оккупированными территориями, а в частности с людьми на них, надо обращаться нормально. Не ради самих людей, естественно. Ради дисциплины в немецких войсках. При этом, славянские народы в его видении чуть ли не тупые аборигены. Так что, когда проберетесь к нему, заметьте, не «если», а «когда», на самом деле будет проще, чем с кем-то другим. Что нам нужно? Все данные о наступлении немецкой армии в направлении Москвы. Сейчас это – самый важный момент. Они верят, будто все, победа в кармане. Думают, нанесенные потери не дадут нам восстановиться. Разведка донесла, будто там, в Берлине идёт разговор о том, что между Фон Боком и Москвой чуть ли не чистое поле. Нам нужны точные данные, их стратегические намётки. Но по большому счету, все, что имеет значение. А значение сейчас имеет все. Ясно? Времени нет. Поэтому берете приготовленные вещи и уходите…

– Товарищ майор государственной безопасности, прошу разрешить участвовать в выполнении задания данной диверсионной группы. – Не знаю, что это было. Правда. Но я

вскочил с места, вытянулся в струнку и обратился к Тихонову, как положено. Просто… Да, книга. Да, моя жизнь. Хочу ее обратно. Но… Черт. Короче, не пойдет туда девчонка вдвоем с бабкой-демоном и все тут.

– Симонов, ты чего? – Никита Пахомович смотрел на меня впервые за все время, сколько я с ним пересекался по прихоти судьбы, с удивлением во взгляде. – Жар опять? Лихорадит?

– Товарищ майор, вы правильно отметили, они – Долгоруковы. Нет гарантий, что, оказавшись у немцев, не перебегут на сторону врага. Сами подумайте.

Со стороны девчонки раздался звук, похожий то ли на всхлип, то ли на истеричный смех. Я не поворачивался и не смотрел в этот момент на нее. Всем видом демонстрируя Никите Пахомовичу искренность своих намерений и рвение выполнить долг советского человека, настоящего чекиста. Мол, двигает мной лишь желание обезопасить нас от предательства со стороны бывших дворян, ибо, веры нет сейчас никому. Не говорить же настоящую причину, что меня тупо кроет волнение за одну блондинистую стервозную особу.

– Товарищ майор, если случится то, что я говорю, понимаете, сколь опасное оружие окажется у Фон Бока. – Смотрел по-прежнему лишь на Тихонова.

– Я думал об этом. Но… – майор покосился сначала на бабулю, потом на Лизоньку, но, видимо, решил, раз уж я говорю не скрываясь, то ему точно можно не просить посторонних удалиться. Как – то глупо это будет. – Есть некоторые рычаги давления.

Я вполне понимал, без определенного поводка сотрудник народного комиссариата, человек, имеющий отношений к государственной безопасности, знающий подноготную этих двух женщин, их в руки немцам не отпустил бы. Иначе сидел бы Тихонов не здесь, и работал бы не на Лубянке, а на тракторе в поле.

– Да ладно, Никита Пахомович. – Подала вдруг голос бабуля, – Рычаги сломать можно. Сам знаешь. Иваныч прав. Нам всем так спокойнее будет. А то вдруг служба и задание пойдут не так, как задумано, вовек не докажем, что не наша вина. Пусть с нами выдвигается. Оно, наверное, так правильно.

Поддержка Натальи Никаноровны в данном вопросе была очень неожиданной. Но с другой стороны, при том, что именно от нее поступило задание вернуть книгу, факт этой поддержки говорит лишь о том, все я правильно решил. Значит, и в самом деле, идёт процесс, как положено.

Только в этот момент глянул на Лизу. У нее было выражение

лица, будто единственное чувство, которое существует в душе блондиночки в мою сторону – ненависть и презрение. Ну, ясно. Оскорбленная гордость. Женский взгляд на происходящее. Вроде, после всего, что у нас было, я козел такой и скотина, продолжаю относится к ней не так, как должен. А как должен, интересно? Неужели за своими амбициями не видит, что я хочу помочь. Что реально опасаюсь отпускать ее одну. Вот правда говорят, судят все чувствами женщины. Голову включить то не судьба.

– Так… – Майор сомневался, это было заметно. – Иваныч, на тебя другой рассчет был.

– Так а вы пересчитайте… – Выдала Наталья Никаноровна, а потом, пристально глядя в глаза Тихонову, протянула ему свою чашку. – Отхлебните вот чайку. И пересчитайте. Иваныч пусть с Лизаветой вещи готовят. А мы с Вами посекретничаем немного. Обсудим кое-что.

Глава 13

Не знаю, о чем говорили майор и Наталья Никаноровна, это осталось тайной. Хотя, конечно, послушал бы чисто ради понимания ситуации. Тем более вышел Тихонов, несмотря на серьезное лицо, весьма довольный. Это было заметно по его глазам. Посмотрел на меня со значением, хлопнул по плечу, эта их чекистская манера проявлять хорошее расположение духа или поддержку, немного раздражала, так скоро в данном месте гематома образуется, а потом со словами: «Иваныч, назначаю тебя старшим», удалился восвояси. Очень интересно, но ничего не понятно. Чем уж там его бабуля так вдохновила? Да и потом, хорош руководитель группы, который вообще не в курсе дел. Или подразумевается, Наталья Никаноровна все пояснит?

Пока старшие по званию и возрасту, смотря о ком говорить, совещались, мы с Лизой разбрелись по квартире. Нет, сначала я, как адекватный человек, пытался с блондиночкой поговорить. В моем понимании, ситуация того требовала. Едва только вышли из комнаты, девчонка рванула в кухню. Постоял, подумал и двинулся за ней. Нужно выяснить все недопонимания. Но беседа не сложилась с первых же секунд.

– Чего ты бесишься? – Реально не мог понять ее заскоков. Ну, сказал про врагов, ок. Однако, если пораскинуть мозгом, можно ведь дотумкать, что так правильнее, лучше и безопаснее. Если сама не соображаешь, так спроси. Но нет. Мы не ищем лёгких путей. Проще закрыться, стать в позу, а потом изображать из себя оскорбленную невинность.

– Не нужно со мной разговаривать. А лучше вообще держаться подальше. – Лизонька взяла тазик, с грохотом закинула туда чистые, вообще-то, тарелки, налила воды из стоящего рядом ведра и принялась их намывать, изображая из себя то ли Золушку, то ли Мойдодыра.

– С чего бы? – Я честно пытался вести разговор двух взрослых людей.

– Зачем же тебе, настоящему советскому человеку, честному и порядочному, марать себя связью с недобитыми дворянами.

– Тьфу ты! Дура. – Сказал негромко, себе под нос. Не хватало, чтоб девчонка услышала. С нее станется швырнуть мокрую тарелку мне в голову. А я задолбался головой Иваныча различные предметы собирать. Так и дураком реально стать недолго.

Развернулся и вышел. Ясно, что ничего хорошего сейчас не

получится. Хрен с ней. Перебесится, потом поговорим.

Соответственно, в силу ярко выраженного нежелания блондиночки вести себя нормально, ждал финала совещания бабки-демона с Тихоновым прямо в коридоре. Девчонка громыхала посудой в кухне, похоже, планируя, превратить ее, эту несчастную посуду, в пример исключительной чистоты.

После ухода майора, дела пошли веселее. Наталья Никаноровна прикрикнула на Лизу, велев ей оставить утварь в покое и собирать приготовленные вещи в узел. Правда, увидев то, что они хотели с собой взять, я, мягко говоря, удивился.

– Платья? Нарядные платья? Туфли? Вы чего? Зима на подходе и мы не на курорты так-то отправляемся. Валенки, ушанка, тулуп – вот правильный набор.

– Иван… – Бабуля сурово свела брови, – Вот тебя конкретно об этом не спрашивают, ты и не лезь. Лизке надо будет выглядеть хорошо. Там, имею ввиду. Она же из проклятой советской действительности попадет в общество немецких офицеров. Естественно, не среди поля девка в них щеголять будет. Совсем уж нас за дур не держи. Но они нужны. Ясно? Красивая женщина способно на многое.

Перспективы, обрисованные Натальей Никаноровной радовали мало. А точнее, совсем не радовали. Это типа девчонка Мату Хари станет разыгрывать? С другой стороны, оно, конечно, понятно. Нет лучше способа залезть мужику в голову, чем возможность ее полностью задурить. Но от мысли, что Лизонька будет крутить задом под носом у левого товарища, было как-то не по себе. И это не считая того, что он, вообще-то, фашистский генерал. Возникло чувство подозрительно похожее на ревность. Вот ведь гадство. Нужно выкинуть всю эту дурь из головы. Сейчас главное благополучно оказаться в плену, но ключевой момент – правильно оказаться, получить необходимые сведения, вернуться и забрать книгу. Последние два пункта, кстати, выглядели гораздо более сложными, чем первый.

Пока Лиза складывала чемодан и вязала узел, больше двух поклаж бабка велела не делать, сама Наталья Никаноровна принялась посвещать меня в краткосрочной план действий.

– Значит так. По Волоколамскому выходим из Москвы. Там сейчас бои, в том направлении двигаемся, но объездными путями. Под пулями бегать не дело. Четырнадцатого числа взяли Калинин… ох… ты такого не знаешь… Тверь, по-современному если. Пока что его часть. Север ещё под контролем Красной армии. Но это ненадолго. Через два дня весь город заберут фашисты. Они быстро создадут свою администрацию из местных, куда нам бы надо устроиться под шумок. Поэтому, кровь из носа,

должны попасть туда, имею ввиду в Калинин, уже завтра, пока бои идут в пределах города. Все мероприятие будет выглядеть следующим образом. Мы с Лизкой сбежали из Москвы, пользуясь ситуацией в столице. Разброд, шатания и неразбериха. Учитывая нашу грустную жизнь и ненависть к советской власти, рванули не в сторону Куйбышева, куда все прут… Фу, забываю все время. Самара, то бишь. Хотя… – Бабка задумчиво почесала затылок, – Не нужны тебе эти сведения. Только путают. Назовешь Калинин Тверью, будет очень весело. Короче, в Куйбышев со всеми не поехали, наоборот, побежали к немцам, в надежде, что обогреют и приютят. А там, глядишь, вообще в Берлин рванем. Что мы, не княгини, разве? Вопрос – кто ты такой. Изначально твоего участия не планировалось, поэтому импровизирует на ходу. Так вот. Не будем изобретать велосипед. Тебя со специальным пакетом отправляет Тихонов. Вроде как, по вашим, чекистским делам. Пакет реальный. Будет буквально в ближайшее время, дела описанные в этом пакете тоже реальные. Немцам полезно получить левую информацию. Нам тоже на руку, мол, вот какие мы молодцы. Чекистам, конечно, один хрен теперь подполье организовывать, агенты, резидентура и так далее, но данные будут указаны не совсем верные. Поедем вместе отсюда. На выходе из города будет ждать машина. Но когда окажемся в Калинине, мы тебя с Лизкой немного покалечим. Напали исподтишка, сволочи белогвардейские. Притворялись всю дорогу жертвами, оказались волка́ми позорными.

Наталья Никаноровна сказала последнюю фразу и захихикала, как девочка на первом свидании. Ясно, что подобное выражение совсем не лепилось к смыслу ее речи, но чего уж так радоваться? Вообще складывалось впечатление, бабке – демону нравится вся эта шпионская суета. Она прям будто в свою струю попала.

– Машину угоним. С тобой, Иван, в комплекте, естественно. Ты – ценный приз. Сдадим с рук на руки немцам. В твоём случае несомненным плюсом является отсутствие большого опыта и послужного списка. Мол, на службу пришел прямо перед войной. Денёк – два, конечно, не обессудь, но тебе будет туго. Потом вскроется один интересный факт и станет не просто хорошо, а очень хорошо. Фашисты с твоей персоны пылинки сдувать начнут. Ну, а первый мордобой, естественно в отношении твоей морды, перетерпишь. Чай не маленький. К тому же, войну уже видел, хоть и в ином формате.

– Какой факт? – Я с подозрением уставился на бабку. Если что, идём к врагу в руки. Сюрпризов, тем более от нее, сильно не хотелось бы.

– Эээээ… нет. Не спрашивай. Сам знаешь… – Наталья Никаноровна погрозила мне пальцем.

– Да епте ж мать… Когда это кончится? Ваши тайны, секреты, недомолвки.

– Скоро, Иван. Очень скоро. Ты терпение имей. Тебе положено, вообще-то. Кто из нас снайпер, я или ты? Чему тебя в школе вашей специальной учили? Жди нужного момента. К тому же, смерти в глаза смотрел. Стыдно должно быть за такое нетерпение и суету.

– Стоп! – Я подался всем телом в сторону Никаноровны, которая сидела на своем излюбленном месте, за своим излюбленным столом, пока Лизонька вязала узлы. – Вы же говорили, Звезда Давида выбрала мою кандидатуру случайно, неожиданно. В момент нашего с Вами знакомства я был честный мент, а никак не тот, о ком вы говорите. Мысли, по вашему же утверждению, не читаете, только настроение. Откуда знаете мое прошлое?

– От верблюда. – Буркнула бабуля, явно не желая обсуждать эту тему.

– Ну, уж нет… Откуда знаете, что служил? Откуда знаете, кем служил? Ладно, это ещё могу допустить, типа, вы там в своем аду умеете прошлое смотреть или хрен его знает что. Но… про смерть…

Наталья Никаноровна упорно молчала, недовольно поджав губы. Внезапно, меня словно по голове добануло. Память резко кинула перед глазами картину. Лежу я на спине, смотрю прямо в небо. Рядом, дымящаяся машина, которая подорвалась на фугасе. Трое моих парней убиты, я знаю точно. А боевик-наемник, который поднимает оружие и целится мне в голову, вдруг, замирает. Глаза его становятся черные, словно зрачки расплылись почти за пределы радужки. Он стреляет, но в песок. Один раз, второй. Потом кричит своим, будто все кончено, последний русский добит, и уходит.

– Это Вы… – Я, не веря сам своим догадкам, посмотрел на бабулю, которая весьма сильно злилась на мое упрямство, – Вы не дали ему выстрелить. Я думал, наркота. Клинануло его. Хотя, умом понимал, бред. Не видел такого эффекта никогда. Да и сколь сильной не была бы «дурь», он все равно должен был меня убить. Но… как? Это случилось больше пяти лет назад. В смысле… если считать от моего времени. Вы же ещё не знали обо мне. Как вы могли вмешаться? Зачем?

– Так! Знаешь что! – Бабуля стукнула ладонью по столу. Меня, судя по настрою и тону, явно собирались послать на хрен со всеми вопросами.

Но в этот момент Лиза вынырнула из своей комнаты и сообщила, мол, все вещи готовы, прервав наш с Натальей Никаноровной волнительный разговор. Я замолчал, конечно, но для себя решил, обязательно вернусь к этой теме. Ибо при таком раскладе, чего-то плохо все складывается в логическую цепочку.

Буквально сразу в дверь квартиры пару раз стукнули, и на пороге обозначился Николай, который вручил мне тот самый секретный пакет, о котором говорила Наталья Никаноровна. Он же сообщил, где конкретно будет стоять машина. Но главное, я получил оружие.

– На, держи свой «браунинг». – Николай протянул мне пистолет с коричневой, «под дерево» рукояткой на которой была выбита небольшая звезда. – Вчера из отдела тебя забрали в состоянии полутрупа. Ясно, конечно. Товарищ майор даже наказывать на стал за безолаберность. Но сейчас он тебе будет нужен.

Я кивнул в знак благодарности, а потом забрал оружие и патроны, тоже имевшиеся в наличие. Еле дождался, когда водитель Тихонова выйдет из квартиры. Пакет отложил в сторону, открывать его все равно не имею права, да и сведения не для меня, а вот пистолет наоборот принялся крутить в руке, примеряясь.

Просто ирония судьбы какая-то. Это оружие я знал, что весьма было кстати во всех нынешних обстоятельствах. В Сирии показывал один наемник, канадец. Сказал, память об отце-полицейском, поэтому, всегда держит его при себе. Мол, в их стране этот пистолет чрезвычайно был популярен, и он его не только использует по прямому назначению, но и хранит, как талисман удачи. Канадец же тогда рассказал мне о «браунинге».

На полуавтоматической основе, стрелянная гильза выделяется, курок взводится, новый патрон отправляется прямиком в патронник. Выстрел производится обычным курковым механизмом. Когда в магазине заканчиваются заряды, подаватель передвигает створку затворной задержки кверху. Меняешь обойму, опускаешь рычаг вниз, и затвор досылает верхний заряд в патронник. Механизм спускового крючка блокируется до мгновения, пока оружие не будет перезаряжено. Защиту от случайного выстрела обеспечивает предохранитель, намертво блокирующий и механизм шептала, и затвор. Магазин помещается внутрь пистолетной рукоятки. Заряды располагаются в один ряд.

Можно поражать цели на отдалении до 500 м, а стрелять с рук – на 50 м. Перезаряжается быстро. Короче, воевать против немцев с ним, конечно, сложно, но тем не менее, вариант

отличный для личного пользования, независимо от целей, учитывая ещё и тот факт, что на дворе 1941. Хорошо, хоть не наган какой-нибудь. С этим оружием я вообще не знаком. Разобрался бы, конечно, однако канадец давал мне свой «браунинг» на пробу. Рука знает его. Очень, кстати, похожи между собой, тот и этот. Звезда только на рукояти – главное отличие.

В общем, получив все необходимое, мы оделись и вышли на улицу. Я тащил чемодан и достаточно громоздкий узел. Женщины двигались налегке. Я то и дело косился на Никаноровну, которая изображала лицо, типа, она вообще ни при чем. Эта ситуация, случившаяся в Сирии, не давала мне покоя. Бабка-демон спасла меня тогда. Сейчас был уверен в этом на сто процентов. Теперь очень хотелось узнать, как это вообще могло произойти. Но при Лизоньке сильно не разгуляешься с откровенностями. Приходилось терпеть.

В городе и правда, как говорил майор, творилась какая-то вакханалия. Но мы постарались обходить дворами. Столкнуться с мародерами не особо страшно. Решим. Однако, Никаноровна подгоняла нас. В ее голове был какой-то свой график, соответственно которому мы должны были оказаться рядом с немцами. Поэтому, задержек никаких допускать нельзя, а любое столкновение с обезумевшими от страха или безнаказанности людьми отнимет время. Соответственно, через город мы просто, по сути, очень быстро крались.

Автомобиль, как и сказал Николай, ждал нас в обозначенном месте. Не на виду, конечно. Это оказались старые склады, полуразрушенные и пустые. Машина была грузовой. Бабка радостно обозвал ее «полуторкой». Заверила, надёжный вариант. Точно доедем. Я забрался в кабину, изучил все управление, которое было в моем понимании, достаточно простым, а потом махнул рукой Наталье Никаноровне и Лизе, предлагая им садиться рядом.

– Ну… Что говориться, с богом… – Выдала вдруг бабка – демон, примостившись почти бок о бок со мной. Я посмотрел на нее, но промолчал. Хотя момент был странный. Слышать из ее уст того, кто, по идее, ей точно не друг. Или вообще тогда ни черта не понимаю в их системе.

Девчонка села с краю. Она очевидно избегала любых близких контактов. Нашла время для своих обид. Мы тронулись с места, направляясь к выезду из города.

Глава 14

– Wach auf, Schwein / пер. «Очнись, свинья»

Голос пробивался сквозь вату в ушах. Какого черта? Что за собачье гавкание? Мне в школе английский преподавали, так-то. Что за идиот орет на немецком? Неожиданно по лицу прилетел весьма ощутимый удар и я открыл глаза. Тут же потоком, будто вода из крана, вентиль которого резко повернули, хлынули воспоминания.

Сначала, как мы выехали из Москвы. Да уж. Эту поездку не забуду до самой смерти. Правда, такими темпами, боюсь, она, то бишь смерть, случится очень скоро.

Крайне увлекательный был аттракцион. Не потому что, будто в кинофильме про войну, пробивались под носом врага и пули свистели у нас над головой, а рядом рвались вражеские снаряды. Вовсе даже нет. Никаноровна вела наш скромный отряд из трёх человек такими «козьими тропами», что Сусанин удавился бы от зависти. Отвечаю. В какой-то момент заподозрил, не издевается ли бабка-демон в очередной раз. Такое чувство, что мы едем не к немцам, а от них. Причем туда, где нас вообще никогда никто не найдет. Это были даже не разбитые дороги, это просто была замёрзшая, превратившаяся в бесконечные колдобины грязь, по которой мы скакали, как пьяные туристы на аттракционах. По крайней мере, кидало обеих женщин по кабине с такой силой, что головой о потолок они ударились неисчислимое количество раз. Бабуля, каждый скачок на ухабе, падала мне на колени, весело хихикала и грозилась оторвать руки, ибо растут они, по ее заверению, из задницы. Мои, естественно, руки. Хотя, при чем тут я, совершенно не понятно. Навигатором работала она сама. Очень хреновым, между прочим, навигатором.

Правда, конечно, не могу не отметить, через поля, огороды и леса мы пробирались, ни разу не встретив ни чужих, ни своих. Это несомненный плюс. Похоже, Наталья Никаноровна знала, куда свернуть, чтоб избежать ненужных свидетелей нашего перемещения.

Я вообще сомневался, если честно, выдержит ли машина столь серьезное испытание на прочность, но грузовичок упорно пёр вперёд, выбираясь из таких оврагов, где на первый взгляд даже спецтехника не пройдет.

Несколько раз останавливались, чтоб размять ноги. Это было просто необходимо. Потому как мне периодически казалось, ещё

немного, и я выйду из машины, словно тот волк из «Ну, погоди!», Собравшись гармошкой и подпрыгивая при каждом шаге.

Наконец, ближе к обеду, вдалеке стали отчётливо слышны звуки взрывов и канонады.

– Все. Близко совсем. Скоро вот так, тайком, не сможем ехать. – Заявила Никаноровна. – Давай-ка, Иван, крайнюю остановку сделаем. Дух переведем. Теперь уже, того и гляди, окажемся в гуще событий.

Я заглушил автомобиль, а потом выбрался на улицу, потягиваясь. Все тело хрустело и ныло. Огляделся. Вокруг был голый лес, удручающий своим видом. Не люблю осень. Особенно вот такую. Когда грязь ещё не прошла, но уже слишком холодно, чтоб не ждать зимы.

Грохот, который слышался где-то за границей видимости, немного напрягал. Будь я один, чувствовал бы себя спокойнее. Плавали, знаем, как это выглядит и что происходит в моменты сражения. Пусть на мою долю пришелся более современный вариант боёв, не столь тяжёлый, как сейчас, в 1941, но война есть война, какую форму она бы не принимала. Присутствие же Лизоньки и бабули, лежало на моих плечах тяжёлым грузом. Ответственность, как ни крути. Я прекрасно понимал, долго пилить по бездорожью мы не сможем, рано или поздно выедем в опасную зону. Как говорила Никаноровна, бои за этот Калинин сейчас в разгаре, соответственно, попадём прямо в пекло.

– Что думаешь, Иван? – Бабка – демон тоже вылезла из кабины, обошла машину и приблизилась ко мне. Девчонка упрямо сидела внутри, ещё и отвернулась от нас. Она до сих пор не перебесилась. По-прежнему, видимо, считала меня редкостной скотиной.

– Думаю, как мы к немцам попадём, оставшись при этом живыми? Подъедем со стороны наших, хорошо. Я, соответственно, передам пакет. И? Ладно, мне дадут возможность принять участие в бою. Даже быстрее с огромным удовольствием отправят. Так понимаю, ситуация тяжёлая. Тут каждый солдат на вес золота. Но вам… очень сомневаюсь. А оказаться по ту сторону мы должны вместе. Так ведь?

– Так. Верно говоришь. Поэтому… есть план. Но все должно быть натурально. Ты… это… прости, если чё… – Выдала бессвязную речь Наталья Никаноровна. Потом сделала ещё один шаг ко мне, глядя при этом с доброй улыбкой, и вдруг со всей дури, резко, в момент когда я точно подвоха не ожидал, а уж тем более подобной прыти от старушки, засадила самым лучшим хуком, который когда-либо видел. Естественно, эффект был мгновенный. Я тут же вырубился, не успев даже выматериться.

Судя по всему, без сознания был достаточно долго. Иначе, как объяснить, что в данный момент нахожусь вовсе не в лесу, а в комнате, со связанными за спиной руками, сидя на стуле, и, если прислушаться к ощущениям, с разбитой вхлам рожей. По крайней мере, один глаз видит точно с трудом. Челюсть болит ужасно. Голова гудит, будто по ней очень долго били. Твою мать. Опять голова. Знал бы, что дед так часто по башке отхватывал, относился бы к его закидонам с бóльшим пониманием. Хотя, опять же, может раньше и не было всего этого. Может, адреналин вкупе с опасными приключениями принес в его жизнь именно я.

– Endlich ist das Vieh aufgewacht! / перев. Очнулся, наконец, скотина.

Попытался сфокусироваться на обладателе мужского голоса, упорно говорящего на немецком. Естественно, при абсолютном незнании, я все равно точно понимал, это именно немецкий. Его сложно перепутать с каким-то другим языком. Он всегда казался мне очень грубым.

Рядом, почти прямо передо мной, стоял мужик в форме, явно принадлежавшей не советской армии. Тут даже не надо быть сильно соображающим специалистом, чтоб понять, задумка Натальи Никаноровны удалась, и мы у фашистов. Точнее, я. Ни бабули, ни Лизы поблизости не было. Это, конечно хорошо. Но с другой стороны, не мешало бы знать, где они и что с ними. Я, похоже, в том самом плену, куда и должен был попасть.

Когда данное мероприятие закончится, искренне надеюсь, положительным результатом, первое что сделаю, набью Наталье Никаноровне физиономию. Да, внешне это – старушка на последнем издыхании, но теперь, после ее подлого удара, точно могу сказать, силы у бабки – демона, на четверых хватит. Как ещё челюсть на месте осталась. Хотя… Я осторожно попробовал двинуть ее в одну сторону, а потом в другую. Моментально пронзило болью. К тому же, не зависимо от моего на то желания, закрыть до конца я ее не мог, да ещё бежала слюна. Сломана. Не знаю, правда, кем. Бабкой или стоящим передо мной фрицем. Но Никаноровне обязательно дам в морду. Чтоб больше не творила такого беспредела. Неужели нельзя было просто договориться и сделать все по плану. Достоверность ей понадобилась. Станиславский, твою мать, нашелся.

Судя по всему, она сознательно и целенаправленно вырубила меня там, в лесу. Просто так, в своей привычной манере, усыпить не могла, не действуют их эти штуки на нас с Иванычем. Да и странно бы выглядело, прорвись они к немцам с пребывающем в объятиях Морфея чекистом. Не Спящую ведь красавицу привезли. Тут подошла бы только история про клофелинщиц, которые

обманом забрались в машину, а потом обработали парня. Правда, боюсь, в подобный бред немцы вряд ли бы поверили. Да и времена ещё не те. Фашисты – Сволочи, конечно, и враги, но не идиоты. А так… Интересно, в какой версии Никаноровна преподнесла наше совместное появление? Все же, по внешнему виду очень маловероятно предположить, будто в честной драке эта старушка завалила бы молодого пацана. Ещё более интересно, как они с Лизой все же ухитрились оказаться у фрицев.

– Willst du ein Schwein sprechen? / перев. Будешь говорить, свинья? /– Снова «загавкал» немецкий офицер.

Я, конечно, в их знаках отличия не разбираюсь, но уж точно он не был рядовым.

– Вот ты дебил. В душе понятия не имею, что от меня хочешь. Не знаю немецкого. Понял? Ферштейн? – Язык ворочался с трудом из-за сломанной челюсти, слова еле – еле получалось произносить.

– Он не дебил. – Раздался вдруг из угла помещения, где мы находились, приятный женский голос. – Он позаботился о переводчике. Но ты был без сознания. Мало ли, вдруг знаешь немецкий. Всё-таки язык Гёте последние годы стоял в обязательной школьной программе для всех. Поэтому начал задавать вопросы сам.

Я осторожно повернул голову. Действительно. Женщина. Форма на ней тоже немецкая, только вместо штанов – юбка. Красивая девка. Не симпатичная, не приятная. Именно красивая. Глаза – зеленые, шаловливые. Профиль тонкий, аристократический. Брови… как там в книжках писали раньше… соболиные, но при этом, смотрятся, будто их только что мастер обработал. В общем, дамочку эту, встреться мы в моем настоящем, точно мимо не пропустил бы. Да ещё взгляд такой, уверенный. Слегка даже насмешливый. Женщины, подобные ей, знают себе цену и общение с ними всегда крайне занимательный процесс.

– Тебя зовут Иван. Верно? – Красотка оторвалась от стены, которую подпирала, и подошла ближе ко мне. Немец чуть отодвинулся, вопросительно глядя на переводчицу. Уже очевидно, это и есть ее назначение. Служить способом общения между мной и фрицем.

– Может и так. Где мы? – Да ешкин ты кот. Как же тяжело говорить.

– Нет, неправильно понимаешь ситуацию. Вопросы здесь задаю я. Вернее он. – Девка кивнула в сторону фрица.

Если бы не состояние, засмеялся бы, ей-богу. От этой дебильной фразы.

Честно говоря, будучи ещё не в метовке, особенно во время первой командировки, думал, как поступлю, если возникнет угроза оказаться в руках врага. Естественно, осмыслял подобный вариант. Допросы, пытки, что там ещё. Нет. Точно тогда решил, не допущу. Лучше сразу, на месте. Потому как, по мне, надо иметь сумасшедшую уверенность в себе и своих силах, чтоб думать, будто все выдержишь. Я вот никогда не был в этом уверен. Поэтому, чем рисковать крепостью духа, большой вопрос, есть ли он, гораздо разумнее сразу, как говорится, использовать ту самую гранату. Может, это разновидность трусости. Не знаю. Но героического в том, чтоб попасть к врагу, а потом, к примеру, пройти, сцепив зубы, сквозь пытки, тоже не вижу. По мне, наоборот, лучше сделать все, что в твоих силах, но не сдаться.

А вот теперь, выпал шанс, которого я совсем не хотел и не искал. Проверить, есть ли оно во мне, это мужество и эта крепость духа. Просто самое смешное, а даже в этой ситуации, реально есть смешное, при всем желании, если все-таки сломаюсь, чего бы сильно не хотелось, мне и сказать то нечего. Я ж не знаю ни черта.

От этой мысли засмеялся вслух. Правда. Ну, как засмеялся, издал звуки похожие на карканье недобитого во́рона. Черт. Какая же тварь все таки, сломала челюсть? Бабуля или фашисты успели. Так вроде с момента после удара Никаноровны, как вырубился там, в лесу, в себя не приходил. Бессознательное тело, что ли, лупили? Но глаз, опять же, затек. Вижу плохо.

– Повторяю, тебя зовут Иван? – Красотка слегка наклонилась ближе, внимательно разглядывая мою разбитую рожу.

– Ну, Иван. Да.

– Ты ехал с определенной целью. При тебе был пакет… – Продолжить расспросы она не успела, я перебил дамочку совершенно беспардонным образом.

– Пакет, это ладно. Хрен с ним, с пакетом. При мне ещё были две особы. Вот за них хотелось бы знать. Не вида́ли случайно? Сильно хочется одной из них сломать, к примеру, нос.

Переводчица усмехнулась.

– Ты очень неправильно себя ведёшь, Иван.

– Слушай, сложно что ли ответить? Бабы мои где? Кстати, улыбка у тебя, закачаешься. При других обстоятельствах, обязательно тебя бы соблазнил своей неземной красотой и непомерным обаянием. Его просто сейчас не сильно заметно. Обаяние. Но поверь, парень я – просто огонь. – Черт. Похоже снова включилась азартная дурь. Как всегда, если полная задница, так она срабатывает неизменно.

Фриц, которому, видимо, надоело быть исключенным из

нашей беседы, что-то снова загавкал на немецком. Девка повернулась к нему, ответила, кстати, без особого почитания в голосе, а затем опять обратила внимание на меня.

– Хорошо. Я так понимаю, ты интересуешься Долгоруковыми. Княгиня и ее внучка сейчас находятся в гостях у генерала Фон Бока. Сведения, которыми они обладают, интересны немецкому командованию. Впрочем, как и их родословная. Предполагаю, ты хотел бы услышать что-то другое. Они же… как это у вас говорят… – Красотка буквально секунду думала, подбирая слова, – обвели тебя вокруг пальца. Да? Ох, ты и не знал, кого взял в попутчики? Женщины не представились. Так ведь? Рассказали печальную историю. Просили помощи. Ты, не смотря на важное поручение, пожалел старушку и девушку. А они тебе такой подарок преподнесли.

Слушал переводчицу в полуха. Главная информация получена. И Наталья Никаноровна, и Лиза живы – здоровы. Они добрались до цели. То, что эта дамочка мне сейчас прививает, похоже, история, рассказанная бабулей. Или Лизонькой. Не знаю. Скорее всего, все же бабка – демон за главную. Она настолько ушлая и хитрожопая, повернет все, как ей надо. Наивные фрицы. Не знают, кого приютили. Хорошо. Выберемся, обязательно расспрошу, как Никаноровна провернула все это. Меня вырубила, ладно. Вести машину самим много ума не надо. Но вот каким образом через линию боёв проскочила. Это, да. Это интересно.

– Иван, ты можешь избавить себя от неудобного положения. – Переводчица говорила с практически незаметным, очень лёгким акцентом. Обратил внимание только сейчас. После того, как она вспомнила поговорку. «У нас так говорят». Не у них. То есть, девка то не русская.

– Отличная идея. Только неудобное положение, это если поссать пошел, а штаны снять забыл. Я бы всю ситуацию, которая сейчас происходит, назвал совсем иначе.

Неожиданно Фриц, стоявший до этого спокойно, вдруг подскочил и наотмашь ударил меня по лицу. В глазах заискрило звёздами. С нижней губы потянулась слюна вперемешку с кровью. Но даже сплюнуть ее не мог.

– Твой тон не нравится господину обер – фельдфебелю. Он не понимает слов, но отлично понимает суть. – Красавица даже не поморщилась. Наоборот. Ее взгляд стал ещё более шаловливым. Да у нас тут, похоже, любительница ролевых игр.

– Бывает. Что надо от меня? – Пелена перед глазами стала чуть плотнее. Пришлось проморгаться.

– Пакет. Его содержимое. Информация достоверна?

Фриц с интересом слушал нашу беседу, переводя взгляд с

девки на меня и обратно.

– Вот не поверишь… Кстати, как тебя зовут, красавица?

Переводчица подошла ещё ближе, присела, чтоб ее глаза были на уровне моих.

– Изображаешь из себя героя? Советский солдат умирает, но не сдается? – Она склонила голову к плечу, рассматривая мое лицо, при этом в ее глазах я видел реально интерес. Сто пудов извращенка. Нет, я не против доминирования, но когда в роли хозяина выступаю сам. Вот эти замашки «Госпожи» нам, приличным мужикам, не интересны.

– Как зовут? Буду хоть знать, что за фея находилась рядом. – Азарт гулял в моей крови, как хорошее шампанское. Хотелось, вообще, запеть. Серьезно. Отчего-то росла уверенность, может, план Никаноровны и гениален, но сдается мне, кое – кого очень скоро убьют. Это не есть хорошо. Иваныч должен выжить. Где же тот чудесный факт, о котором твердила бабка-демон, и который заставит немцев облизывать, тьфу – тьфу, не дай бог, пленного со всех сторон. Хотя… Если процессом займётся эта дамочка, в принципе, я не против.

– Марта. – Переводчица все же ответила.

– Немка? Прямо по классике.

– Эстонка. Итак, я говорю господину обер-фельдфебелю, что он может задавать вопросы? И не только по поводу пакета. Да?

– Марта, звезда моя, знаешь, в чем прикол… а-а-а-а… ты, скорее всего, не знаешь ещё таких слов. Знаешь, в чем суть? Мне нечего сказать.

Красавица тяжело вздохнула, будто сетуя на мое упрямство, поднялась на ноги, а потом, снова загавкала в сторону немца, переговариваясь с ним о чем-то. Подозреваю, обо мне. Как говорили классики, сейчас нас будут бить. Может быть, даже ногами…

Глава 15

Я, конечно, искренне, всей душой, надеялся на то, что Иваныч должен выжить. По-любому должен. Теоретически ведь, так получается. По крайней мере, войну он прошел до конца в обеих реальностях. А 1945-й ещё ой, как далеко, соответственно, и с дедом ничего критичного произойти не должно. С моей стороны пока что никаких радикальных поступков не случилось, которые могли бы данный факт изменить. Научены горьким опытом. То, что я решил отправиться вместе с бабулей и Лизой, сама же Никаноровна поддержала, а у этой хитрожопой дамы не голова, а дом советов. Точнее у того, кто сидит внутри ее тела.

Я, например, только сейчас понимаю, отчего так упорно не хотел верить в мистику. Наверное, если бы оба демона явились мне в пламени ада, имея соответствующий вид, раскидываясь направо-налево чудесами, это было быстрее принято бы моим мозгом. Передо мной же предстали обычные люди. Ну, да, то исчезают, то появляются, и все. Значительно позже я осознал, сколь на самом деле опасна бабка-демон. Как и то, что дьявольские существа, настоящее зло во плоти – это не спецэффекты Голливуда. Они, как раз, вообще не отличимы от нас, людей. Тем и страшнее, на самом деле.

Соответственно, если Наталья Никаноровна, по своим причинам желающая вернуть все события прошлого назад, поддержала мое решение, значит, все нормально.

Однако, как бы я себя не успокаивал, поведение немца, сильно напрягало и вызывало опасение за здоровье Иваныча. Неужели нельзя было закинуть в другое тело хотя бы на этот раз? Чтоб я не парился о сохранности деда?

Однозначно, фашист считает меня источником информации. Это логично, учитывая форму НКВД и пакет с секретными данными, о которых, кстати, не имею ни малейшего представления. В понимании немца, не простой солдат попал в руки. Естественно, из меня выжмут все, что возможно.

Я плохо помнил в подробностях истории о том, как вели себя немцы с советскими пленными. Опять же, отталкивался больше от фильмов. Хотя некоторые имена забыть, конечно, сложно. Ту же Зою Космодемьянскую. Все – таки, даже при моей ограниченной осведомленности, сложно не догадаться, что обращение с врагом здесь совсем не такое, как в той же Сирии, к примеру. Да и особо там наши не попадали в плен, если честно.

Там война выглядела другой, не такой, как здесь. Поэтому думать, что я в этой теме тертый калач, будет ошибкой.

В Сирии все мы прекрасно понимали, с кем идёт противостояние на самом деле. Уж точно эта их сирийская оппозиция, под видом которой скрывались самые обычные боевики и террористы, далеко не играла решающую роль.

При этом, к американцам, тем, которые по сути и были главным соперником, честно говоря, в большей мере мы относились снисходительно, пользуясь каждой возможностью ткнуть их носом в дерьмо. Как говорил всем известный Дядя Миша, «ну, они и тупые». Вот так мы видели «пиндосов».

Помнится, вернувшись домой, завязав с СОБРом, после того, как устроился в ментовку и похоронил деда, решил хотя бы неделю тупо отдохнуть. Как-то все сошлось в одно: Петька с его предательством, Иваныч, который дождался меня, чтоб потом уйти насовсем, чуть ли не на второй день после нашей встречи, да и просто какая-то усталость. Взял с собой девчонку, на тот момент гревшую мое одинокое сердце, и погнал с ней на Байкал.

Особа была весьма привлекательной. Она имела два несомненных достоинства – классную задницу, которой позавидовала бы Джей Ло, и маленький, не отягощенный проблемами мозг. В то время мне вообще не хотелось серьезных отношений или чего-то подобного. Поэтому глупенькая, но красивая девочка была как нельзя кстати. Заграница мне не светила ещё достаточное количество времени из-за предыдущей работы, но мы люди не привередливые, хотелось просто выпасть на некоторое время из жизни, чтоб потом приступить к службе в Уголовном розыске. Без этих буржуйских пляжей с морями нам вполне даже было отлично.

В какой-то из дней мы сидели в ресторане и мое внимание привлек мужчина, приблизительно ровесник, лет тридцати с небольшим. Он сильно выделялся из всех посетителей тем, что разглядывал окружающую действительность широко открытыми глазами с выражением огромного интереса. Как-то сразу было понятно, товарищ не наш. Подозрение это подтвердилось, когда на очень плохом русском языке он попытался расспросить официанта, куда можно отправиться, чтоб увидеть красоту Байкала во всем ее великолепии. Пацан, то ли работал недавно, то ли просто сильно умом не отличался, потому таращил глаза и мычал что-то невразумительное в ответ. Бедный мужик почти десять минут объяснял ему, что хотел бы узнать, где найти лучшие туры по окрестностям. В итоге, я решил вмешаться. Английский знаю хорошо, да к тому же моя спутница, страдая чрезмерным человеколюбием, хотя думаю, там быстрее дело в

желании познакомится с иностранцем, настоятельно просила помочь бедолаге.

В общем, состоялось знакомство с парнем по имени Джонатан, который оказался туристом из Штатов. Но интереснее всего стал тот факт, что он был военным, оставившим службу не так давно. Я своей биографии не светил, естественно, а вот парня мне было интересно послушать. Мы с девочкой Таней, даже имя ее запомнил, придвинули наш стол к столу нового знакомого, заказали ещё еды, выпивки, и продолжили общение. При всей своей глупости, как ни странно, английский Танечка знала хорошо. Наверное, по роликам в соцсетях выучила.

По ходу беседы выяснилось, что Джонни, а он, решив, раз мы теперь друзья, попросил так его называть, приехал в Россию с определенной целью. Парень воевал в Сирии, в этом месте я чуть не подавился куском мяса, которым закусывал только что выпитую рюмку водки. Американцу, кстати, тоже подливал. Объяснил, что познавать Русь-матушку нужно обязательно под сопровождение «беленькой». Так вот, насмотревшись на русских в Сирии, Джонатан захотел узнать, что это за страна, в которой рождаются столь удивительные люди. Дословно вот так звучали его слова. Слышать их от бывшего военного Штатов было очень странно.

– Что ты имеешь ввиду? – Я уже пристроился рядом с ним, изображая из себя друга, товарища и брата. Бывает такое в путешествиях со случайными людьми при знакомстве на отдыхе.

– Столкнулся с русскими впервые в Сирии. Слышал разное о них прежде. Мой дядя попал на приход ваших войск в Сербию. Он считал русских совершенно безбашенными, но очень опасными. Так всегда и говорил, самое глупое, что можно придумать, это – воевать с русскими. Они делают это не за деньги, а из принципа. Тогда не до конца понимал, о чем он.

– Ого. А мы ещё в Сербии были? – Моя спутница окунула клубнику в сливки, ей принесли это блюдо, как дополнение к вину, а потом сунула ее в свой симпатичный ротик, пережевывая десерт. Хорошие девочки не пьют крепкие напитки, поэтому следом пошел бокал с игристым.

В этот момент я подумал, что иногда красота не совсем перекрывает отсутствие мозгов. Потому как, не знать о том, что произошло в 1999 немного, совсем чуть-чуть, но стыдно. Мне, к примеру, на тот момент исполнилось десять лет, однако, я помнил, как разговаривали отец с матерью, украдкой от ребенка, изучая новости по телевизору. Ещё помню реакцию деда. Мне велено было отнести ему свежей клубники, вот ведь совпадение, которую передали родители мамы.

Иваныч встретил внука в нарядной белой рубашке и парадном костюме. В то время я уже считал его человеком с превеликими заскоками, поэтому даже не стал уточнять, а что за праздник внезапно приключился. Дед сам взял банку с ягодами, потом положил руку мне на плечо и глядя прямо в глаза, сказал радостным тоном.

– Ванька, не загнулись мы! Не загнулись! Живы. Я уж думал все, нет больше великой страны, одно пепелище осталось. Но нет. Поднимаем голову-то.

Я тогда торопился к друзьям, которые ждали меня во дворе, а потому, о чем говорил Иваныч, вообще не понял, даже не придал значение. Смысл его слов, как и их огромный вес, который они имели для самого деда, пропустил через себя гораздо позже. Однако, как бы то ни было, о Сербии, конечно, знал. Точнее о Югославии.

Хотя бы общую информацию.

Американец, посмотрел на Танечку с лёгким недоумением. Он, похоже, удивился ее вопросу не меньше моего.

– Конечно. Ваши десантники сделали марш-бросок в 600 километров, добравшись до Приштины под носом у НАТО. В кратчайшие сроки они захватили все помещения аэропорта «Слатина». Молча, никого не поставив в известность. Сказать, что командование НАТО пребывало в шоке, это не сказать ничего. Генерал Уэсли Кларк приказал подчиненной ему британской бригаде захватить аэродром раньше русских, но когда те прибыли на место, их уже встречали ваши десантники. Получается, что британцы опоздали. Дядя рассказывал, будто взбешенный генерал Кларк требовал от генерала Джексона, который находился там, на месте, выбить русский батальон с территории аэропорта. Но Джексон не был дураком, он нашел в себе мужество не выполнить приказ вышестоящего командира, прямо ответив, что не желает начинать третью мировую войну. А сама ситуация была, конечно, из ряда вон для руководство НАТО. Дядя как раз находился в батальоне, который прибыл к аэропорту. Рассказывал, как это выглядело. Где-то на полчаса с лишним позже русских пришли англичане и в какой-то момент попытались своими бронемашинами оказать давление на посты, но ваши ребята просто проявляли героизм. Они не успели оборудовать даже окопы, просто нацелили гранатомет на британскую бронемашину и предупредили: еще один метр, и мы будем действовать. Мой дядя рассказывал это с такими эмоциями… Наверное, назову их восхищением.

– Ого… – Танечка взяла бокал, отпила шампанского и на этом ее интерес к иностранцу угас. А мой наоборот вырос.

– Говоришь, в Сирии воевал?

– Да. Знаешь, понял, что имел в виду дядя. Была ситуация… Так вышло, Штаты вроде выступают на стороне оппозиции. Мы должны были оказывать им помощь в борьбе за демократию. – Джонатан усмехнулся, покрутил вилку, которую держал в руке, потом налил себе и мне водки, – Не хочу ругать свою страну при посторонних. Поэтому на этом моменте не будем заострять внимания. Расскажу конкретный случай. Правительственные войска готовили главное наступление на Алеппо. Мы знали об этом, но оказались вместе с «долбаной» оппозицией в чертовом котле, и были отрезаны от основных сил. Короче нам пришлось выбираться из этого ада самостоятельно. Оказались там, где американских солдат быть не должно, а значит, ни в коем случае нельзя попадать в плен, иначе возникнут множество ненужных проблем. Поэтому мы с группой оппозиции приняли решение о прорыве.

День сразу не заладился, хочу сказать. Российская авиация неожиданно нанесла мощные удары по нашему району, где находилась наша группа, и следом последовала атака сирийской армии. Мы стали пробираться по знакомой территории, через разбитые дома, с трудом вышли к заброшенной военной базе. Насколько я помню, до этого дня здание пустовало, и это был последний проход, через который можно было выбраться из окружения.

Но как только мы приблизились к зданию, на нас просто обрушилась стена огня. Мне сначала показалось что стреляют практически ото всюду, мы просто не могли поднять голову. Я инстинктивно прыгнул за угол какого-то здания, и сквозь грохот автоматных очередей и разрыва подствольных гранат, услышал крик на русском: «Пиндосы, вот так встреча!» Кстати, скажи мне, как русский… Почему «Пиндосы»?

– Да бог его знает. – Я пожал плечами. – Оно как-то само сложилось.

– Понял. Ну, ладно. Просто было интересно. Так вот. Наш отряд рассредоточился за камнями и небольшими строениями, мы не хотели вести бой с русскими, по понятным вполне причинам. На мгновение бой стих. Наверное, русские тоже думали о том вести с нами бой или нет. Официально ведь мы не противники друг другу, наши страны не воюют. Однако, оставшиеся в живых бородачи из оппозиции после первой атаки, решили пострелять по зданию где находились русские, и бой возобновился с новой силой.

Возле меня рванул снаряд подствольного гранатомета, и если бы я не нырнул между двух камней, меня бы уже не было. Русские

долбили по нам все сильнее и сильнее. Я лежал и думал, они специально ждали нас? Как вообще они там оказались? Разведка, Спецназ? Кто они, чёрт возьми? Потому что их не должно было там быть. Понимаешь? И мы не знали, что пойдем этой дорогой.

Из наших были ранены только двое, а бородачей почти всех положили. Будто, специально выцеливали только их, а нас особо не трогали. После небольшой заминки, мы попытались перегруппироваться и выйти из боя, встреча с русскими нас абсолютно не устраивала. С тыла уже наступали сирийцы, поэтому мы решили обойти проклятую базу слева. Когда почти обошли здание, мне прилетел привет от русского снайпера в плечо. От боли я мгновенно потерял сознание и сдулся как воздушный шарик. Хорошо, что сослуживцы не бросили, вытащили.

Потом, в госпитале, мне объяснили, это был русский снайпер, который просто решил оставить мне прощальный привет. Я сначала не осознал этого, но когда сел, подумал… Прекрасно помню, как он убивал бородачей точно в голову, поэтому думать о том, будто он промахнулся, не приходится. На самом деле, снайпер просто словно поставил такую метку, с намеком. Знай, я мог тебя убить, но не стал. И ещё знай, что в следующий раз могу сделать все, как положено.

Джонатан выпил водки, поморщился, но тут же ухватил протянутый мной маринованный огурчик.

– Ух… Как вы ее пьете? В общем, потом произошел ещё один случай, свидетелем которого я стал. Был бой. Уже в другом месте и при других обстоятельствах. Один из русских пытался перебежать дорогу, но снайпер попал ему в ногу, а до двора, в котором этот русский мог укрыться, оставалось метров 10, не больше. Но он упал и бежать уже не мог… Но продолжил ползти ко входу в этот дворик. И мы со своей позиции смотрели, думали, он хочет попасть в укрытие. Спасает свою жизнь. Снайпер тут же ранил его второй раз, а когда русский почти подполз к забору, в третий раз. То ли в грудь, то ли в живот. Точно не скажу. И только тогда я понял что происходит. Он полз к своему раненому другу. Просто сразу мы его не заметили. И дополз все-таки. Несмотря на все свои собственные ранения, поступил героически – смог затащить своего напарника в дом. Представь, он ползет, а за ним волочится рука, в которую его самого ранили. Представляешь, дополз до второго раненного русского, привязал его ремнем к себе и затащил в этот двор. Знаешь, в тот момент я точно понимал одно, вряд ли кто-то из моих товарищей поступил бы так же.

Эти события изменили очень многое во мне самом. Я такого

никогда не видел. И никогда не забуду эту картинку, он ползет, отталкивается ногами, раненная рука волочится, и за ним остается кровавая полоса, такой тонкой кривой линией.

– Мальчики, давайте какую-то тему повеселее. – Заканючила сидящая рядом Танечка. Естественно, все это было ей не интересно. Далеко. Девочка, которая выросла на социальных сетях и новомодных инстадивах. Тему мы сменили. Заговорили о всевозможных местах, которые Джонатан мог бы посмотреть.

Но я, вернувшись в номер, потом не мог заснуть. Лежал и думал. Вспоминал. Конечно, мне было понятно, зачем тот снайпер выстрелил американцу в плечо. Более того, знал это наверняка. Потому что выстрел был мой. Охренеть, какое совпадение, встретиться нам при столь удивительных обстоятельствах в России. И да, Джонни прав. Показательное выступление. Широкий жест с моей стороны. В то время я думал, как классно выглядел этот поступок. Крутой поступок, крутой профессионал. Могу себе позволить.

А вот сейчас, глядя на фрица, в 1941 году, осознал нечто очень важное. Там, в Сирии, был не враг, а так, пародия. Совсем другое дело сейчас. Фашист, собирающийся меня пытать, а это ясно, как божий день, вот он – настоящий враг. Потому что у него нет ненависти или других эмоций ко мне. Я для него вообще не человек. Он морщится не от каких то сомнений или мыслей. Он морщится, потому что брезгует. Ему придется «испачкать» руки о того, кто вообще на уровне упрямого животного, не желающего признать его право победителя.

Глава 16

Момент для воспоминаний, тем более какого-то глубокого осмысления был, конечно, не подходящий. Того и гляди голову открутят.

С другой стороны, упорно всплывали в сознании слова Натальи Никаноровны. Должно случится какое-то чудо. Плохо представляю, какое, ибо ещё хуже представляю, чем можно угомонить этого мудака в фашистской форме, который настойчиво хотел знать все, при том, что я не знал ничего.

Марта закончила свои переговоры с фрицем, тот вынул кожаные перчатки, а затем принялся натягивать их на руки, сильно напоминая своими действиями маньяка, планирующего разделать несговорчивого пленного на части. Прямо реально фильм ужасов про садиста. Причем, подозреваю, таков и был его план.

– Иван, у тебя последний шанс. – Девка снова переключила внимание на меня. – Я хочу помочь тебе избежать очень неприятных моментов Ты мне симпатичен. Хороший парень. Хороший человек. Видно же.

– Солнышко, я тебя прошу, давай оставим вот эту игру «плохой – хороший полицейский». Не заходит оно мне. Я симпатичен вам обоим так же, как свинья бегающая по деревенскому двору, которую надо заколоть. Но дело даже не в этом. Ничего не могу сказать. Если бы захотел, тоже не мог бы. Но и не хочется, честно говоря.

– Дурак. – Бросила переводчица, а потом отошла в сторону. Видимо, чтоб не испачкать одежду.

Я внутренне приготовился к самому худшему. Как назло в голову снова полезли обрывки воспоминаний про Зою Космодемьянскую и «Молодую гвардию». Читали в школе. Так вот им, например, мало помогло то, что все они были хорошими людьми. Сказал бы свои умозаключения Марте, но боюсь, ее это вряд ли проймет.

На самом деле, страшнее боли – ожидание. Так всегда. Уже началось бы, что ли. Пытки, значит пытки.

Однако, узнать степень крепости своего духа мне не пришлось. К счастью, наверное. Не знаю, как потом жить в случае, если этой крепостью и не пахло бы.

Дверь помещения, где мы находились, а это была какая-то комната с голыми стенами и полом, застланым соломой,

распахнулась, чуть не слетев с петель, а затем наша компания стала больше на одного человека.

– Генрих Эдуардович… Вот это внезапный поворот. – Не удержался, высказался вслух. Потому как реально офигел от того, что это и вправду был Мацкевич собственной персоной. Увидеть его я ожидал в самую последнюю очередь.

Тот же, пробежав по мне жадным, оценивающим взглядом, похоже, примерялся, как сильно покалечили Иваныча, сразу метнулся к Фрицу и быстро залопотал что-то на немецком языке. Мой здоровый относительно вид, не смотря на синяки и сломанную челюсть, Генриха явно успокоил.

Фашисту, в свою очередь, вторжение явно не пришлось по душе. Он отрывисто гавкнул несколько фраз, однако, Мацкевич настаивал на своем, повторяя одно и тоже, как попугай.

Переводчица пару раз посмотрела в мою сторону с выражением крайнего удивления на лице, будто не верила, что речь идёт обо мне. Интересно, чего они там обсуждают, сволочи?

Появление Генриха вело к разным последствиям. С одной стороны, может, он прибежал лично участвовать в пытках. Все же мы с ним, мягко говоря, совсем не друзья. Вдруг мужик решил отыграться за свой детский сон и разбитые надежды, когда бабуля вытащила Иваныча у него из-под носа. С другой стороны, с данным индивидом мы виделись полгода назад при определенных обстоятельствах. Интересовала его книга. И ведь он не знает, что та уже давно у чекистов. Это огромный плюс. Если Мацкевич надеется все-таки заполучить желаемое, вполне может посодействовать моему, хотя бы временному, благополучию.

Как бы то ни было, эта троица, Фриц, красотка Марта и психованный Генрих Эдуардович, который, кстати, стал выглядеть ещё более странно, сильно напоминая сумасшедшего ученого, волосы дыбом, глаза навыкате, очень активно препирались друг с другом минут пять. Потом Мацкевич потряс пальцем перед лицом обер-фельдфебеля и выскочил из комнаты, громко хлопнув дверью. Не понял? Все? Чуда не будет?

Однако, фашист больше не рвался в бой со своими маниакальными желаниями. Наоборот, он принялся расхаживать по комнате, словно выжидая чего – то. Периодически останавливался, смотрел на меня, бормотал по немецки себе под нос, а затем снова принимался мерять шагами комнату.

– Марта, душа моя, можно немного конкретики? Вопросы откладываются? – Конечно, я был исключительно рад паузе, но не совсем понял, куда ускакал Генрих Эдуардович.

– Интересный ты человек, Иван. – Красотка даже тон немного сменила на более приятный. – Вроде бы молодой парень, чекист,

а ведёшь себя как-то странно. Будто и лет тебе больше, и в голове совсем не то, что у твоих товарищей.

– Много видела их? – Конечно, я понимал, о чем говорит дамочка, но не было ни сил, ни желания разыгрывать из себя коммуниста, который мыслит только о партии и советском народе. Что там ей кажется или мерещится, сейчас волновало мало. К тому же, состояние было удручающее. Голова вот-вот рассыпется на части, предварительно потеряв челюсть, которая вполне способна просто отвалиться.

– Достаточно насмотрелась. Ты не похож ни на кого. И это вызывает у меня ряд сомнений.

– Бывает. Я – особенный.

– Заметила. Раз уж ты внезапно оказался нужен генерал-фельдмаршалу. Интересно, зачем?

– Ну, это лучше тебе у него спросить. – Очень интересно. Речь идёт о генерале. Не тот ли это самый фон Бок.

Дверь снова отворилась и в комнату решительно вошёл Мацкевич. В руке у него была бумага, которую он чуть ли не сунул под нос фрицу. Тот ее внимательно изучил, раздражённо прищелкнул языком, а потом подошёл ко мне и принялся развязывать руки.

Я тут же заткнулся. Совершать столь благое дело не мешал.

Фриц снял верёвку, раздражённо откинул ее в сторону, посмотрел на меня, а потом что-то отрывисто сказал на своем родном языке. Что-то сильно смахивающее на мат, и покинул комнату.

– Есть у меня предчувствие, мы не прощаемся. Иван. – Марта произнесла мое имя с каким-то многозначительным ударением. Оно ей будто ужасно нравилось, именно по ощущениям на языке.

– Возможно. Надеюсь, следующая встреча произойдет при гораздо более приятных обстоятельствах. – В свете изменившейся ситуации можно побыть даже милым парнем.

Красотка покачала головой с улыбкой, не знаю уж, что она имела ввиду и чему тут можно радоваться, а потом вышла вслед за удалившиеся немцем.

– Так… что дальше? – Мы остались вдвоем с Мацкевичем, соответственно, кроме него мне больше и спросить-то некого.

– Идём. – Генрих Эдуардович направился было к двери, но я, поднявшись со стула, крякнул, а потом плюхнулся обратно. Ноги затекли, да и общее состояние оставляло желать лучшего.

Мацкевич оглянулся, а затем вернулся обратно ко мне. Подставил плечо, помогая встать. Далее мы двигались, как настоящие боевые товарищи. Он шел рядом, закинув себе на шею мою руку. Очень хотелось пошутить, что жизнь крайне

неожиданная штука. Кто бы мог подумать, будто мы окажемся в ситуации, когда этот человек практически потащит меня на себе. Но промолчал. Пока ещё не понятно что, к чему. А то, как освободили из этой милой комнаты, так и обратно могут засунуть.

– Генрих Эдуардович, Вы то какими судьбами здесь? – Мне на самом деле было интересно. А ещё вспомнились слова Натальи Никаноровны о том, что Мацкевичу ещё предстоит сыграть важную роль во всей этой истории. И вот как выходит, бабуля снова попала в точку. Несомненно, сейчас этому гражданину я обязан сменой дислокации. Если бы тогда, в старом доме, мне все же удалось избавиться от него, не понятно, как все сложилось бы в данный момент.

Генрих ничего не ответил. Хотя, пока мы шли, еле слышно бормотал себе под нос что-то невнятное, наподобие детской считалочки. Слов разобрать не получалось, даже несмотря на нашу удивительную близость. Но по ритмичности этих бормотаний, можно было понять, он будто стишок читает.

Вообще, конечно, мужик выглядел не вполне адекватным, это факт. Видимо то безумие, о котором говорила Наталья Никаноровна, прогрессировало все время. Вот тебе и книжечка. А что получил Генрих взамен? Да ни черта.

Мы вышли из здания на улицу. Вечерело, и учитывая время года, уже было темно. По двору сновали немцы, чуть в стороне от входа стояли несколько мотоциклов с люлькой. Чудно́ видеть этот транспорт. Последний раз встречал нечто подобное в деревне. Лет двадцать назад. Само строение, в котором меня держали, напоминало какое-то казённое заведение, типа отдела милиции или в таком роде.

Наше появление особо ажиотажа не вызвало. Пара фрицев глянули мельком, но, похоже, просто так никто левый тут бродить не может. Да и Мацкевича они будто знали, потому как на лицах отчётливо читалось узнавание. Генрих Эдуардович, выходит, личность тут популярная.

– Не то, чтоб капризничаю, но один вопрос. Далеко нам? Сами то Вы в теплом, а на мне только форма.

На улице и правда было холодно. Ощутимо холодно.

– Сейчас уже придем. – Ответил коротко Мацкевич и свернул за угол здания, из которого мы вышли. Я, естественно, продолжая телепаться на его плече, двигался по той же траектории.

Прямо перед нами оказался высокий дом. Этаж в нем наблюдался один, но само по себе строение напоминало этакий боярский терем. Даже ставни на окнах были резные. Мацкевич направился ко входу в это жилище. Открыл дверь, впихнул меня

внутрь, через порог в обнимку мы бы не прошли, а потом снова взял под опеку.

Честно говоря, совсем не удивился, когда из дальней комнаты появилась Наталья Никаноровна. Вид она имела очень даже бодрый и довольный. На старушке имелся в наличие очередной костюм, пиджачок с карманами и длинная юбка, но зато теперь на ее шее висела лиса. Реально. Шкура лисы с лампами и мордой.

– А вот и Иван. – Бабуля отреагировала так, словно мы только недавно расстались и я не в казематах каких-то был, а чисто за хлебушком отлучился. – Видишь, даже за один день управились. Веди его сюда, Генрих Эдуардович.

Мой сопровождающий послушно направился в сторону, куда указывала Наталья Никаноровна. В итоге, мы оказались в комнате, сильно напоминающий люкс отеля в антураже древней Руси.

Посередине стояла огромная, королевских размеров кровать со столбиками и балдахином. Серьезно. В углу помещения виднелось не менее громоздкое трюмо с зеркалом в резной оправе. Рядом – шкаф, который можно использовать, как однокомнатную квартиру. Заходи – живи. Не представляю, сколько вещей туда можно впихнуть. Ещё дальше – два кресла с изогнутыми, украшенными львиными головами ручками. На полу – ковер. Здоровенный, ворсистый, темного цвета. Как апофеоз – высокая складная ширма, из-за которой торчал кусок ванной. Причем, судя по всему, размеры этой громадины соответствовали двум современным.

– Смотрю, Вы нигде не пропадете. В Москве апартаменты захапали. И здесь тоже не бедствуете.

– Люблю жить хорошо. Что поделаешь. – Бабуля указала Мацкевичу на одно из кресел, куда меня торжественно водрузили. Кстати, оно тоже значительно отличалось от стандартов, и в него, при желании, село бы ещё двое таких же, как я. Сам Генрих Эдуардович остался на ногах, только отошёл в сторону, ближе к окну, закрытому тяжёлыми гардинами с золоченым рисунком по темно-бордовому полю.

– Ну. Он цел, как видите. – Его слова предназначались бабуле, которая теперь стояла прямо напротив меня, изучая следы на моём же лице.

– Вижу. Цел. Но прийти в себя парню нужно. Иван… Так вышло… Совершенно случайно, оказавшись в гостях у господина фон Бока…

– Генерал-фельдмаршала… – На автомате поправил старушку.

– Ну, тебе он, может, и генерал, а для меня – господин. Пожилой женщине можно допускать вольности. Так вот. Сразу же встретились с Генрихом Эдуардовичем. Совершенно случайно. Нам, видишь ли, доводилось видеться в Москве пару раз.

Судя по словам бабули, Мацкевич ни сном, ни духом, что его драгоценный демон, которого он так хотел найти, сидит в Наталье Никаноровне. Потому как взгляд этого товарища был совершенно потерянный и на старушку с лисицей на шее, он смотрел исключительно, как на знакомого человека. Правда, не могу представить, где они встречались. И по какому поводу. В столице Никаноровна уже была сотрудником 13-го отдела. А Генрих бегал по городу в поисках книги и Иваныча.

– Совесть меня, знаешь ли, замучала. – Выдала бабка-демон. На эту фразу отреагировали мы оба, и я, и Мацкевич. У меня вырвался смешок, у Генриха просто глаза стали ещё круглее, хотя казалось бы, куда уж больше.

– А что такое, Наталья Никаноровна? С чего бы подобные странности? – Я даже не пытался скрывать сарказм.

– Ну, ты же понимаешь, нам нужно было прорваться сюда, к освободительной армии великого Вермахта. – Бабуля на долю секунды покосилась в сторону Генриха Эдуардовича, намекая мне, что данная пафосная фраза для него же, собственно говоря, и предназначена. Видимо, чтоб я ничего лишнего не ляпнул. – Пришлось воспользоваться твоей доверчивостью. Мы с Елизаветой очень благодарны, что ты подобрал нас на дороге. Помог. Даже удивительно было встретить такого парня в такой форме. Неиспорченного ещё.

Наталья Никаноровна несла полную ахинею, но так понимаю, это была официальная версия нашего знакомства. Выходит, я типа ехал в Калинин с секретными пакетом и посадил к себе в машину двух малознакомых женщин. Да уж. Выполнение секретного задания – уровень «бог». Хотя, если сделать скидку на возраст, малый опыт, то, может, и прокатывает.

– Ты уж извини, что мы в качестве благодарности так с тобой поступили. – Бабуля скромно опустила взгляд, всем своим видом демонстрируя раскаяние.

– То есть, вот это – Я сделал жест, обведя рукой вокруг лица и намекая на его состояние, – Ваша заслуга?

– Ну, ты пойми. Нам же надо было тебя как-то сделать недееспособным. – Наталья Никаноровна прижала ладони к груди, отчего лисица, висевшая на ее шее будто приподняла свою голову, уставившись на меня крупными бусинами, которые заменяли глаза.

– Ничего себе… Вы подошли к этому вопросу ответственно. –

Вот к месту вспомнишь поговорку, с такими друзьями врагов не надо.

– Давайте ближе к делу, – Подал голос Мацкевич. Он нервничал и переминался с ноги на ногу.

– Хорошо. Так вот. Когда тебя уже тут из машины то вытащили, Генрих Эдуардович случайно увидел и узнал. Расспросил меня, откуда ты взялся. И вот что выходит, Иван, наш добрый друг… – Бабуля посмотрела на Мацкевича. Я тоже. Выражение его лица быстрее ассоциировалось с любым другим словом, но уж точно не с тем, какое использовала Наталья Никаноровна. Дружбой там и не пахло. Однако, бабуля продолжила. – Ты должен что-то Генриху Эдуардовичу. Говорит, какая-то важная вещь, принадлежащая ему, оказалась у тебя. Так вот он согласился помочь в обмен на эту вещь. Даже фон Бока уговорил. Уж не знаю как.

Мы оба снова обратили свое внимание на Мацкевича. Тот от столь пристальных взглядов начал ещё активнее топтаться на месте. Очевидно, пояснять нам свою тактику с генералом этот тип не собирался. Хотя, предполагаю, все опять же сходится книге. Не вижу других причин, чтоб немецкий полководец, имеющий целью разгром советских войск, вдруг внезапно проявил душевную доброту и лояльность. Должна быть весомая причина, по которой он бы разрешил Генриху забрать меня из рук маньяка в перчатках.

– Так что, Иван? – Наталья Никаноповна буквально буравила меня взглядом. Она весьма красноречиво намекала на какой-то определенный ответ.

– Есть одна штука. Только ее оставил в Москве. Не таскать же с собой по полям. – Я постарался, чтоб голос звучал правдоподобно.

Мацкевич буквально расцвел, услышав желаемое. Даже волосы вроде прилегли обратно, а безумный блеск глаз стал чуть тише.

– Где она? – Он до ужаса напоминал мне в этот момент человека, который очень долго шел по пустыне, лишенный какой-либо влаги, а теперь ему сообщили, в каком направлении колодец. Такое чувство, что рванет в сторону столицы прямо сейчас. Пешком.

– Говорю же. Оставил в Москве. Припрятал надёжно. Чтоб вытащить из тайника, надо вернуться самому. Объяснять местонахождение и не могу, и не хочу. Расскажу, а меня он – Я кивнул на Генриха, опять фашистам сдаст. Поэтому, не обессудьте, но расклад такой. Я возвращаюсь в город, достаю необходимую вам, Генрих Эдуардович, вещь. Ну и все. На этом

история заканчивается обоюдным счастьем.

– Хитришь?! – Мацкевич вдруг резко сорвался с места и подскочил прямо ко мне, наклонившись при этом так, чтоб наши лица оказались на одном уровне. Настолько близко, что я мог рассмотреть, как пульсируют его зрачки. Честное слово. Они будто жили своей, самостоятельной жизнью, отдельно от всего организма. Я, конечно, не врач и даже не патологоанатом, но однозначно у старины Генриха очень большие проблемы со здоровьем.

– Нет. И… отойдите подальше. Вы меня нервируете. Своим странным поведением. – Мацкевич пару минут смотрел мне в глаза, а потом все же вернулся на исходную позицию. – Хочу гарантий. Поэтому, договор такой. Мне нужно неделю хотя бы, дабы прийти в норму, в таком виде не могу появиться. А афишировать свои каникулы в гостях у немецкого генерала вообще не планирую. Так понимаю, Калинин взяли целиком? Могу сослаться на то, что попал в мясорубку и так далее. Добирался пешком, туда-сюда. Обратно на машине с ветерком не явишься. К стенке тоже, знаете ли, не хочется. Вот уже на месте, в Москве, все отдам. Тайник только мне известен. Больше никому. Вам, Генрих Эдуардович нужна эта… вещь. – Не стал называть вслух, что именно за вещь. По легенде бабуля о ней не знает. – А мне нужна сохранность и целостность дорогого сердцу организма. Вот давайте договоримся. Я свои условия озвучил.

Мацкевич задумчиво принялся жевать губы. Книгу ему хотелось безумно, но и мне он, похоже, не сильно верил. А вот Наталья Никаноровна прямо посветлела лицом. Видимо, я все сказал верно.

– Хорошо. – Выдал, наконец, Мацкевич. – Тогда сделаем так. Несколько дней проведешь здесь. Пока немного части красной армии отойдут. Точнее, их остатки. Потом в Москву отправимся вместе. Я знаю, как пройти, не привлекая внимания.

Глава 17

– Ну, а теперь, Наталья Никаноровна, поговорим, наконец, откровенно. Так сказать, по душам. Без свидетелей. Очень внимательно слушаю Вас. – Едва Мацкевич вышел из дома, я решил не затягивать и использовать козырей. Пока ещё что-то не приключилось.

Тем более, не известно, на сколь долго Генрих Эдуардович покинул наше общество. Есть ощущение, от Иваныча этот товарищ вообще бы не отходил, если бы мог. Он смотрел на меня с безумным блеском в глазах и восторгом. Реально, будто тот самый персонаж из известной трилогии, который готов перегрызть горло любому ради кольца. Сейчас в роли золотой штуковины выступал я. Этот ненормальный, судя по всему, собирается бдить рядом двадцать четыре часа. Лишь бы не выпускать меня из поля зрения.

С горем пополам бабуля, которая тоже вполне понимала, что нам с ней надо переговорить наедине, выпроводила его за доктором, объяснив это все тем же чувством вины. Мол, спать не может, как ее совесть мучает. Практически покалечила спасшего их с внучкой парня. Как только за Мацкевичем закрылась входная дверь, я, собственно говоря, и задал сильно волнующий меня вопрос. Похоже, это было не совсем то, что Наталья Никаноровна планировала услышать.

– О чем речь, Ванечка? – Бабка-демон выглядела столь искренне, что не знай я ее в тех ситуациях, в которых уже успел узнать, ей-богу, поверил бы. Ещё дебильная лиса на шее. Так и казалось, что эта тварь сейчас поднимет свою башку.

– О наших планах, Наталья Никаноровна. – Ответил ей таким же «сюсюкающим» тоном. Разговаривает, как с дурачком, чесное слово. Ванечкой стал вдруг. Ты погляди.

– Так они известные, радость моя. Надо сведения получить, наивысшей секретности. Чтоб наша доблестная Красная Армия не только врага отбила, но и пошла в наступление. – Лицо у бабули даже как-то покруглело, пополнело. Стало такое… По-деревенски простое, словно румяный блин. И взгляд – сама честность.

– Вы, Наталья Никаноровна, это хрень можете прививать Тихонову. Мацкевичу можете что-то подобное рассказать. Даже Лизе. Но я, Наталья Никаноровна, сделал один очень важный вывод. Есть у Вас очаровательная особенность. Когда Вы что-то говорите, под этим самым «что-то» сто процентов скрывается ещё

парочка слоев, сильно отличающихся от внешнего. Понимаете, о чем я? И вот сейчас, в данную секунду имею твердое убеждение, что, дико извиняюсь за грубость, брешете Вы, радость моя. А я уже задолбался от ваших выкрутасов. Хочу знать все, как есть.

Ну, да. Пошел ва-банк. Но и плясать под ее хитрожопую дудку надоело.

Бабка – демон вытаращила на меня глаза, даже начала подергивать нижней губой. Типа того и гляди заплачет. Потом одним пальцем провела по нижнему веку, вытирая несуществующую влагу.

– Что ж ты, Иван… Как же так… После всего, что между нами было… Эх… Я к тебе, словно к сыну родному…

– Хватит! – По-прежнему сидел в кресле, куда меня благополучно устроил Мацкевич. Не было сил стучать кулаком или топать ногой. А очень хотелось. Потому как этот цирк-Шапито бесил до ужаса. Но ещё больше бесило, что бабка – демон продолжает упорно считать меня идиотом и, соответственно, делать из меня идиота.

– Ну, ок. Значит, слушайте. Тогда скажу я. Никогда не поверю, будто Вам на самом деле понадобилось помогать Тихонову достать эти секретные сведения. Нет. Вы их, может и правда добудите. Попутно. Лиза, к примеру, вполне способна. Мысли не читает, как Вы уверяет, но уж выковырять из фрица необходимое, уверен, сможет. Вам от этого не холодно, не жарко, а девчонка постарается на благо партии и Родины. Пригодится на будущее. Но информация не является той причиной, по которой Вы решили идти сюда. Вот прямо от слова «совсем». И майора, на секундочку, вполне могли заставить передумать. Зачем тащиться в зону активного противостояния двух армий за тем, что для Вас не является важным? Бестолковые движения с которых выхлопа лично Вам никакого.

– Вот как… – Бабуля на момент нашего с ней разговора, а точнее его начала, как раз проводила Мацкевича и теперь, вроде бы совершенно естественно, принялась вытаскивать и ставить посуду на небольшой стол, типа журнального, из буфета, который я поначалу даже за огромным шкафом не заметил. Брала одну чашку, приносила ее, оставляла, потом шла за другой. Это мельтешение раздражало, конечно. Однако, подозреваю, в том и цель. Вывести меня из себя таким простым действием.

– Ага. Поэтому спрошу ещё раз. На кой черт мы сюда припёрлись? Что Вам нужно на самом деле? Скажите правду. Оно ведь проще и надёжнее. Одно дело делаем. Причем, дело, которое выгодно Вам. Все равно истина вскроется. Я тоже не просто так здесь понадобился. Резко вдруг поддержали мою задумку. Только,

очень прошу, давайте басни про секретные сведения для майора государственной безопасности, оставим Лизе.

– А может, я за нее как раз переживаю? Поэтому и поддержала, чтоб ты с нами шел? Только ради Лизки. – Наталья Никаноровна поставила третью чашку на столешницу, а потом резко ногой вдруг толкнула его, стол, в мою сторону.

Не сказать, что данная часть обстановки выглядела легче, чем остальные. Хоть и небольших размеров, но он был таким же громоздким, как все, что находилось в этой комнате. Но при этом, стол сорвало с места, протащило по полу с противным скрежетом, а остановился он ровно передо мной. Прямо тютелька в тютельку. Демонстрация силы? Потому что я, даже не трогая этот чертов стол, например, по внешнему виду понимал, если пну, как сейчас сделала бабка-демон, то единственный эффект которого достигну – сломанная конечность. Одни только его толстые, изогнутые ножки, все с теми же львиными головами на концах, весили очень до хрена.

– На Лизку Вам, как и на всех нас, глубоко, искренне наплевать. Девчонка родная кровь для вот этого тела, в котором, я так понимаю, уже давно нет настоящего хозяина. Что с ней на самом деле случилось? С княгиней? Умерла? Будь настоящая Долгорукова жива, Вы бы так долго не находились внутри… Эх, даже не знаю, как правильно обращаться. Как правильно называть Вас. Так ведь никто и не представился настоящим именем.

– Ох, Иван… с огнем играешь… – Бабка-демон смотрела на меня с улыбкой, от которой, честно говоря, по коже бежали мурашки. Будучи человеком не особо верующим, я машинально начал вспоминать слова молитвы. Впервые за все время, сколько я знаю Наталью Никаноровну, она больше не была простоватой, немного беспардонной, безбашенной пожилой тёткой. На меня, сквозь ее глаза пялилось нечто иное. Нечто очень старое, хитрое и опасное. Я этот взгляд ощущал каждой частичкой тела. И хочу сказать, реально было страшно. Когда напротив тебя стоит бабуля-божий одуванчик, а есть четкое понимание, это – лишь оболочка. Настоящее – внутри. И вот очень хочется, чтоб оно там и оставалось.

– Нет. Лишь хочу знать, зачем мы тут. Зачем я тут. Вам нет нужды в моем присутствии ради каких-то данных. Сведения Лиза и без меня достанет. Документы у вас были для немцев. Итак прорвались бы сюда. Не говорю уж о том, что моя защита в качестве сопровождающего – смешно. Но Вы, можно сказать, уговорили Тихонова отправить молодого, не очень опытного чекиста с Вами.

В следующую секунду произошло то, от чего у меня чуть не

остановилось сердце. Бабка-демон стояла на приличном расстоянии от кресла, где я сидел. Но после моих слов она вдруг оказалась совсем рядом. Серьезно. То есть это не выглядело, как сцена из фильма. Типа там скорость или очень быстрое движение или… не знаю. Хоть бы взорвались клубы дыма, в которых она пропала а потом возникла. Нет. Просто вот человек находится в нескольких метрах от меня, а вот он уже опирается руками о тот самый стол, наклоняется ко мне близко-близко и смотрит своими черными глазищами, в которых вообще нет зрачков.

– Твою ж мать… – Это было так внезапно и так страшно, что я машинально отпрянул, вжимаясь в спинку кресла. И вот вообще не возникло, даже рядом, стыда по поводу испуга. Потому что реально охренеть, как страшно!

– Иван, ты, смотрю, вырос. Повзрослел. Стал много соображать. – Наталья Никаноровна наклонила голову к плечу, ещё больше напоминая клиента экзорциста. Не удивился бы, если она вдруг побежала бы по потолку, вывернув ноги и руки.

– Слушайте… Да идите вы на хрен. Честно. И хорош меня пугать! Пуганый. Интересует смысл нашего настоящего здесь пребывания. Все. Относительно меня самого и Иваныча. И… Лизы тоже. Хочу знать, что Вы задумали. Потому что, так будет лучше для всех. Ясно?

Бабуля вдруг резко поднялась, оторвавшись от стола, а потом, прямо на глазах, как-то сдулась, возвращаясь к привычному образу Натальи Никаноровны. Глаза, кстати, тоже стали нормальными. Вот только на мгновение показалось, что эта чертова лиса на ее шее подмигнула мне.

– Ну, ладно. Уговорил. – Старушка – божий одуванчик опять была похожа на себя. Больше из нее ничего не выглядывало. Только голос звучал собрано и серьезно. – Когда догадался? Интереса ради спрашиваю.

Она отошла к свободному креслу, которое стояло неподалеку, одной рукой взяла его за спинку и, оторвав от пола, как пушинку, перенесла ближе ко мне. Поставила напротив, так, что нас разделял лишь стол с пустыми чашками, которые, кстати, даже в момент, когда эта женщина пихала мебель ногами, не сдвинулись на миллиметр. Будто их приклеили. Ну и кресло, конечно, тоже несомненно впечатлило.

– Спасибо! – Сказал от души.

Был счастлив, что демонстрация мистических способностей потусторонней силы закончилась. Поначалу, после знакомства, дюже хотел убедиться, что Клетчатый и Никаноровна – реально демоны. Ну, вот как бы все. Больше не хочу. А я, между прочим, далеко не склонный к панике и стрессу человек.

– Понял ещё в Москве, когда Вы вдруг патриота из себя разыгрывать начали. Словами майора прониклись о помощи Родине. Просто потому, что Ваша… м-м-м-м… Родина… ну, это точно не про Советский союз. Во-первых. По большому счету, класть Вам с высокой колокольни и на страну, и на народ. Во-вторых, вы же вообще не человек. Несмотря на то, что очень тщательно пытаетесь меня в этом убедить. Да ещё, так сказать, на темной стороне находитесь. Вам вся эта кровь, грязь, убийства и срань – мед. Сами говорили. Грехи и все такое. На кой черт тогда нужно совершать героические поступки, чтоб это закончилось? Чтоб вся кутерьма под Москвой благополучно завершилась и так далее. Чтоб дело пошло к лучшему. И вот задав себе эти вопросы, я нашел единственный ответ. Только потому, что под предлогом помощи майору, есть ещё что-то. И это что-то находится здесь. Вот оно Вам нужно. И я нужен. Почему? Не знаю. Тут не могу ответить. Но точно нужен именно я.

Наталья Никаноровна хмыкнула. Ненавижу ее эти многозначительные звуки. Хрен поймёшь, что имеется в виду.

– Ну, ладно. Да. Здесь находится одна вещь. Конкретно, у фон Бока. Мы… а, нет. Ты. Ты должен ее забрать. Я не могу. Лизка скорее всего, тоже. Из расчета, что книга внезапно стала частью жизни Иваныча, хотя не должна была, есть подозрение, изъять необходимую вещь у немца можно твоими руками. Так что, выполняем все задуманное, а потом, со сведениями, столь важными майору, и той самой вещью, столь важной мне, возвращаемся обратно. Насчёт вещи… Уже был разговор у нас как-то, если помнишь. Белым нет возможности ответить. Вера ушла. Человек, на которого делались ставки… Вы его с Иванычем, ты уж не обессудь, но просрали. Совершенно бездарно. Однако, если эту ситуацию не изменить, впервые партия будет сыграна с победой. А этого нельзя допустить. Рай, ад, как вы это называете, – у них свое место. И уж точно не здесь. Так что ради своих же людишек, тебе надо будет постараться. Ну, и книга, конечно. Ее надо забрать. После этого все вернётся на свои места. Включая ваши с Иванычем жизни.

Наталья Никаноровна договорить не успела, замолчав на самом важном, интересном месте, ибо, как назло, в доме обозначился вернувшийся с доктором Мацкевич. Чтоб ему, скотине, пусто было. Как же не вовремя!

Заметив изменившуюся частично обстановку, он остановился, с недоумением глядя на стол с чашками и кресло, где сидела бабуля. Понять удивление Генриха Эдуардовича можно. Из нас двоих, присутствующих в комнате, на роль внезапного дизайнера, решившего передвинуть мебель, не подходил никто. Наталья

Никаноровна выглядит, как очень пожилая женщина, которая тяжелее своего излюбленного ридикюля ничего не удержит, а я буквально совсем недавно, шел с его же помощью.

– Ну, что ты встал то? Давай, пусть врач Ивана посмотрит, – Прикрикнула на Мацкевича бабка-демон. – Человек измаялся тебя ждать.

Генрих Эдуардович, продолжая коситься на удивительным образом перенесшуюся мебель, подошёл ко мне, помог подняться и проводил к кровати. При этом, он то и дело оглядывался назад, видимо, пытаясь убедиться в своей адекватности и вспомнить, а вдруг оно так и было на момент его ухода.

Меня уложили на постель, осмотрели. Потом посадили. Опять осмотрели. Заставили вытянуть руки и потрогать кончик носа. Все манипуляции совершал, естественно, врач. Фриц Он комментировал свои действия Мацкевичу на немецком, тот кивал в ответ. Затем чудный доктор, на вид ему было около пятидесяти, невысокого роста и худощавой комплекции, взял меня крайне осторожно двумя руками за лицо, а точнее за его нижнюю часть, и очень по-доброму улыбнулся. Я, естественно, тоже расцвел положительными эмоциями. Вот какой, оказывается, хороший человек пришел. В эту минуту он резко дёрнул челюсть, которая, щёлкнув, похоже встала на место. Но у меня потемнело в глазах, а боль молнией прострелила прямо в мозг.

– Что ж ты… сука… делаешь. – Ну, не удержался. Тем более один хрен по-русски не понимает.

– Сука, молодой человек, это как бы женского рода. Если только Вы использовали данное выражение для связки слов… – Ответил врач на великом и могучем.

– Вот же… извините, больно. Я думал, Вы немец. – Вообще, если честно, стыдно мне не было. Реально вырвалось.

– Нет. Местный. Просто Генрих Эдуардович в совершенстве владеет наследием Шиллера и Гете. Пользуюсь возможностью попрактиковаться. – Доктор указал мне рукой в сторону подушки. – Ложитесь. Отдыхайте. Сегодня Вам точно надо очень хорошо поспать. Снотворное и обезболивающее оставлю. Наши… как бы их назвать… гости города, велели очень хорошо за Вами приглядывать. Лично их генерал держит все под контролем. Уж не знаю, зачем Вы ему понадобилось, но явно сильно нужны. Хорошо или плохо такое внимание, судите сами.

Врач вытащил из пузатого чемоданчика, который по приходу поставил на пол, несколько свернутых бумажных пакетиков, а потом протянул их Генриху Эдуардовичу, отдав указание снова на немецком. Так понимаю, это прозвучала инструкция по применению. В принципе, учитывая, насколько я нужен

Мацкевичу, мечтающему о книге, можно не сомневаться, ухаживать он за мной будет с большим рвением. Травить точно бессмысленно. Конечно, если подохну, в его понимании, книга останется без хозяина и ее можно брать. Но кто бы знал ещё, где именно.

Поблагодарив доктора, я упал на подушки, чувствуя, как снова подкатывает слабость.

– Наталья Никаноровна, скажите, а где Ваша внучка, кстати? Не видно ее что-то. – Вообще, этот вопрос хотел задать сразу же. Потому что блондиночка и правда отсутствует в доме, это факт. Ну, или она специально прячется, что выглядело бы очень глупо, а к глупостям подобного рода Лизонька не склонна.

– Так в гостях она, Иван. У господина фон Бока. Он лично пригласил ее отужинать. – Наталья Никаноровна с усмешкой посмотрела мне прямо в глаза, зная, какую реакцию вызовут ее слова.

Глава 18

Думал, не засну. Мысли о том, что девчонка где-то шляется с немецким генералом, сильно поддергивали нерв. Не знаю, какая из них, из этих мыслей, раздражала больше. Тревога за Лизу или обычная человеческая жаба. А точнее, мужское эго, раненное тем, что женщина, которая мне привлекательна, отирается рядом с другим.

Однако, только бабуля вышла из комнаты, вытащив чуть ли не за шиворот Мацкевича, который готов был, как Хатико, сесть рядом с моей кроватью и ждать того момента, когда мы сможем двинуться в сторону столь желанной ему книги, я закрыл глаза и моментально вырубился. Видимо, тело умнее в этом вопросе, чем голова. Оно решило, ну их к черту, глупые переживания, надо спать.

Снилась какая-то ерунда. Хотя, снов не видел сто лет. Отчего-то я стоял на том самом месте, где нам приготовили засаду, в Сирии. Но только был один. Рядом никого. А потом вдалеке появился вроде дед. Его силуэт. Он махнул мне рукой и пошел вперёд. Я – за ним. Думаю, как это так? Иваныч сидит дома, почему тут его вижу. Во сне не понимал, что деда то и нет уже. Казалось, будто все происходит именно в тот, реальный момент, когда я отбывал последнюю командировку, а дед ждал меня. И вот он теперь уходит. Я пытаюсь догнать, но не получается. Как тогда, в Москве. Бежал за Мацкевичем, и сделать ничего не мог, он отдалялся все сильнее. С дедом сейчас так же было. Только вокруг не московские подворотни, а сирийский, гораздо более унылый, пейзаж. Я уже психовать начал. Да как так то? И вдруг Иваныч остановился. Повернулся ко мне лицом, а потом улыбнулся. Никогда не видел дедовой улыбки. На самом деле. Он всегда был серьезный, строгий, загруженный своими думками. А тут вдруг искренняя, добрая, широкая улыбка. Будто он очень сильно рад меня видеть. Вот ведь странно. И главное, сон был настолько яркий, казалось, сейчас крикну ему, он отзовётся. Что за ерунда? К чему это? Случайность или сюжет имеет значение?

С этими мыслями и проснулся. Открыл глаза – лежу в той же комнате, в той же постели, куда меня Мацкевич доставил. За окном светло. В одном из кресел, свесив голову на грудь, похрапывая, сидит Генрих Эдуардович. Дремлет, вроде как. Его, похоже, мучает сомнение, не убегу ли я. Боится оставлять одного.

Только завозился, Мацкевич тут же подскочил на месте,

вытаращив глаза.

– Доброе утро, няня.

На мое жизнерадостное приветствие он ответил хмурым взглядом, явно не имея желания шутить.

Тут же в комнате появилась Наталья Никаноровна, будто под дверью караулила, честное слово.

Началась суета и кутерьма вокруг моей персоны. Генрих принялся ощупывать голову. Естественно, опять же, мою. Свою то ему зачем щупать. Мол, как я себя чувствую. Не кружится, не болит ли? В общем, натурально заботливая мамочка.

Бабуля, в свою очередь, прошла к окну, приоткрыла одну створку, впуская морозный воздух, а потом с довольным лицом сообщила, что готов обед. Потому как, по ее словам, уже даже не завтрак, и вообще советскому человеку, чекисту, негоже иметь барские замашки, валяясь в постели половину дня. Мацкевич сразу начал спорить, доказывая, что при травмах головы нужно много отдыхать.

Было, честно говоря, ощущение сюрреализма. С одной стороны, знаю прекрасно, нахожусь сейчас на территории, подконтрольной немцам, а с другой, вся эта хозяйственная деятельность, развитая Натальей Никаноровной и Генрихом вообще была далека от войны и ее ужасов. Будто мы этакая добропорядочная семейка: тетушка, добрый дядя и великовозрастный парень, который прихворал. Короче, полная идиллия, но отсутствовал лишь один элемент – Лизонька. Девчонка так и не появилась.

Ни в этот день, ни на следующий. Мы чинно благородно отобедали, потом отужинали, однако, блондиночка не пришла. Я косился в сторону Натальи Никаноровны, прикидывая, как бы задать интересующие вопросы, не нарвавшись на очередную порцию яда с ее стороны. Да и Мацкевич своим присутствием мешал изрядно. При нем особо не разгуляешься. Чрезвычайный интерес к Лизе будет выглядеть странно.

После ужина меня благополучно снова отправили в постель. Что удивительно, я в этот раз тоже быстро вырубился и мне опять снился дед. Это уже настораживало. Теперь мы оказались в кухне. Тот самый момент, когда я пришел к Иванычу после возвращения и рассказал о Петьке. Главное, почему-то все было смазанным. Обстановка комнаты расплывалась, я просто понимал, что это – квартира деда. Начало нашего разговора тоже невнятное. Но зато в определенный момент Иваныч посмотрел на меня и очень четко, будто и правда находился рядом, сказал те самые слова: «Все не так, как кажется, особенно если это кому-то выгодно».

Конечно же, именно в этот момент я проснулся.

Чертовщина какая-то. Уж теперь на случайность не спишешь. За все пять лет Иваныч никогда мне не снился. Вообще ни разу. А тут – две ночи подряд.

Однако спокойно поразмыслить об этом не дали. Рядом уже привычно бдил Мацкевич. Все в том же кресле. Вот это воля и стремление у человека. Либо, как сказала Наталья Никаноровна, фанатичная зависимость от книги, которую он безумно хотел получить.

Меня снова осмотрели, залили в рот разведённый порошок. И, словно я оказался в дне сурка, на пороге обозначилась бабка-демон все с той же радостной улыбкой.

Показательно, что бабуля активно принялась помогать Мацкевичу ухаживать за мной, но при этом, в моменты, когда вроде бы на нее никто не обращал внимания, хмурилась, чем – то недовольная.

Я все-таки попытался разузнать о блондиночке. Задал вопрос равнодушным тоном, мол, где же внучка. Не вида́ть ее совсем. В ответ получил достаточной резкий ответ, что Лиза, в отличие от некоторых, занимается делом. Камень, прилетевший в мой огород был вроде не заслужен, потому как торчать в постели с квохчущим рядом Мацкевичем, вовсе не мой выбор. Я вообще пытался обоим объяснить, что не все так страшно и уж вставать точно могу. Но Генрих Эдуардович упорно тряс головой, как козел, честное слово, не хватало только бороды и рогов, была бы точная копия, доказывая, будто распоряжение доктора надо выполнять.

Конечно, при встрече, когда договаривались о дальнейших действиях после моего освобождения из рук фрица в перчатках, я сам сказал Мацкевичу, что надо прийти в себя. Но суть этого сводилась к необходимости времени для решения задач по линии Тихонова. Бог его знает, сколько понадобится дней Лизе на возможность раскопать нужные сведения. Всё-таки не думаю, что секретные данные лежат в свободном доступе. Как бы то ни было, возвращаться нам нужно в любом случае вместе. А, учитывая, как Мацкевич бьёт копытом, желая оказаться в Москве, сослаться на состояние и задержаться среди немцев исключительно по причине плохого самочувствия, лучше всего. Правда, сильно затягивать тоже нельзя.

Майор, конечно, в любом случае знает, где мы находимся и чем занимаемся. Но для Генриха все должно быть правдоподобно. Поэтому пусть думает, будто ещё надо обыграть наше возвращение. Не скажешь же ему, что нас итак ждут на Лубянке. Оптимальный вариант – версия, будто мы случайно выжившие и сбежавшие из Калинина граждане. Только не представляю, как

Генриху Эдуардовичу объяснить, зачем Наталья Никаноровна и Лизонька поперлись обратно. По легенде они так рвались к немцам, что чуть меня не угробили, ради автомобиля и возможности попасть за линию боёв. Представляю реакцию Мацкевича, когда они с чемоданом отправятся обратно. Типа, передумали, что ли? Погостили, хватит? Хотя, зная бабку-демона, не сомневаюсь, она что-то придумает. В любом случае, важнее было им оказаться рядом с фон Боком, и чтоб при этом, меня вытащил из рук немцев Генрих Эдуардович. Между прочим, Наталья Никаноровна так ведь и предрекала. Что недолго мне рисковать здоровьем. Потом они, немцы, будут пылинки сдувать. Может, конечно, и не сдували, но тем не менее, два дня я провел, как в санатории. Отдых, еда, покой.

Кстати, по поводу фон Бока. Как раз на второй день выяснилось, что он очень желает меня видеть. О чем, собственно говоря, сам Мацкевич сообщил нам с Натальей Никаноровной. Причем Генриху это очевидно сильно не нравилось. Он кривился, как от зубной боли, вздыхал и всячески демонстрировал недовольство из-за того, что мне придется идти на встречу с генералом.

– Он хочет говорить о книге. – Мацкевич даже эту фразу произнес, будто килограмм лимонов пережевывал. – Конечно, мне пришлось сказать ему, кто ты такой, дабы тебя оставили в покое. И чем ты интересен для самих немцев тоже пришлось сказать. Им книга позарез нужна.

– Я так понимаю Вы, Генрих Эдуардович, обещались упомянутую Вами книжонку отдать немцам? – Бабуля была счастлива и радостна без особой на то причины, чем изрядно Мацкевича нервировала. Он не привык к общению с этой особой, помня ее, похоже, по далёкому дореволюционному времени.

Генрих Эдуардович молча сверкнул в сторону Никаноровны своим безумным взглядом.

– Ну, я так и думала. Вы явились сюда, зная, что как только имя сообщат Геббельсу, поступит приказ беречь Вас как зеницу ока. Из рассчёта на ту самую вещь, которую теперь может добыть только Иваныч. Соответственно, и фон Боку вы поведали, что этот парень, которого мы с Лизкой доставили, не смотря на форму и принадлежность НКВД, крайне нужный для Вермахта человек. Логично, генерал хочет пообщаться с ним лично. Что вас удивляет в его желании? Ну, хорошо. Надо так надо.

– Откуда знаете про интерес Геббельса? – Мацкевич сразу напрягся.

– Генрих, умоляю. Вспомните, при каких обстоятельствах ваши маменька с папенькой стали вхожи в круг моей семьи. Уж

что-то, а Ваше прошлое посмотрела. Сами знаете, могу. Лагерь, конечно, не способствовал саморазвитию, но прошлые то навыки остались.

– Ну, да… Вы можете. – Генрих сразу успокоился. Видимо, в его воспоминаниях на самом деле присутствовала та самая Долгорукова, с подачи которой он сам занялся мистикой. В конце концов, именно княгиня подтолкнула Мацкевича к книге. По сути ведь так. – Я потому, когда Вас увидел здесь, выбирающейся из этого автомобиля, сразу узнал. Несмотря на столько минувших лет и на то, что сейчас Вы, конечно, выглядите иначе.

Бабуля мило улыбнулась в ответ на слова Генриха. Она, кстати, вообще совершенно не парилась по поводу предстоящей встречи.

А я, честно говоря, был доволен тем, что смогу выбраться, наконец, из этой постели и этого дома. Даже пусть и к немецкому генералу. Хотя бы пройдусь, огляжусь, прикину ситуацию. Нужно понимать, что, где и по чем. Да и Лизоньку хотелось все-таки разыскать. Второй день я нахожусь в этом доме, а ее не видно. Что она, круглосуточно с фон Боком?

Поэтому, когда бабуля заявила, мол, нужно пообедать, прежде чем состоится столь важная беседа, с энтузиазмом покинул постель, оделся в чистую рубаху со штанами, которые аккуратно сложенные лежали рядом на стуле, и под бдительным контролем Мацкевича пошел в столовую, где бабуля накрыла стол. Кстати, очень неплохо накрыла. Хлеб, горячий суп, скорее всего, судя по запаху, на курином бульоне, масло, кусочки копчёного мяса. Похоже, немцы дорожили представителями княжеской фамилии, переживая за их рацион. То-то бабка-демон цветет, аки роза в саду.

Не успели закончить с едой, при этом, Наталья Никаноровна уплетала бодро, за обе щеки, я вообще заметил, с едой у нее были особые, очень близкие отношения, на пороге комнаты появился немецкий солдат. Мацкевич при взгляде на фрица совсем загрустил. Он и до этого-то был невесел. Тоскливо грыз кусочек хлеба, на остальные вкусности даже не глядел. А тут совсем потемнел лицом. Однако, после того, как вошедший немец прогавкал несколько фраз, и Генрих Эдуардович перевел, что нас ждёт генерал, соответственно, надо бы поторопится, он поднялся из-за стола, планируя меня сопровождать. Ему сильно не хотелось, чтоб я шел к фон Боку, но отпускать меня одного, очевидно, не хотелось ещё больше.

– Ну… давайте… Чтоб все хорошо там. – Неопределенно пожелала нам бабуля. Потом подняла руку. Я уж подумал, крестить что ли собирается. Это вообще, конечно, было бы что-то

с чем то. Демон, провожающий крестным знамением. В последнюю секунду она, похоже, решила так же и руку опустила.

Я, как и мой нервный опекун, выбрался из-за стола, подхватил висевшую у выхода верхнюю одежду, и направился к ожидающему немцу. Мацкевич – следом.

Мы вышли из дома, пересекли территорию, которая при свете дня и при более внимательном рассмотрении показалась мне похожа на какую-то старую усадьбу с множеством построек. По периметру располагалось несколько зданий. В том числе, терем, где мы проживали. Солдат же отвёл нас к более основательному и солидному зданию в два этажа, которое значительно выделялось среди остальных.

На входе, у дверей, стояли караульные, внутри сновали немецкие офицеры и рядовые. Офицеров, конечно, было значительно больше. Рядовых насчитал человек пять. И то, они, похоже, явились по требованию руководства.

Наш провожающий двигался без остановки. Я головой крутил, конечно, рассматривая все детали и заодно запоминая, что внутри дома, но старался не отставать.

Поднялись на второй этаж.

Вдоль коридора тянулись двери комнат. В одну из них немец нас завел. В принципе, ничего необычного в помещении не было. Стол, стул, диваны для посетителей. За столом сидел человек сразу же привлекший моё внимание. Он напоминал сушёную камболу. Голова его в верхней части была значительно шире, чем внизу. Лицо к подбородку заострялось в форме треугольника. Почему-то особо выделялись его уши даже из-под фуражки. Они были максимально лопоухими, насколько это вообще возможно. Верхние кончики отставали от головы и смешно оттопыривались. За спиной генерала, а вполне понятно, это был именно он, стояла Лиза. Я увидел девчонку впервые за последние несколько дней. Ну, что сказать. Выглядела она более, чем хорошо. Нарядное платье, довольно лицо, красиво уложенные волосы. Даже как-то обидно. При моём появлении она не повела бровью, как-будто мы не особо знакомы.

Мацкевич поздоровался на немецком, и генерал, в ответ, указал нам на стулья, которые, видимо, тоже предназначались для посетителей.

– Я буду переводить, – Уточнил Мацкевич, будто были сомнения в том, зачем он вообще пошел со мной.

Генерал несколько минут молча рассматривал меня, потом задал ряд вопросов по интересующей его теме. Естественно, о книге в первую очередь. Фон Бока волновало, знаю ли я о её местонахождении. Получив утвердительный ответ, он сказал, что

в Берлине больше ждать не желают, поэтому сегодня необходимо отправиться в Москву.

Лиза всё это время стояла с каменным лицом, как-будто смысл разговора ее совершенно не волновал. Она старалась не смотреть в мою сторону, больше сосредоточившись на Мацкевиче. Фон Бок заявил, что мы отправимся вместе с Генрихом Эдуардовичем, но вместе с нами пойдет Лиза и ещё один человек. Наталья Никанорова останется ждать здесь. Я чуть не засмеялся в голос от того, как ошибочно и неправильно мыслил генерал. Понятно вполне, бабуля должна стать кем-то вроде заложника. Если мы с Мацкевичем на пару решим сбежать, теоретически, Лиза и тот самый второй человек, нас остановят от необдуманных поступков. Видимо Фон Бок хотел обезопасить себя от любого незапланированного развития событий. Похоже, Мацкевичу он тоже не особо сильно доверял. Но самое смешное в этой ситуации что немец искренне считал, будто бабуля – самый безопасный из всех нас человек. Ох, какой наивный фашист…

Собственно говоря, на этом наша аудиенция была закончена. Не так все страшно, как казалось. Подозреваю, генерал хотел увидеть меня и убедиться, что слова Мацкевича были правдивы. Всё-таки, на секундочку, из-за них освободили чекиста, который вез секретный пакет. У меня, правда, оставался вопрос, кто станет четвёртым в нашей чу́дной компании. Присутствию Лизы я, конечно, был рад. Думаю, она сама и предложила свою кандидатуру.

Генрих Эдуардович заявил, будто этот человек подойдёт вечером, а с территории немцев мы, соответственно, выдвинемся ночью.

Наталья Никаноровна ждала нас с нетерпением. Едва мы зашли в дом, сразу бросилась с расспросами. Услышав пересказ встречи от Мацкевича, она довольно потёрла руки.

– Отлично. Всё идёт как надо…

Генрих Эдуардович реакцией бабули озадачился. Он явно не понимал, что, куда идёт и почему Наталью Никаноровну это так радует.

– Вы же понимаете Елизавету отправляют с нами в качестве гарантии. Это риск для девочки. Но главное, она непременно должна вернуться, если не с нами, то с книгой точно. Иначе Вас убьют. Это вполне очевидный план генерала. – Мацкевич на всякий случай решил пояснил бабуле ситуацию, подозревая, может, это старческий маразм и она просто не видит истинных мотивов Фон Бока.

– А ты Генрих в любом случае возвращаться не собираешься. Так ведь? – Бабуля с улыбкой посмотрела на него. – Ты просто

прибился к немцам, чтоб избежать наказания со стороны чекистов. Они же ищут тебя. Это факт известный. А тут столь неожиданное, но счастливое совпадение. Появление Иваныча. Теперь твои планы – оказаться, как можно дальше, от всех, и от фашистов, и от Союза, но только с книгой в руках.

Маркевич попытался что-то возразить, но бабуля тут же его остановила:

– Не вздумай врать. Ты был бы полным идиотом, если бы вернулся сюда. Ещё раз говорю, в твои планы это не входит. Но меня вполне все устраивает. Не спрашивай, почему. – Наталья Никаноровна подняла руку, пресекая новую попытку Мацкевича что-то сказать в ответ. – Я в твои дела нос не сую. И ты в мои не суй. А вообще, мне кажется, Генрих, надо тебе поспать.

Как только Наталья Никонорова произнесла последние слова, Мацкевич красиво осел, упав на пол. Бабка-демон переступила через лежащего аки сомлевшая гимназистка, Генриха Эдуардовича, при этом велев мне идти следом за ней.

– Хоть этот гад и спит, но поговорим в другой комнате. – Серьезно заявила бабуля.

Как только оказались в соседней спальне, Наталья Никаноровна повернулась с абсолютно каменным лицом.

– Теперь слушай сюда. Сегодня с Мацкевичем идёшь в Москву. Сведения, которые будут нужны майору, уже у Лизки. Этот Фон Бок ни о чем, кроме наступления не думает. С утра до ночи просчитывает, откуда ударят основные силы. Предвосхищая твой вопрос. Нет, мысли Лизка читать не умеет. Но в момент слабости заставить генерала, вынести свои размышления на бумагу, очень даже. Причем, сам фон Бок, конечно, этого не помнит. Тут все сделано идеально. Остаётся вопрос, ради которого всё мероприятие, собственно говоря, мной было затеяно. Та самая вещь, о которой говорила. Прежде чем уйти, необходимо вытащить ее. Поэтому сделаем так. Однозначно с вами отправят ещё кого-то. Это было ожидаемо. Не такой уж генерал дурак, чтобы полагаться только на любовь Лизы к родной бабке.

– Да, он говорил, будет ещё один человек но пока неизвестно кто. – Наталья Никаноровна моего мнения не спрашивала, но я всё-таки поддакнул. Потому что данный момент волновал меня сильнее прочего.

– Ерунда, – отрезала бабуля. – Кто бы ни был, нам не помешает. Уверяю тебя. Соответственно, прежде, чем выйти с немецкой территории, вам нужно будет с Елизаветой забрать необходимую всем нам вещь. Запомни Иван, сейчас на кону стоит гораздо больше, чем полгода назад. Сохрани ты Василию жизнь, было бы проще. Теперь ситуацию усугубилась, и на её решение

потребуется значительное количество сил. Вы должны забрать у Фон Бока то, что ему не принадлежит. От этого зависит дальнейший ход войны, в том числе. Да и домой, я думаю, тебе тоже очень хочется. Есть ещё один нюанс. Чем дольше ты находишься не в своём теле и не в своём времени, тем тяжелее возвращаться. Твоя душа медленно, но крепко привязываться к телу Иваныча. Если дотянем, ты просто останешься своим дедом навсегда. Думаю перспективы не особо радостные. К тому же, его душа так и будет висеть черти где. Поверь, в том месте, где она сейчас, мало приятного. Поэтому говорю тебе, уж постарайся. Чтоб все вернулось на правильный круг. Ты к себе, Иваныч в своё тело. Ну… и мои интересы в данном случае очень важны.

– Все прекрасно понимаю. Спасибо, что «вовремя» предупредили о срочности. Как вы собираетесь отсюда переместиться в Москву? Вы же не планируете оставаться с немцами навсегда? – Я был готов нарушить правило, по которому не бью женщин. Вот этой конкретной особе очень давно хочется открутить голову. Утаила столь важные факты. Этак, если мы будем туда-сюда шататься, есть огромный риск вообще сгубить и деда, и себя.

Наталья Никаноровна посмотрела на меня так, будто я сказал несусветную глупость. Правда, сам это почти сразу понял. Уж точно существо, находящееся внутри неё, никто не сможет удержать против его воли. Соответственно, как только мы уйдём, либо как только мы доберемся до Москвы, бабуля обязательно найдет способ оказаться рядом с нами. Кстати, я очень сочувствую немцам. Думаю, это будет что-то фееричное, учитывая ее извращённое чувство юмора.

– Что это за вещь? Конкретно, где искать? – На лирику точно нет времени. Нужно понимать ситуацию.

– Нет, Иван. Все подробности узнаешь на месте, от Лизки. Сейчас пока что рано об этом говорить. Значит, на данный момент набирайся сил, потому как ночь и следующий день, вы проведете в пути. Плюс, не забывай, ещё четвертый человек, представленный генералом. Пока не понятно уровень сложностей, которые он принесет. Решим, конечно, несомненно. Но все очень относительно. Подробности того, что вам надо сделать, тебе сообщить Лизка. Поверь, так лучше.

– Слушайте, вы всё время говорите, поверь так лучше. Поверь, так правильно. Ну, почему я должен вам верить? Особенно, зная кто вы.

– Потому что, Иван, на данный момент мы заинтересованы в одном и том же. Тебе нужно получить обратно свою жизнь и добиться того чтобы Иваныч прожил свою, а мне нужна книга и

возврат к исходным событиям. Прошлое менять нельзя. Надеюсь, ты сделал из ситуации правильные выводы?

– А я надеюсь, что эти выводы мне больше не понадобятся, когда всё закончится. И что мы с вами больше не увидимся. Но… у меня всё-таки один вопрос, на которого так и не ответили. Тогда, в Сирии, это Вы спасли меня? Правильно понимаю?

– Правильно понимаешь. Ты должен был умереть, но это не входило в мои планы, во-первых. А во-вторых, у нас тобой была договорённость. Однажды, в подходящий для этого момент, я спасу тебе жизнь.

– Странная история… я не помню таких договорённостей.

– А это потому что ещё время не пришло. Наступит момент, и мы обязательно договоримся. Сейчас не думай об этом. Думай о том, как всё провернуть вечером.

С этими словами Наталья Никаноровна и вышла из комнаты.

Глава 19(1)

В рассказе бабули всё выглядело очень просто. Приходит Лиза, мы уходим, берём, делаем, идём. Просто не план, а сказка. Но, как всегда это бывает, что-то пошло не так. Во-первых, к вечеру в доме появилась Марта. Я ожидал кого угодно, но точно не эту дамочку в качестве сопровождения. Она рождала во мне ощущения, схожие с теми, которые возникали при общении с бабкой-демоном. Внешне казалась приятной, красивой, привлекательной особой, но в реальности, есть подозрение, это совсем не так. Внутри неё было что-то злое, тёмное и опасное. Сложно объяснить, я чувствовал это на уровне интуиции.

Мацкевич же не особо удивился. Генрих Эдуардович пришел в себя, как только бабуля покинула комнату, где мы беседовали, оставив меня наедине с информацией, которую надо было осмыслить. Он сидел на заднице, в недоумении оглядываясь вокруг. Естественно. Последнее его воспоминание, как мы благополучно появляемся в доме, а тут отчего-то оказался лежащим на полу.

– Что ж Вы, голубчик, не бережет себя, – Бросила ему Наталья Никаноровна, проходя мимо. – Вон видите, сознание потеряли с устатку. Осторожнее надо.

Мацкевич проводил бабулю настороженным взглядом. Он явно подозревал подвох, но по сути предъявить ей ничего не мог. Я вышел из спальни следом за бабкой-демоном, а потому приблизился к Генриху Эдуардовичу и протянул бедолаге руку, помогая подняться. Вообще, несмотря на все, что натворил этот псих, включая убитых детей, где-то очень глубоко я понимал, он – лишь разменная монета. Пешка. Как сказала сама же Наталья Никаноровна. Его руками дали толчок всем этим событиям.

Мацкевич встал на ноги, а потом молча удалился в комнату. Правда, буквально через пять минут отошёл от стресса, вспомнил обо мне, и снова нарисовался рядом. Так и сидели вместе, когда на пороге комнаты возникла Марта. Дом, похоже, запирать здесь не принято. Ходят все, кому не лень.

– Я же говорила, мы встретимся, Иван. – Переводчица, хотя я уже не уверен, что это ее основной род занятий, прошла в комнату, кивнула Мацкевичу, а затем поздоровалась с бабулей, которая тоже отреагировала спокойно на ее появление. Только меня, похоже, напрягало присутствие данной особы.

– Неожиданно, что это Вы. – Я решил быть культурным

человеком и не показывать неприязни. В конце концов, Наталья Никаноровна обещала, будто от сопровождающего проблем не будет.

– Ну, это как посмотреть. Человек с явным немецким акцентом вызовет много вопросов, когда вы окажетесь в городе. Местных нельзя. Нет гарантий, что они не сорвут всю операцию. Со всех сторон, я подхожу для вашей компании лучше всего. – Марта развела руками, типа, сама то она не то, чтоб горит желанием. Так уж вышло. Ага. Поверил я, непременно. Очень хорошо запомнился ее взгляд в той комнате. Как она смотрела. Словно кот на мышь, которой он вот-вот перегрызет горло.

– Иван. Будь добр, принеси от порога ведро воды. – Выдала вдруг Наталья Никаноровна. – А то я, старуха, потом и не дотащу.

Посмотрел на бабулю, однако, ее лицо было совершенно искренним и честным.

Стоило мне двинуться к двери, Марта тут же собралась идти следом.

– Ой, нет, милочка. Ты со мной побудь. Хочу уточнить кое-что. – Бабуля ухватила проходящую мимо эстонку за руку. Причем, судя по тому, с каким удивлением эта особа опустила взгляд, хватка старушки – божьего одуванчика стала для нее сильной неожиданностью. Аж скривилась слегка от боли.

– Иван и сам справиться. – Наталья Никаноровна добавила последнюю фразу, не отрывая взгляда от Марты.

Она смотрела переводчице прямо в глаза и я подозреваю, та сейчас не то, что про меня, имя свое забудет. Уже научился распознавать, когда бабка-демон мутит свои темные схемы, заставляя людей исполнять ее желания.

Не обращая больше внимание на то, что творилось в комнате, хоть их обоих, и Марту, и Мацкевича бабуля уработает, вообще все равно, вышел в просторный коридор, который вел к входной двери. И чуть не выматерился от неожиданности.

– Тш-ш-ш… – Лиза еле слышно, тихим шепотом дала понять, что ее присутствие выдавать не сто́ит. При этом ещё и указательный палец приложила к губам.

Я кивнул, намекая, мол, все понял, не вопрос, а потом прямой наводкой двинулся к выходу. Девчонка, соответственно, за мной.

Естественно, никаким ведром с водой там и не пахло. Бабка просто под предлогом помощи выпроводила меня из комнаты, чтоб я встретился с блондиночкой.

Мы вышли на улицу и Лизонька тут же указала мне рукой на то самое двухэтажное здание. Только направилась она не к центральным дверям, через которые днём нас провожал Фриц, а в сторону торца дома.

– Что мы делаем? Что ищем? – Я быстро двигался за ней следом, потому как и сама блондиночка почти бежала.

– Ори громче. На весь двор. У них сегодня там какой-то праздник. Коллективно лакают. Ещё нас, русских, называют свиньями. – Девчонка раздражённо фыркнула. – Но караул и охрана все равно есть. Патрули тоже ходят, хотя не так активно, как обычно. У нас ровно десять минут.

– Твою мать… Десять минут на что? Наталья Никаноровна сказала, ты объяснишь. И что со сведениями? Ты и правда смогла достать их за два дня?

Лиза покосилась на меня через плечо с лёгким высокомерием и превосходством во взгляде.

– Ох, ты ж глянь… Ну, ладно. Молодец. Просто интересуюсь. Сама понимаешь, майор ждёт от тебя результата. Не хотелось бы проблем по возвращению.

– Проблем не будет, – Отрезала девчонка. – Только сначала нам надо вернуться.

Вдалеке послышалась немецкая речь. Мы, как две очень шустрые белки, метнулись к стене, прижимаясь к ней спиной и стараясь максимально оказаться в тени. Почему, как белки? Потому что реально практически в один прыжок. Глядя, как стороной проходят два фрица с оружием, я мысленно поблагодарил 1941 год за слабую электрофикацию. Фонарей на всей территории практически не было и увеличить их количество оккупанты ещё не успели. Хотя, по хорошему, им бы сделать это в первую очередь. Возможно, они пока ещё не занялись этим из-за боёв, которые, пусть вышли за пределы города, но продолжаются на окраине. А может, думают, что нет столь наглых людей, которые посмеют бегать по двору их опорного пункта.

Как только немцы скрылись из зоны видимости, мы двинулись вдоль стены в сторону все того же торца. Теперь понятно, девчонка действительно целенаправленно вела меня туда. Уже перед тем, как оказаться рядом с углом, за который теоретически нам предстояло свернуть, я отчётливо почувствовал запах табака. Кто-то курил совсем рядом.

Лизонька кралась впереди, поэтому, она вытянула руку назад, останавливая меня, а потом, как ни в чем не бывало, выпрямилась в полный рост и, не скрываясь, вышла на свет, завернув при этом за угол. Это было так быстро и так нагло, что я даже не успел возразить хотя бы жестом. Ругаться на нее словами, тут, под боком у фрицев, точно не уместно и даже опасно.

Однако, буквально сразу послышался весёлый мужской голос, который говорил, естественно, на немецком, и смех блондиночки. Потом несколько фраз, сказанных уже девчонкой в ответ, мягким,

тягучим голосом, и глухой звук упавшего тела.

– Иван… – Она высунула голову из-за угла, помахав мне рукой.

– Ты, блин… совсем дура? – Естественно, я сначала подошёл совсем близко, а только потом шепотом высказал свое искреннее несогласие с ее методами действия.

В ногах у девчонки лежал фашист, рядом валялся автомат. Похоже, он караулил дверь, которую я только теперь смог разглядеть.

– Некогда ругаться. Говорю, времени мало. Нам нужно попасть внутрь. Потом ещё вернуться и выходить за пределы Калинина. Городские патрули предупреждены о том, что четверо человек покинут город, следуя по определенной дороге. Идём.

Лиза нагнулась, залезла рукой в карман спящего фрица, а он, естественно спал, всё-таки не зря бабка – демон ещё полгода назад говорила, что девчонка сильна, похоже научила ее своим фокусам, а затем вытащила из штанов немца ключ.

– Подтащи его сюда. Ближе к двери.

Я послушно выполнил указание блондиночки.

Вообще, конечно, возникало странное и раздражающее ощущение. Девчонка явно ориентировалась в происходящем лучше меня. И это было плохо. Во-первых, в подобной ситуации хотелось бы держать все под контролем самому. Так приучен мозг. Но при этом, я вполне понимал, пока нахожусь в теле восемнадцатилетнего Иваныча, не имеющего и сотой доли необходимого опыта, толку от меня ноль, по сути. Поэтому, сколь сильно не хотелось бы тряхнуть девчонку за шиворот и сказать, что сделаю все сам, сейчас лучше прижать задницу и поступать, как она говорит.

Лиза осторожно вставила ключ, повернула его и потянула дверь, которая совершенно бесшумно, на удивление, открылась. В полумраке смутно виднелись порожки, ведущие вниз.

Девчонка без малейших сомнений рванула вперёд. Я матернулся все же вслух, но двинулся следом. В конце концов, она знает, что делать. А вот я, к сожалению, нет.

Когда ступени закончились, мы оказались в помещении, напоминающем погреб. Но самое волнительное, в углу сидел человек. И это реально было волнительно. Вот уж чего-чего, а такого поворота я точно не ожидал.

– Отец Алексей… – Лиза подошла к незнакомцу совсем близко, опустилась перед ним на корточки, а потом потрясла за плечо.

Тот в ответ, тихо застонав, поднял голову, которая до этого практически лежала на его груди.

Не смотря на плохое освещение, которого, можно сказать, и не было, лишь сверху, от раскрытой двери падал далёкий свет фонаря, было видно, что лицо человека сильно помято. Мягко говоря. Волосы, грязные и заскорузлые, падали на лоб, а борода была вроде как вырвана кусками. На улице почти зима, и в подвале, прямо скажем, совсем не тепло, однако из одежды на незнакомце имелись в наличие только рубаха и штаны. Обувь вообще отсутствовала.

– Отец Алексей, я Лиза. Это – Иван. Посмотрите.

Мужик перевел мутные глаза с девчонки на меня. И дальше было очень странно. Он вдруг улыбнулся, приоткрыв разбитые губы так, что стало видно, там и зубов то половины нет, а потом хриплым, если слышным шепотом сказал.

– Пришел… хорошо. Надеялся.

Честно говоря, я вообще перестал что-либо понимать. Однозначно этот тип знал Иваныча в лицо. Его взгляд, не смотря на несомненный факт, человека били, причем достаточно сильно, словно посветлел от того, что он видел перед собой деда.

Я плохо мог его рассмотреть в деталях, но создавалось ощущение, священник, а очень вряд ли в любом другом случае девчонка назвала бы его «отец Алексей», был не сильно старый. Даже быстрее, можно сказать, молодой. Не старше тридцати. Он с трудом оторвался от стены, на которую облокачивался спиной, сидя прямо на земляном полу, а потом стянул с шеи простой обычный крест на грубой верёвке и протянул его мне.

– Бери. – Шикнула Лиза, видя мою растерянность.

– Какого черта… – Меня все это ужасно выводило из себя. Никто ни слова не сказал, что мы найдем какого-то непонятного батюшку, который, на секундочку, обрадуется Иванычу, как второму пришествию.

– Да бери же. Надо уходить. – Распсиховалась девчонка.

– Ну, знаешь… – Тем не менее, в свою очередь протянул ладонь, принимая крест из рук священника. Как только эта вещь оказалась у меня, он облегчённо вздохнул и обмяк, видимо, снова отключившись.

– Все. Идём. – Лиза встала на ноги и направилась к ступням.

– Хрен там! – Я перегородил ей дорогу.

Глава 19(2)

– Прямо сейчас ты говоришь, кто это такой, откуда он знает Иваныча и почему ждал его здесь. Не вздумай врать! Прямо сейчас. В двух словах. Слушаю.

Достали все эти игрища. Да, момент совсем не подходящий, но сколько можно то? Я вообще, простой, обычный человек. Жил, никого не трогал. Дед свое отбыл и ушел. Все. Ушел в приличном возрасте. Плохо, хорошо, но он назначение на этой земле выполнил. Почему нас, ни меня, ни его, не оставят в покое?

– Иван, надо уходить. – Девчонка нервничала и оглядывалась на открытую дверь.

Вполне понятно. Судя по всему, в договоренности с фон Боком, который велел ей идти со мной и Мацкевичем, точно никакие священники не фигурировали, а значит, объяснить столь внезапные новшества будет сложно. Думаю, если нас сейчас здесь застанут, к Лизоньке вопросов будет гораздо больше, чем ко мне. Я то что? Враг и без того. Рисковано ли вставать в позу именно в данный момент? Конечно. И по большому счету, естественно, брал блондиночка на понт. Но ещё точно знаю, в условиях опасности, она может что-то и поведает. Как только мы окажемся за пределами Калинина, не дождусь ничего. Опять будут туманные изречения, в том числе, до тошноты надоевшее «поверь, так лучше». Не хочу больше никому верить.

– Я слушаю. В двух словах. – Стоял на пути Лизы и обойти она меня не могла. А все ее штучки на Иваныча не действуют. Она бы, может, и хотела их применить, но только знает, ничего не получится.

– В двух словах не выйдет. – Девчонка взяла меня за локоть. – Давай потом поговорим. Пожалуйста.

– Аа-а-а-а… Ну, ок.

Я сунул крест в карман, потом подошёл к священнику, наклонился, обхватил за талию, поднял, и закинул бесчувственное тело себе на плечо.

Он был худой, небольшого роста. Считай, мешок картошки понесу. Слава богу, Иваныч два дня питался, как на убой, и спал крепким богатырским сном. Силы есть.

– Что ты делаешь? – Лизонька аж ногой топнула от злости.

– Вам с бабкой нужна была одна вещь. А я беру ещё другу вещь. Которая необходима мне.

– Это не вещь! Это – человек! И мы не можем взять его с

собой. Нас поймают. – Голос Лизоньки звенел то ли от приближающихся слез, то ли от того, что она в данную секунду ненавидела меня за упрямство всеми фибрами души.

– Ну, так ты же – ведьма. Сделай так, чтоб не поймали. Я беру его с собой. Он сам мне все расскажет, когда сможет. Вам без меня не обойтись. Вот и позаботься, чтоб всё было ро́вно.

Обошел Лизоньку, которая теперь стояла между мной и выходом, а потом направился к ступеням, собираясь подняться наверх.

– Дурак! Понял? Ты – дурак. Всех нас погубишь. – Блондиночка бежала сзади, судя по интонации голоса, искренне желая мне сдохнуть прямо сейчас. Есть подозрение, если бы не крест в кармане, который очень уж нужен Наталье Никаноровне, вполне могла бы огреть меня чем-нибудь по башке. Это у них семейное. Так ее плющило от злости.

– Нет. Не погублю. В нашей компании лучшая ведьма всех времён и народов. Хотите получить свое, дайте мне мое.

Вышел на улицу, покрутил головой. Пока что никого поблизости нет. Но зато, прямо напротив входа, на очень хорошем расстоянии от оного, двор всё-таки огромный, стоит грузовой автомобиль. Тот самый, на котором мы сюда добирались. Судьба, не иначе.

– Отлично. Говоришь, немцы на выезде предупреждены? Так понимаю, у тебя имеются какие-то документы, пропуск или нечто подобное?

– Там не указано наличие груза в виде человека.

– М-м-м-м-м… очень жаль. Было бы проще. Ну, ничего. Ты девочка умненькая, придумаешь что-нибудь. Сколько там времени осталось? Минут пять до следующего патруля? Ну вот должно хватить, чтоб добежать до дома и вернуться с Мацкевичем, а также той дамой, которая сейчас составляет ему компанию. Жду вас в машине.

Я прямым ходом направился к «полуторке», как ее называла Наталья Никаноровна. Лиза что-то сказала мне вслед. Такое, что приличным девушкам не стоит произносить вслух. Но тратить время, которого и без того не было, на лишние препирательства не стал. Все равно бесполезно. Я решил однозначно непонятного священника вывезти отсюда в Москву. Нужен бабке-демону крест, значит, расстарается, чтоб всё было хорошо.

Девчонка рванула с места, словно заправский спринтер. По моему настрою она уже поняла, что ни отговорить, ни уговорить меня не получится.

Дошел к машине, затем закинул бессознательное тело в кузов. Морозно. Помрет ещё по дороге от переохлаждения.

Немного подумал, стянул теплый тулуп, найденный в доме Натальи Никаноровны, который использовал вместо пропавшей шинели. Форму вообще, кстати, не обнаружил ещё утром. К счастью, звезда Давида, прежде лежавшая в кармане военных штанов, обнаружилась под подушкой. Похоже, бабуля позаботилась. Сам согреюсь в кабине, когда поедем. Тулуп пригодится этому бедолаге. Хорошо, что хотя бы он есть. Забрался в грузовик и подтянул Алексея в дальний угол. Затем укутал его так, чтоб в первую очередь прикрыть босые ноги. Снова оглядел двор. Когда мы шли на аудиенцию с фон Боком, обратил внимание на мешки, сваленные неподалеку. Они, к счастью были на месте. Быстро рванул в сторону интересующих меня ку́лей.

В этот момент послышался немецкий говор. Патруль, похоже. С разбегу запрыгнул на гору пока ещё не знаю чего и скатился за нее. Была щель между кладкой и забором. Из-за угла показались два немца. Очень прекрасно, что не из-за того, где благополучно отдыхал усыпленный Лизой караульный. Хорошо, что здание было достаточно большим, и расстояние от одного конца до другого выходило весьма немаленьким. Не знаю, через сколько обнаружат вырубившегося фрица. На нем, конечно, следов постороннего вмешательства нет, и Лиза, выходя из подвала, успела закрыть снова дверь на замок, а ключ сунуть ему в карман. Однако, сам то он тоже не идиот. Проснется, теоретически должен проверить пленника. Я бы проверил, если бы очнулся после внезапно накатившего сна, да ещё когда он приключился параллельно с появившейся блондиночкой.

Двое фрицев прошли через двор и скрылись за поворотом. На тот самый торец, где находился подвал, они внимания не обратили. Скорее всего, там смена не скоро. Везёт. Пока что.

Я принялся карабкаться обратно на гору, за которую спрятался. А это реально была гора. В два человеческих роста. Не иначе, как с перепугу, взлетел на нее за секунду, когда очень желал избежать встречи с немцами.

Судя по всему, упакованный в холщевину уголь. По крайней мере, на ощупь возникало именно такое впечатление. Спустился с кургана, а потом очень энергично принялся таскать мешки в кузов машины. Приходилось лезть снова наверх, брать оттуда, скатывать вниз и уже потом закидывать на плечо. Черт. Времени совсем нет. Я носился с этими мешками, как угорелый. Ещё хорошо, что в силу позднего времени, окна в здании, где предположительно находился немецкий штаб, были темными. Зато где-то на приличном расстоянии слышались звуки гармошки и смех. Радуются, фрицы.

Расстояние от кучи с углем и стоящей неподалеку машины, до большого дома тоже было приличным. Это и выручало, по большому счету.

Нашвыряв порядка десяти – пятнадцати мешков я понял, что сейчас просто лягу и умру. Иваныч, конечно, молод, здоров, но в таком режиме срочной погрузки даже крепкий мужик загнётся.

Только выдохнул, как со стороны «терема» показались четыре силуэта. Ну, ясно. Бабка-демон не могла не явиться.

– Иван, ты удивляешь… – Марта остановилась возле машины, внимательно глядя не меня.

– Ага. Я вообще удивительный парень. Прыгайте. Транспорт готов. – Старался дышать носом, чтоб не выдать своего состояния. – Вот, побегал кругами. Холодно. Генрих Эдуардович, сдается мне, оно вам не понадобиться.

Подскочил к Мацкевичу, стянул с него теплое щегольской пальто, в которое тот вырядился. Он попытался сопротивляться, но был подхвачен мною же под руки и буквально пинком закинут в машину.

– Водить умеете? – Запоздало крикнул ему вслед. Получив утвердительный ответ, довольно кивнул. – Ну, вот и чу́дно. Дамы, прошу.

Места в кабине хватит только троим. Не сообразил сразу. Поэтому, очевидно, мне придется ехать в кузове.

Марта полезла следом за Мацкевичем, успев при этом наградить меня подозрительным взглядом. Лиза просто откровенно злилась, а потому даже ничего не сказала. Зато, конечно же, отличилась бабуля.

– Балу́ешь, Иван? – Наталья Никаноровна, в отличие от девчонки, была спокойна и даже, наверное, весела. Хотя, она из этого состояния не выходит. Радуется, непонятно чему.

– Никак нет, товарищ Долгорукова. Частично беру ситуацию в свои руки. – Хлопнул дверью, закрывая кабину, а потом подошёл к кузову, ухватился руками и запрыгнул туда, где за мешками с углем лежал человек, которого я твердо был намерен вытащить от фрицев, чтоб потом задать важные вопросы. – Вы, Наталья Никаноровна, очень уж не задерживайтесь. Ждём Вас в Москве. Сильно тут немцев не гоняйте. Хотя… можете просто отправить их всех в ад. Я не против. Да и потомки скажут «спасибо».

Не дожидаясь ответа от бабки-демона, хлопнул рукой по крыше кабины, намекая Мацкевичу, чтоб тот уже трогался.

Мотор фыркнул несколько раз, чихнул, а потом завелся и грузовик двинулся с места.

Выезжая со двора, я смотрел на Наталью Никаноровну, которая провожала нас взглядом и лучезарной,

наисчастливейший улыбкой. Чего скалится без конца? Мало Генриха Эдуардовича с его психическими отклонениями, так ещё и демон неадекватный.

Это может и странно, но сильного волнения не было. Присутствовала уверенность, Лиза сделает все, чтоб мы выбрались. Да, изначально машины не было в плане. Ну, так ничего страшного. Пока не хватились, что возле подвала валяется фриц, можно не переживать. Документы у девчонки по-любому есть. Фон Бок ее точно не с пустыми руками, на честном слове отправил. Да и я все же на этот раз решил немного укрепить наше положение. Успел таки добежать до спящего немца и прихватить с собой автомат, который теперь лежал за одним из угольных мешков. Надоело шляться без оружия. То свои не дают, то фашисты отбирают. Из Москвы то я выехал с «браунингом». А очнулся уже без него. Конечно, фрицы захапали. Но сейчас оружие в любом виде не помешает.

Машина выехала с территории немецкого штаба и, набирая ход, направилась к выезду из города. Вокруг, конечно, все говорило о недавно прошедших боях. В темноте полуразрушенные дома смотрелись, как декорации старого фильма о войне. Мне кажется, фрицы выбрали тот комплекс, где мы находились несколько дней, не только из-за его удобного расположения и большого количества зданий, но и потому, что он удивительным чудом остался цел.

Глава 20

Как водится, и соответственно всем законам подлости, проблемы начались сразу, как только мы подъехали к тому пропускному пункту, организованному немцами, через который был ближайший выезд из Калинина. Где-то очень далеко сверкала зарница и грохотали глухие взрывы. Так понимаю, линия боёв сдвинулась в сторону Москвы.

Мы подъехали к полосатой будке, раскрашенной черно – белым цветом. Шлагбаум был опущен. Рядом отирались четверо фрицев. Плохо разбираюсь в их знаках отличия, но один точно является офицером.

От пропускной кибитки в обе стороны тянулись «ежи» с колючей проволокой. Не объедешь, факт. Если что-то пойдет не так, прорываться лишь по главной дороге. У солдат за спиной ружья. Рядом с будкой есть, как минимум, один пулемет. Нет, надо, чтоб все прошло тихо-мирно.

Офицер подошёл к кабине со стороны Мацкевича, но тут же на улицу выбралась Лизонька. Она мило улыбалась и очень бодро щебетала на этом отвратительном на мой вкус языке. Честно. Дело даже не в том, что им пользуются фашисты. Просто вот режет слух и все тут. Я и французский, честно сказать, не очень. Эти гавкают, те картавят через букву. Но от блондиночки, надо признать, немецкий звучал не так грубо. Она что-то вдохновенно поясняла офицеру, тот ее внимательно слушал. Черт, как же хреново, что не понимаю ни слова.

В итоге своей речи девчонка достала из кармана пальто бумаги. Предполагаю, те самые пропуска. Фриц их внимательно изучил, кивнул, а потом направился к кузову. Ну, ожидаемо. Я уселся на крайний мешок, кутаясь в пальто Мацкевича, хотя до этого выглядывал через бортик. Теперь все в руках девчонки. Хоть спать она его уложит, хоть просто прибьет.

Как только немец подошёл ближе, рядом нарисовалась Лизонька, которая вдруг заговорила со мной, будто я дурачок. Но хотя бы на родном языке.

– Не бойся, Иван. Этот человек просто хочет посмотреть, что у нас в машине. Не нервничай. Все хорошо.

При этом ее улыбка была такой, словно она беседует с полным психом. Судя по взгляду и выражению лица девчонки, меня таким и представили в этой истории. Она снова обратилась к офицеру на немецком, качая головой. Вот даже понимать не

нужно, чтоб сделать вывод, что сейчас фрицу рассказывается о каком-то местном юродивом, которого, от греха подальше, посадили в кузов, чтоб он нормальным людям не мешал. Интересно, но Марта, которую, я так понимаю, тут должны знать, если не все подряд, то хотя бы многие, не просто так же она с руководящим составом отирается, показываться из кабины не спешила.

Немец посмотрел на меня с любопытсвом. Как на диковинное животное. А потом поднял с земли палку, валяющуюся рядом, и натурально концом ткнул в меня. Господи, что блондиночка ему там наплела, интересно. Будто я не просто псих, но ещё и буйный? Но все же, одна мысль подтолкнула к тому, чтоб подыграть Лизоньке. Естественно, когда они все четверо появились во дворе, она скорее всего, поняла, что вернуть священника обратно я точно не мог. Не для того тащил на себе. В машине появились мешки. Если сложить одно к другому, то становится понятно, куда делся товарищ Алексей. Видимо, блондиночка сейчас делает всё, чтоб у немецкого офицера не возникло желания лезть в кузов. Светиться своими способностями она не хочет. Да и сложно это, согласен. Впереди так-то стоят вооруженные люди, которые нет-нет, но смотрят в нашу сторону. Поэтому на момент, когда фашист второй раз ткнул палкой, я сорвался с места и кинулся на бортик, изображая дикое стремление загрызть его. Тот весело заржал в ответ. Видимо, чего-то подобного и ожидал. Лизонька развела руками, а потом запричитала снова. Опять же, так понимаю, фон Бок, дав пропуска, не обозначил там, будто группа сверхсекретных товарищей отправляется на сверхсекретное задание. Тоже, между прочим, немаловажный факт. Генерал будто не сильно хотел светить цель мероприятия, как и ее членов. Судя по всему, придумана какая-то важная причина, и именно о ней сейчас талдычит фрицу девчонка.

Ну, вот, собственно говоря, именно в этот момент и случилось то самое «что-то пошло не так». Вдалеке, со стороны откуда мы приехали, раздались выстрелы вперемешку с криками. Фриц сделал стойку, моментально отскочив от блондиночки, и глядя туда, откуда доносился шум. Похоже, удача решила, достаточно с нас. Теперь пропуск их командующего мало поможет. Как ни крути, но за мешками валяется человек, которого там быть не должно и пропажу которого сейчас обнаружили.

Но меня удивила девчонка. Серьезно. Как удивила… Я просто охренел. Она вдруг вытащила из кармана пальто, красивого такого, приталенного, с меховой оторочкой, пистолет и, не

сомневаясь ни секунды, выстрелила в немца, который от веселой легкомысленной особы подобного пердимонокля не ожидал. Потом Лизонька гаркнула во весь голос «Генрих, гони!» и подскочила к бортику, протягивая мне руку. На автомате я ухватил ее запястье, дёрнув изо всех сил блондиночку на себя. В итоге, она буквально залетела наверх, упала не меня, а так как я столь активных действий не ожидал, то и напрячься не успел. Мы завалилась назад, на мешки. Тем более, что Мацкевич на удивление оказался не только послушным, но и с отличной реакцией. Машина сорвалась с места так, будто это не грузовичок военного времени, а участник ралли «Париж – Даккар».

– Ты… его убила.

Это все, на что у меня хватило слов.

– Было бы лучше, если бы он нас убил?

Машину швырнуло в сторону. Лиза отлетела, ударившись боком о борт. Немцы, которые стояли впереди, естественно открыли стрельбу.

– Да твою ж мать! – Я сунул руку за мешок, вытаскивая автомат.

– Это «Шмайсер»? Дай! – Лиза быстро поползла на коленях ко мне, вырвала оружие, а потом вскочила на ноги, упав грудью на кабину, опираясь локтем, и совершенно профессионально выпустила очередь по мечущимся немцам, при том, что Мацкевич пёр без остановки, на таран. Шлагбаум слетел сразу же от первого удара. Для второго у нас и не было возможности.

Я быстро перекинул несколько мешков вперёд, создавая какую-никакую, но все же защиту, потом рванул девчонку вниз, заставляя ее лечь.

– Ты совсем больная?!

– Иди к черту! Сам дурак! За каким ты потащил священника?! Идиот.

Лиза перекатилась на живот, шлепнула ствол автомата сверху мешка и снова выпустила очередь.

– Отдай ружье папочке! – Я рухнул рядом.

– Нельзя. Придурок! У тебя святая вещь в кармане. Нельзя! Испоганишь все.

Лиза оттолкнула меня локтем, явно опасаясь, что отниму у нее «шмайсер», как она его назвала. Машину кидало на ухабах, и нас из-за этого мотыляло со страшной силой. Ко всему прочему, подключился пулеметчик а это было, ой, как нехорошо. К тому же, отчётливо слышался звук мотоциклов. Ну, естественно, боевые кони фрицев.

Не знаю, думаю, вряд ли бы мы ушли. Но в этот момент со стороны города раздался оглушающий взрыв. Столб огня

взметнулся вверх, озаряя окрестности будто днём.

– Склад боеприпасов. На наше счастье. – Крикнула Лизонька мне в ухо. Ветер хлестал по лицу и слова уносило в сторону.

– Ага. Думаю, у этого «счастья» есть конкретное имя. Бабка твоя, похоже.

Естественно, кроме Натальи Никаноровны сделать этого никто не мог. На «случайность» точно не спишешь. Похоже, бабуля не подвела и сотворила то, что очень сильно отвлекло немцев от мчащейся по полям машины. А Мацкевич реально гнал вперёд, не глядя. С главной дороги он ушел сразу же. Теперь мы просто неслись по буеракам и замёрзшим комьям грязи. Учитывая, что совсем недавно здесь шел бой, это была не просто гонка по пересечённой местности, а самый, что ни на есть, аттракцион. Подкидывало так, что я пару раз практически прокусил язык. Лизоньку то и дело швыряло прямо на меня. Хоть бы священника не придавило мешками. Будет очень обидно, если с ним что-то произойдет непоправимое. Я ползком, потому как встать, даже на колени, не представлялось возможным, добрался до дальней стенки кузова и перегнулся через угольное заграждение. Алексей лежал на спине, хотя, укладывал его на бок, но при этом признаков жизни не подавал.

– Твою ж мать. – Подобрался ещё ближе и двумя пальцами нащупал сонную артерию. Сложно было определить наверняка, потому что условия явно не подходят для медицинского обследования, однако, скорее всего, вроде бы жив.

– Ну, что? – Девчонка, как и я, приползла, устроившись рядом.

– Да нормально, наверное. Если это применимо к ситуации. Странно, почему Марта не помешала Мацкевичу?

Спросил больше самого себя, чем Лизу.

– Потому что это личный приказ фон Бока. Любыми способами попасть в Москву, получить книгу и доставить ее генералу в руки.

– Он играет на самого себя?

Лиза посмотрела на меня с сомнением, но потом все же ответила.

– Практически. Фон Бок изначально не был сторонником нападения на Советский Союз. И войной он недоволен. Геббельс же наоборот, за несколько лет до начала всего этого, – Лиза неопределенно махнула рукой, очертив в воздухе круг, – рассказывал о личных беседах с Гитлером, планах стереть с лица земли Москву и Ленинград. Несколько дней назад он сформулировал директиву, запретившую называть советских бойцов солдатами, чтобы простые немцы не сравнивали этих

«животных и чудовищ» с солдатами рейха. По крайней мере, фон Бок вспоминает это так. В Берлине и здесь, на фронте, есть небольшая группа людей из военных, которые хотели бы не просто изменить ситуацию в отношении войны, но и убрать самого Гитлера. Эта история тянется с 1938 года. Замешаны люди в вермахте, военной разведке. Их цель – отказ от агрессивной внешней политики Германии и завершение войны. Во главе заговорщиков – полковник Хеннинг фон Тресков, племянник фон Бока. Сейчас они действуют в штабе Группы армий «Центр» на Восточном фронте. Поэтому, как только объявился Мацкевич и потребовал передать лично Геббельсу о его готовности к сотрудничеству, Фон Бок был вынужден это сделать. Много свидетелей, во-первых. А во-вторых, на тот момент он ещё не знал о ценности Генриха для Гитлера. Теперь знает. В том числе о книге. От самого Мацкевича. Тот, не имея информации о расколе среди фашистского командования, сам все рассказал. Поэтому Марта – человек именно фон Бока. У нее есть конкретный приказ, она будет действовать соответственно ему. Даже если ради этого придется убивать своих же. Немецких военных, имею ввиду.

– Это все тебе рассказал генерал? – Я с недоверием посмотрел на девчонку. Выглядела она, конечно… Красивое пальто превратилось в половую тряпку, которая обтерла весь кузов машины, при том, что ещё вокруг лежали мешки с углем. Волосы растрепались и развевались на ветру. Лицо тоже было извазюкано то ли угольной пылью, то ли просто грязью.

– Да. Просто я могу… как бы это сказать… подтолкнуть человека, в принципе, любого, к откровениям. Кроме тебя. На тебя не действует.

– Это я уже понял…

Откинулся спиной на мешки и закрыл глаза, собирая мысли в кучу. Итак, что мы имеем. Непонятного священника, с которым я очень надеюсь все же поговорить. Не менее непонятный крест. Сунул руку в карман и вытащил вещицу, отданную мне Алексеем. Совершенно обычный. Чуть больше стандартных размеров. На нем нет ничего. Вообще. Ни привычного изображения распятого сына божьего, ни каких-то символов веры. Просто гладкий деревянный крест. На толстой грубой верёвке.

– Что это? – Я протянул руку ладонью вверх, позволяя Лизе тоже видеть лежащий там предмет.

– Я не знаю. Честно! – Конечно, она сразу заметила мою реакцию и сурово сведенные брови. – Правда, не знаю. Бабушка сказала, очень нужная вещь. Мол, надо ее привезти в Москву. Крест должен быть там. Святость этой вещи так велика, что не сравнится с ней ничто. Сказала, будто у немцев в плену отец

Алексей. Он хранил крест до подходящих времен, а теперь эти времена настали. Поэтому нам надо было попасть в Калинин. И ещё сказала, будто отдаст он, то есть этот отец Алексей, святыню только тебе.

– Слушай… – Меня осенило. – Так это и не Тихонов вовсе решил отправить вас сюда за разведданными. То-то думаю, какое странное доверие. Выпустить двух представителей княжеской фамилии, потерявших родных из-за советской власти, из-под своего контроля. Это бабка твоя ему голову заморочила? Да? Или как оно у вас называется. Все же майор не пацан с улицы. Думаю, там психика более, чем устойчивая, как и мышление. Ты вряд ли бы смогла его столь сильно обработать, что он без сомнений отпустил вас за пределы Москвы, да ещё и к немцам. Уж не обижайся. Всяко Наталья Никаноровна сильнее.

Да уж. Хотел бы сказать Лизоньке, что она не просто сильнее, а вообще, в принципе, девчонке до нее, как пешком от Москвы до Парижа, но больше всяких необдуманных поступков совершать не буду. В этот момент машинально посмотрел в сторону лежащего за угольными мешками священника. Кстати, насчёт необдуманных поступков… Может ли факт того, что мы увезли данного человека от фрицев, повлиять на будущее? По идее, нет. В прошлый раз я конкретно не спас Василия, хотя должен был, но и дед сделал тоже самое. Ход событий изменила книга, отданная Тихонову и там же у него благополучно оставшаяся. Бабуля, помнится, начала рассказывать, будто дед после смерти друга ухитрился дьявольскую вещь у Тихонова забрать обратно и она, соответственно, в руки Берии не попала. По сути, выходит, на будущее повлияла именно книга. Поэтому сейчас спасение священника, по идее, непоправимых последствий иметь не должно. Он ведь человек. Крест мы забрали. Про эту штуку Наталья Никаноровна говорила, опять же, как про ту самую лазейку для белых. Остаётся, правда, вопрос. А что было бы, если бы я, в отличие от Иваныча, Василия спас? Война пошла бы быстрее? Меньше жертв? Сама же бабка-демон утверждала, мол, она все равно неизбежна. Голову сломать можно, честно.

– Если я спрошу про священника? Ты тоже ответишь, что не знаешь?

Лиза, которая примостилась рядом, так же облокотившись спиной о мешок, слегка повернула голову, чтоб видеть мое лицо.

– Не знаю, Иван. Честно. Клянусь. Сама про него услышала от бабушки лишь за несколько дней до того, как майор решил нас отправил к фон Боку. Говорю же, она сказала, будто отец Алексей в плену. Нужно быстрее забрать у него крест. Но отдаст только тебе.

– Ты даже не поинтересовалась, отчего столь странные перспективы? Я, на минуточку, чекист. Вырос в детском доме. С чего бы священнику сильно мне доверять?

– Спросила, конечно. – Лиза тяжело вздохнула, – Но нарвалась на грубость. Сам знаешь, какой она может быть.

– Знаю. – Помолчал немного, а потом задал вопрос, который интересовал меня давно. – Лиз, а как ты поняла, что особенная? Ну… просто ты живёшь в каком-то другом мире?

– Как? – Девчонка усмехнулась. – Сначала мертвых начала видеть. Ещё совсем маленькая была. Отец пришел первый. Помню, я спала в постели, соседка меня спрятала, и вдруг открываю глаза посреди ночи, а рядом папа. Обрадовалась, подумала, вот это сюрприз. Что там мне по годам то было… Даже мысли не возникло, будто он мертвый явился. Потом другие стали приходить. Вижу их постоянно. За тобой, кстати, всегда мужчина и женщина ходят. Мужчина, похоже, царский офицер. Форма такая. А женщина в красивом бальном платье. Их убили выстрелом в голову. След на лбу и у него, и у нее. Мужчина сильно на тебя похож. Или ты на него. Смотри сам.

Я отклонился в сторону повернувшись к девчонке лицом.

– Слушай, а сразу сказать нельзя было? Это что, получается, родственники?

– Ты не спрашивал, – Она неопределенно пожала плечами. – Думаю, родители. Похоже, на то. Помнишь, в детском доме твоя директриса рассказывала, когда ты был подростком, чтоб отстоять свое слово, мог кинуться в драку. Думала, сам знаешь, что корни у тебя дворянские, раз воспитание такое. Просто не хочешь афишировать. Все же в специальной школе учился, карьеру чекиста начал строить. Зачем столь важные и опасные подробности светить.

Я бестолково пялился на девчонку, не соображая, что сказать. Знаю? Ну, Иваныч, может, и знал. А я в шоке, мягко говоря. Выходит, дед голубых кровей, что ли? Неожиданный поворот. А родителей его, опять же, если верить словам Лизоньки, убили? Теоретически, большевики?

– Потом, когда смирилась с присутствием мертвецов, мы как раз к Фене попали. – Блондиночка на мою ошалевшую реакцию не отреагировала. Она рассказывала, будто погрузившись в себя. – Феня объяснила, что неупокоенные души приходят, потому что знают, я могу их видеть. Это, вроде, у нас семейное. Только… знаешь, с родной бабушкой, которую звали Лионелла, странная история получилась. Мы же сначала, когда сбежали от чекистов, вместе жили. Деревня рядом была совсем маленькая. Дворов, может десять – пятнадцать. И те, ну, вроде, как староверы. На

Урале это. А вокруг – леса такие, что одному лучше не соваться. Бабушка Лионелла в те годы была очень странной. Она будто в безумие впала. Я рассказывала. Учила меня этикету, языкам. Все говорила, что того и гляди, вернётся ее «светлый князь». Так она называла деда. Смутно его помню. А Феня аж зубами скрежетала при упоминании родственников с той стороны. Я пыталась разузнать, в чем дело, но она отказалась говорить. Единственное, сказала, кто дьяволу служит, тот с дьяволом и до последнего дня. А потом, как раз майор явился. Вообще не поняла, как он нас разыскал. Честно. Имена другие, много лет прошло. Феню никто бы из местных не выдал. Она, не смотря на то, что большевики крепко на ноги везде встали, лечила всех деревенских. Там каждый ей жизнью обязан. И роды принимала. Короче, им без нее совсем плохо было бы. А пришел Тихонов конкретно к нашему дому, который стоял почти в лесу. Так вот бабушка Лионелла, будто совсем обезумела за день до этого. Представляешь, как не глянет на меня, а у нее глаза черные. Прям совсем. И Фени, как назло, рядом не было. Он в деревню ушла лечить женщину. Горячка началась у той. И вот вот весь день ходила бабушка следом, улыбалась и смотрела так. Честно сказать, испугалась. Думала, Феню дождусь, так что-то делать надо. И ни одного мертвого вокруг. Так они обычно всегда, один – два бродили. Либо с погоста являлись, либо местных родственники. А это все пропали. Но Феня вернулась в тот момент, когда Тихонов уже в доме был. Дальше ты знаешь.

Девчонка замолчала, тоже уставившись в темноту. Да уж… Как говорила героиня старого мультфильма, все чудеса́тее и чудеса́тее. Ну, про родную бабку то понятно. Похоже, через нее Лизоньку Никаноровна разыскала. Слыхали мы про эти черные глаза да и сами лично видели. Феня, та, похоже, чуяла в родственниках княжеских вот эту связь со всякой нечистью. Она, связь, точно имелась, судя по всему. Княгиня Долгорукова различными мероприятиями подобного толка баловалась. Не зря же ее демон выбрал в качестве места жительства. Но если смотреть на всю картину в целом, как-то подозрительно мы все между собой связаны. Точнее, Иваныч. Теперь ещё и благородные корни вылезли.

– А сейчас как оно?

– Что? – Лиза тряхнула головой, прогоняя плохие мысли, а они точно были не радостными, и как-то грустно улыбнулась.

– Ну, сейчас ты же ещё у Натальи Никаноровны учишься.

– Есть такое. Но она больше рассказывает, как на людей влиять. Заставить мысли тайные рассказывать. Или уснуть, опять же. Знаешь, это все имеет объяснение, между прочим, даже с

научной точки зрения. Просто вам, обычным людям, оно кажется чем-то странным. Но смотри, вот в чем суть. У каждого человека есть определенное поле, его окружающее. Аура. Бабушка ещё иногда называет это странным словом «энергетика». У кого-то она сильнее, у кого-то совсем слабая. Вот когда я нахожусь рядом, то вижу ее. Ну, это как… не знаю. Как дымная оболочка вокруг человека. Но, к примеру, если смотреть на бабушку Наталью, она у нее прям черная, плотная. У обычных людей, будто правда дымом окутано. Что такое, все эти наши способности? Лишь от рождения более сильная аура. Ты вот разозлишься, например, скажешь человеку вслед, «чтоб ты сдох», а у человека энергетика мощнее, по сравнению с твоей. Так он, может, чихнет пару раз и все. А вот у кого слабее, тот конечно, не сдохнет, но проклятие какое-то отхватит. Ты же знаешь, например, материнские проклятия поэтому страшнее всего. Связь сильная с ребенком.

– А какая у меня? Ну… эта аура… – Я перебил девчонку, потому что вдруг понял, вопрос, который ей задал, может вполне быть важным. Чисто интуитивно понял.

– У тебя? Ее нет. Вообще. Никакой. И это очень странно. Когда только встретились, я потому и полезла на тебе проверять приворот. Думаю, как это так. А меня бабушка только научила видеть. И вдруг ты. А вокруг тебя ничего.

Наш разговор, который обретал столь интересно – волнительные формы, пришлось прервать. Хотя, внутри меня возникла четкая уверенность, иду в верном направлении. Просто раньше до подобных вопросов не додумался. Даже в голову не пришло бы. И в этом, как раз, была ошибка. Я пытался отвергнуть саму идею существования всей этой мистической лабуды. Но ведь дед правильно сказал. Все не так как кажется. Нужно просто посмотреть туда, где настоящее. Вот только, именно в этот момент, машина сбавила ход, а потом вообще остановилась. Мы достаточно далеко уехали от Калинина. Даже зарево пожара не было возможности рассмотреть, а полыхало там основательно. Такое чувство, что Наталья Никаноровна не просто склад с боеприпасами подожгла, но ещё и добавила от себя. Поэтому Мацкевич, видимо, решил, наконец остановиться и задать вопрос, который, я так подозреваю, волновал не только его, но и Марту. А именно: какого черта это вообще было?

Глава 21

– Что это? – Марта стояла возле кузова грузовика, рассматривая то меня, то отца Алексея, которого я подтащил к краю, обложив со всех сторон мешками. Ещё и приподнял ему голову, устроив священника так, чтоб было удобнее. Конечно, в состоянии, которое у бедолаги имелось, сильно это ничего не решало и моих усилий он бы не оценил. Просто труп-трупом. Выражение лица у эстонки было такое, будто перед ней не человек, а какое-то непонятное чудное чудо.

– Лучше перефразировать вопрос. Кто это? Так более уместно. – Очень, наверное, ни к месту поправил дамочку.

Марта одарила меня выразительным взглядом, и он реально был чрезвычайно выразительным. Говорящем о многом. Переводчица словно молчаливо спрашивала, не идиот ли я.

– Иван, в данном случае не принципиально, как выглядит моя фраза. Гораздо важнее ее суть. Поэтому спрошу ещё раз. – Дамочка в третий раз посмотрела на меня, вздохнула, а потом все же исправилась, ткнув пальцем в священника. – Кто это?

– Отец Алексей. – Ответил я совершенно честно с искренним желанием прояснить ситуацию. Невозможно соврать, если сам ни черта не знаешь.

– Та-а-ак… И? – Марта вопросительно поняла одну бровь.

– И все. – Развел руками в ответ. Опять же, бóльшей информацией не обладал сам.

– Потрясающе… – Она покачала головой и отошла в сторону. Видимо, мои ответы, а точнее их бестолковости, ставили ее в тупик.

– Почему он здесь? – Решил теперь уточнить детали Мацкевич. Прямо игра «Что? Где? Когда?» у нас выходит. Господа, черный ящик в студию. Правда, сам ведущий понятия не имеет, какая хреновина находится внутри.

Мы стояли посреди небольшого леска, где Генрих Эдуардович остановил наш грузовичок. Как только они с Мартой выбрались наружу, сразу накинулись с вопросами. Самый главный, какого дьявола было нужно немцам от нас. Особенно бесновалась дамочка.

– У тебя же все документы впорядке. – Накинулась она в первую очередь на Лизоньку.

– Правда? – Девчонка моментально взвилась на месте, словно ей возжа под хвост попала. – У меня то, да. Все в порядке, и

документы, и с головой, а вот у кого-то явные проблемы с последним. Так что, не́чего валить все в кучу. Ивана спрашивайте, по какой причине нас чуть не расстреляли на выезде. В произошедшее – его рук дело.

Пришлось признаться и Мацкевичу, и Марте, что наша компания на одного человека больше, чем планировалось, а затем продемонстрировать им священника.

– Подожди… – Переводчица, которая отошла в сторону, видимо, дабы успокоиться, резко развернулась и снова приблизилась к машине. – Ты хочешь сказать, что украл пленного? Серьезно? Просто по своему желанию, глупости, внезапно случившемуся приступу идиотизма, выбирай, что нравится, взял этого человека из-под носа караульного и потащил его с собой? Иван, ты скажи, у тебя правда, с головой все в порядке?

Что-то мне подсказывало, ответ ожидается вовсе не положительный. Поэтому и отвечать не стал.

– Зачем тебе священник? Его арестовали за то, что он во время службы говорил нелицеприятные вещи о немецком командовании вообще и фюрере в частности. Он даже не коммунист, не политработник, не военный. Церковник. – Марта искренне не понимала моих мотивов.

Ну а я, к сожалению или к радости, не мог их объяснить. Потому как в этом случае пришлось бы рассказывать все, начиная от креста и разведданных, заканчивая бабкой, в которой сидит самый натуральный демон. Представить не могу реакцию эстонки, узнай она истинное положение вещей.

– Есть у нас, у русских традиция, при побеге из плена брать с собой священника. Примета плохая, если оставишь батюшку за спиной.

Марта несколько минут молча смотрела на меня, а потом сделала вывод.

– Издеваешься. Ну, ладно.

Она снова отошла в сторону, достала из кармана портисигар, спички и закурила. Сдается мне, количество людей, желающих при первой возможности бить Иваныча по голове, становится все больше и больше. По крайней мере, тот взгляд, который Марта кинула напоследок, однозначно не являлся признаком любви и симпатии. В таком случае современные люди ставят статус в социальных сетях «Все сложно…»

– И что делать с ним? – Громко, чтоб наверняка слышала дамочка, спросил Мацкевич, а потом, наклонившись близко-близко, зашептал обдавая горячим дыханием мою щеку. – Это с книгой связано? Да? С книгой? Священник нам нужен? В книге

дело? Верно?

Я отстранился, испытывая дикое желание втереть кожу в тех местах, где Мацкевич чуть ли не касался ее губами. Гадость то какая…

– Вы… так близко не надо… Нарушаете мое личное пространство. Да, с книгой.

По сути, проще подтвердить Генриху Эдуардовичу его домыслы, чем объяснять, в чем он ошибается. Ситуация та же. Правду не скажешь.

– Я так и подумал. – Мацкевич довольно хихикнул, а потом хитренько подмигнул. – Это жертва? Да? Церковник в роли жертвы… О-о-о-о-о… Какой ты, Иван…

Меня аж передёрнуло от мысли, что этот псих себе представил. Да уж. Крыша у него потекла капитально.

– На самом деле, – Подала голос Лизонька, стоявшая рядом, – Дальше, что делать? Мы не довезем его в таком состоянии. Это я точно говорю. А могла бы, между прочим, помолчать…

Девчонка многозначительно сделала паузу. Мол, смотри, какая молодец. Искренне и честно хочу помочь.

Ох, не знаю… У меня складывалось уже ощущение, что все вокруг против нас с Иванычем, имея основной целью какой-то вселенский заговор.

– Значит нам нужно сделать так, чтоб ему стало лучше. – В предыдущих словах Лизоньки, конечно, был смысл, собственно говоря, из них и сделал озвученный вывод.

Судя по всему, Алексея достаточно сильно избили. Возможно, не единожды. Неизвестно, вдруг в наличие имеется внутреннее кровотечение или ещё что-то хуже. Но и где взять врача посреди полей, не представляю. Попробуем рывком, без остановок, добраться до Москвы в расчете получить помощь там, скорее всего, и правда, привезём труп. А это совсем не является целью, ради которой я вытащил его из фашистских лап. Мне обязательно нужно поговорить с Алексеем. Тем более, теперь. После того, что рассказала девчонка. Есть очень большое подозрение, данный человек знает что-то о прошлом Иваныча. Возможно, о его детстве, родителях, но главное, о том, почему все события вертятся вокруг деда. Уж точно крест предназначался деду в итоге каких-то определенных его особенностей.

– Немцы ушли вперёд. Они двигаются достаточно бодро. Можно только надеяться, что по дороге нам попадется какая-то деревня или село. Там появится шанс немного его… – Лиза замолчала, подбирая слова.

Рядом находился Мацкевич, при котором она не хотела называть вещи своими именами и тем более, говорить о своих

возможностях, а я так понимаю, речь шла именно об этом.

– Имеешь ввиду, дать ему шанс хотя бы прийти в себя и осмотреть травмы более подробно? Ты ведь разбираешься в этом. – Решил прийти девчонке на помощь, подсказать более-менее подходящий вариант, который удовлетворит и Мацкевича, и Марту.

Однако, Эстонка, услышав мои слова, тут же подскочила снова ближе к нашей компании, которая стояла рядом с кузовом машины, изучая лежащего там человека в шесть глаз. Будто консилиум, честное слово.

– Мы торопимся! Любая задержка недопустима. – Рявкнула переводчица приказным тоном.

– Замечательно. Ну, вот и поторопимся найти деревню. Там разберемся тогда на месте. Лиза осмотрит нормально нашего неожиданного спутника. Но прошу очень хорошо запомнить и понять, без этого человека я не пойду никуда. Ясно? Ни для кого не секрет, что немецкому командованию требуется книга. Где она, известно лишь мне. Если Вы, фрау или госпожа, как там правильнее, Марта, желаете выполнить распоряжение фон Бока, отправившего Вас с нами, то, соответственно, не нужно указывать, как, с какой скоростью и куда мы пойдем. Понятно говорю?

Эстонка молча смотрела мне в глаза. Судя по сцепленным зубам ей хотелось сказать очень многое, но приказ, есть приказ. Он у нее конкретный.

– Вот и чу́дно. Садитесь в кабину, я поеду с Алексеем. За ним нужно присматривать. Одного оставлять никак нельзя.

– В деревне, даже если нам такая попадется, могут быть части немецкой армии. И скорее всего, будут. Думаете, их не оповестили о сбежавших из Калинина людях? Раз уж говорим откровенно, думаю, тебе, Иван, вполне понятно не только то, что командованию нужна эта книга, но и то, что я не имею официального статуса, находясь с вами. Контроль, да. Вы, русские, отличаетесь крайней степенью идиотизма, когда это касается каких-то ваших патриотических чувств. И вас, например, в Москве может внезапно посетить мысль, что отдать нужную Федору фон Боку вещь – ошибка и поступление. Вот я должна уберечь от подобных глупых мыслей. Но при этом, если встанет вопрос у встреченных нами немцев, а какого дьявола мы вообще делаем, сказать о важности миссии права не имею. Ибо это весьма чревато плохими последствиями. Всем нам. То, что данные беглецов, то есть наши, переданы, я вам гарантирую, потому как наглядно вмешаться в такой ход событий даже генерал не может. Тем более он. Слишком много глаз и ушей. На кону не только его

карьера, но и возможно, жизнь.

– Вполне Вас понимаю, фрау Марта. Но мы попробуем найти деревню. Нужна совсем немного времени, уверяю. Потом – Москва.

– Я скажу наверняка, будут ли в том месте, которое нам попадется, военные, способные причинить вред. – Добавила Лизонька.

Девчонке, кстати, Марта сильно не нравилась. Я видел это по слегка кривившимся губам, когда она смотрела на эстонку, и по тому, что одна бровь чуть приподнималась, будто видела перед собой Лизонька не красивую женщину, переводчица несомненно была красивой, а какого-то навозного жука.

Марта с иронией отнеслась к словам блондиночки. Очевидно, неприязнь была взаимной. Ох, уж эти девочки… Мне кажется, во всех женщинах изначально имеется дух соперничества. А если встречаются две сильные, привлекательные особы, так вообще, словно две ядовитые змеи пересеклись на одной дорожке. Того и гляди, пустят яд друг в друга.

– Отлично. Значит, коллективным решением мы пришли к единственному правильному варианту ближайших действий. Генрих Эдуардович, возражения имеются?

У Мацкевича не имелось ничего, ни возражений, ни адекватности. Он смотрела на священника воспалённым, сверкающим взглядом и периодически облизывал сухие, потрескавшиеся губы. Чисто маньяк, отвечаю. Он будто мысленно разделывал несчастного Алексея на составные части, получая от этого воображаемого процесса сильное удовлетворение. Тем более, для Гериха священник являлся этапом пути к вожделенной книге.

Я, честно говоря, начал уже опасаться этой вещи. Просто… Василия она довела до самоубийства, Мацкевича превратила в откровенного психа. Невольно запереживаешь, что она у Берии. Черт… Ещё же надо придумать, как ее вырвать из рук Лаврентия Павловича. Хотя тут, думаю, рассчитывать приходится только на Тихонова. Как бы то ни было, по предыдущем опыту, понятно, майор вполне себе нормальный мужик. Особенно по сравнению с остальными.

– Ладно… дамы и господа, товарищи и фрау. Пора ехать. От нашего стояния посреди россейских полей ничего не изменится.

Я полез в кузов, а троица в лице Мацкевича, Марты и Лизы в кабину. Было опасение, что блондиночка заартачится и откажется ехать бок о бок с эстонкой. Всё-таки градус напряжения между ними хоть и медленно но, весьма заметно рос. Однако, Лизонька вела себя хорошо. Это радовало. Я бы не хотел надолго оставлять

безумного Генриха наедине с Мартой, которой не доверяю от слова «совсем». Тот момент, что блондиночка находится рядом, не даст хитрой эстонке, а данная особа прибалтийских кровей явно не дура, наладить близкий контакт с Мацкевичем. Как там говорят? Разделяй и влавствуй? На мировое господство не претендую, но все же тактика отличная.

Уселся рядом с лежащим на полу кузова священником, подоткнул вокруг него получше тулуп. Машина тронулась с места, но, к счастью уже не мотыляло так, как во время нашей сумасшедшей гонки. Снова задумался обо всех обстоятельствах. Ну, и, конечно, что греха таить, в первую очередь, о Лизоньке. Вот тебе и девочка с секретиком. То, как она повела себя в критической ситуации, реально подкупало. Не испугалась, не разрыдалась, не кричала «помогите», не пряталась за спины товарищей. Наоборот, можно сказать, встала плечо к плечу со мной. Настоящая боевая подруга. В груди как-то горько защемило. Просто… ведь это все временно. Имею ввиду, Лиза в моей жизни.

Рано или поздно, а я надеюсь, что рано, вернусь к себе. В свое время, в свое тело. Она останется здесь, с Иванычем. Твою мать… Какая же муторная мысль. Радует, что хотя бы не она моя бабка. Помнится, соседка рассказывала о какой-то Алевтине, ставшей супругой Иваныча. Вроде, именно та была матерью их единственного сына. Правда, это в изменившейся реальности. Но, я надеюсь, в прежней все так и было. Вся вот эта тема с родственными связями, не дай бог. Но вообще, конечно, вернусь обратно, обязательно постараюсь выяснить о семейной жизни Иваныча. Должна же она быть. Точно отца не аист принес. Что там с этой Алевтиной? Куда делась?

И вот что, выходит. Я могу пускать слюни на Лизоньку сколько угодно, однако, у нас нет будущего. Это факт. Не имею возможности остаться здесь. Это погубит деда совсем. Как, просто живое существо. Бабка-демон же говорила про душу и все такое. Забрать блондиночку к себе? Опят же, неосуществимо это. Да и в новой реальности она сильно изменилась.

Мысль замедлилась, открутилась назад, а потом снова пошла на повтор. Изменилась… Черт. А ведь девчонка в том, советском будущем, дожила до современности. Уж не знаю, как, но тем не менее. Соответственно… Соответственно, в моей настоящей жизни она тоже, выходит, может быть. Просто нужно ее найти!

Я разулыбался от посетившей меня идеи. Просто сидел, как дурак, в кузове военного грузовика рядом с полутрупом человека, которого надо спасти в любом случае, и улыбался. Честно. Потому что, выходит, есть шанс. Да. Вернусь обратно, начну

розыски. В конце концов, мент я или нет? Что ж, не смогу найти одну единственную особу? А вот потом… Дальнейшие размышления были настолько неожиданными, что прибалдел от самого себя. А потом я женюсь на блондиночке. Отвечаю. Если разыщу, точно женюсь. Хотел ведь семью. Ну, вот же! Несомненно, таких, как Лизонька уже давно не делают. Это штучный вариант, коллекционный. Из тех времён, когда женщины действительно были настоящими, правильными. Способными на поступки. Потому как, да, мужская тема – быть решительным. Но женская – в нужный момент стоять рядом.

Жена-ведьма… А что? Вполне интересная история выйдет. Скучать точно не придется.

Не заметил, как задремал. Машина раскачивалась ме́рно, поэтому голова сама упала на грудь, и я провалился в тягучее небытие. К счастью, снов не было. А то ещё над этим голову ломай. Скорее всего, весьма энергичный отъезд вымотал организм настолько, что он просто предпочел отключиться. Очнулся в момент, когда грузовик дернулся пару раз, а потом остановился. Я резко вскинулся. На улице светало. Сколько мы ехали, интересно? Точно не час и не два. Вот это я поспал.

Рядом в той же позе лежал отец Алексей. Поднялся на ноги, опёрся о кабину и осмотрел окрестности. Чуть в стороне шла широкая сельская дорога, а ещё дальше виднелись дома. Не очень много. Даже быстрее мало. Может, штук двадцать, может, тридцать. Утро было влажное, хотя, в последнее время стояли очень сильные холода. Похоже, предстоит потепление и дожди.

Дома, видневшиеся впереди, окутывал дымный туман. Он клубился по земле рваными кусками. Дверь кабины хлопнула и в зоне видимости появилась Лиза.

– Что скажешь?

– Скажу, что не чувствую опасности. – Девчонка сразу поняла смысл моего вопроса. – Это удивительно, но деревня маленькая, ее будто обошли бои стороной. Не знаю, почему, однако, это место ухитрилось проскочить сквозь зубья немецкой мясорубки.

– Точно?

Лизонька тут же надулась, демонстрируя зарождающуюся обиду. Как это так. Сомневаются в ее профессиональной оценке ситуации.

– Ну, хватит. Сама понимаешь, что на кону. Просто уточняю. Интересно, сколько до Москвы? Если проведем здесь день и выедем в ночь… Как думаешь?

– День, это хорошо. Смогу немного подлечить отца Алексея. Там, глядишь, в ночь выдвинемся, как ты и говоришь. Местные подскажут направление.

– Хорошо. Сообщи Мацкевичу, пусть едет к деревне. И… Лиза…

Девчонка уже хотела вернуться в машину, когда назвал ее имя.

– Я тебе верю.

Она замерла, а потом подняла взгляд. Между нами что-то происходило в этот момент. Не знаю, что. Не могу объяснить словами, но все оригинальные мысли, которые клубились в голове перед тем, как заснул, сейчас показались мне однозначно правильными. Моя женщина. Это – факт.

Лиза кивнула, так ничего и не сказав, а потом полезла обратно внутрь машины. Грузовик снова тронулся вперёд. Я по-прежнему стоял, опираясь о кабину, чтоб лучше видеть, кто и как нас встретит. Автомат находился у девчонки, она сунула его за сиденье, ещё когда мы отправились в дорогу после бурного обсуждения сложившихся обстоятельств. На крайний случай, сообразит, что делать. Теперь уверен точно.

И нас реально встретили. С вилами. Честное слово. Дедуля, лет восьмидесяти, рядом с которым стоял подросток. Прямо на въезде в деревню.

Мацкевич затормозил, а потом вырубил двигатель.

– Здравствуй, отец! – Улыбаясь, крикнул приветствие, и поднял руки. Пусть видят, что в них пусто. Слишком уж лица решительные у обоих встречающих. Наверное, услышали звук подъезжающего грузовика. Сейчас глубокая, отдающая эхом тишина. Вполне ожидаемо, что местные вышли посмотреть. Удивительно, в каком составе.

Вилы, конечно, мощное оружие, однако, против любого огнестрельного, даже рассматривать смешно. Но вот старик, похоже, считал иначе. Смотрел настороженно. Внимательно. «Устрашающее» сельхозорудие держал наперевес. Честно говоря, такое ощущение, если дернусь, метнет его, как Аквамен свой трезубец.

– И здоровее вида́ли… – Протянул дедуля. Пацан, стоявший рядом, вряд ли старше тринадцати, медленно вытащил из кармана рогатку. Ну, все. Капец нам. Подготовились серьезно. Еле сдержал смешок. Негоже обижать людей.

– Отец, у нас тут человек, который нуждается в помощи. У вас ничего не просим, но нам бы до вечера перебыть. Умыть его надо, осмотреть. Если очнется, покормить немного. Совсем чуть. Для поддержания сил. Там, в кабине, – Стукнул пару раз по крыше. – Две женщины и водитель. Одна из них – медсестра, можно сказать. Пропустите в деревню?

– Пропустить то можно. Не боишься? Вдруг фрицы в засаде? –

Дед ни на каплю после моих слов не расслабился. Наоборот. Взгляд стал ещё более собранный.

– Не думаю. Иначе ты бы, отец, не вышел навстречу с вилами и вон… – Махнул рукой в сторону пацана, – С таким напарником серьезным. Думаю, деревня слишком маленькая. Если и прошли немцы, то просто забрали, что могли. А делать им тут больше не́чего. Ну, каков будет ответ? Приймите нас до вечера?

– Не знаю… – Старик посмотрел на стоящего рядом подростка, кивнул ему, велев этим жестом оставаться на месте, а сам пошел к грузовику. Приблизился, а потом заглянул в кузов. – Ох ты ж… Отец Алексей… Кто его так… А… Ерунду сказал.

– Знаешь его? – Я с удивлением уставился на старика. Вот это номер, однако. И не верь после таких совпадений в судьбу.

– Конечно. Известный человек. Добропорядочный. Удивительно чистый. На его службы многие с района ездили. Особенно, когда фрицы напали. Раньше то, до войны, не приветствовалось все это… Ну… ты понимаешь. А вы где нашли то батюшку? Что-то худо совсем ему.

– О чем и речь, отец. Где нашли, его теперь уже, к счастью, нет. А вот помощь очень требуется.

– Хорошо. Езжайте. Последний двор. Там остановитесь.

Старик развернулся и пошел к пацану.

Глава 22(1)

Деревня была, можно сказать, бедная. Хотя, кто я такой, чтоб разбираться в сёлах времени Великой отечественной войны. Просто привык к современности. Там, хоть даже не в самом густо заселенном месте, один хрен дома со стеклопакетами. А тут, стояли беревенчатые избы, будто вросшие в землю, низкие и какие-то печальные.

Вдоль улицы, по которой мы ехали, даже не бегали куры или не кружились хотя бы кошки. А это, на секундочку, постоянный атрибут сельской атмосферы. Похоже, всё-таки немцы поживились. Ну, не может быть деревня без хозяйственной скотины в любом ее виде. Хоть пернатой, хоть хвостатой, хоть хрюкающей или мычащей.

Колодец на глаза попался вообще один. Единственный на всю деревню, что ли?

Последний дом был не хуже и не лучше остальных. Такой же серый, такой же унылый.

Во дворе нас ждала женщина, лет тридцати пяти. Старик открыл калитку, висевшую криво на петлях, которые, похоже, отслужили свое, и пацан сразу подбежал к матери. Их родство было очевидным.

– Александра, принимай гостей.

Женщина с удивлением посмотрела на старика. Она такого поворота событий точно не ожидала. Здесь явно не рады никаким гостям.

– Да нормально… – Старик махнул рукой. – Беглые, похоже, хоть изображают из себя дельных. Отца Алексея привезли. Две бабы и два мужика. Не волнуйся.

Я разглядывал эту семью с искренним любопытством. Женщина была одета в длинную юбку, ватник и калоши. На голове повязан платок, узлом назад. Она, наверное, была бы даже красивой. Темные брови, черные, длинные ресницы безо всякого намека на косметику, выразительные, напоминающие оленёнка Бэмби, карие глаза. Яркая внешность, естественно привлекла мое мужское внимание. Однако, при этом, Александра смотрелась, словно старая фотография. Будто краски с нее стёрлись немного, сделав изображение блеклым. А ещё во взгляде – ужасная, несоизмеримая тоска и усталость.

Пацан то и дело подтягивал штаны, которые норовили с него упасть. Оно и понятно. Явно не подростковая вещь. Со взрослого

мужика сняты. Ботинки были тоже громоздкими и больше размера на два. На голове – кепка. Сверху такой же, как у матери, ватник.

Дед же вообще напоминал мне иллюстрацию из старой детской книги к сказке про золотую рыбку. Идентичный запомнившемуся рисунку, курносый нос, длинная козлинная борода, шапка с отворотом, сдвинутся на затылок.

Дверь кабины грузовика открылась и на улицу выбралась сначала Лиза, потом Мацкевич с Мартой.

– Здравствуйте. Проходите, пожалуйста, в дом. Не стесняйтесь. Мы не очень богаты разносолами, но что-то сейчас придумаем. – Александра посторонилась, пропуская гостей, а я немного растерялся.

Опять же, не являюсь знатоком деревенской жизни, но вот говор ее точно был очень далек от сельского. Манера произносить слова, строить предложения, однозначно свидетельствовала о том, что у кареглазой особы, как минимум, хорошее образование.

Пацан шмыгнул носом, в очередной раз поддернул штаны вверх, а потом, развернувшись, побежал к дому, откуда сразу же выскочил с двумя ведрами.

– Воды принесу. – Пояснил он, хотя, его никто и не спрашивал.

Дед подошёл к машине, в потом принялся помогать мне транспортировать отца Алексея в избу. В момент, когда я подхватил священника на руки, тот дернулся и тихо застонал. Ну, Слава богу. Жив. По крайней мере, сейчас ещё точно.

Александра тоже направилась к дому, указывая мне, куда идти.

Внутри оказалось три комнаты и кухня с настоящей печью. Хозяйка велела уложить Алексея на кровать, которая имела стальной каркас и, судя по всему, панцирную сетку.

– Извините за наглость, – устроив священника на постель, поверх покрывала, все же грязный ещё пока, сразу решил объяснить ситуацию, не тая, – Но можно нагреть воды? И там девушка, Лиза, она вроде… ну, можно сказать, врач. Ей необходимо осмотреть этого человека. Только… чтоб никто не мешал. Без свидетелей.

Александра с пониманием кивнула головой.

– Да, конечно. Сейчас Тимофей принесет воды, нагреем. Корыто поставлю в кухню. Печь топится. Отчего-то проснулась сегодня и затопила. Сама не знаю, почему. Чувствовала, наверное, что понадобится. Мы теперь сильно дрова не тратим. Обмоем, а потом я уйду во двор. Мешать не буду, не переживайте.

Мацкевич с Мартой, появившись в доме, скользнули в одну из

комнат, а Лиза сразу направилась к лежащему на кровати священнику.

– Все, Иван. Дальше мы сами. – Девчонка сразу стала собрана, принялась по-деловому ощупывать его руки и ноги.

Я вышел на улицу, чтоб женщины могли заняться бедолагой. Пришлось в наглую прихватить телогрейку, лежавшую у двери. Хоть и стало сыро, что предвещало пусть небольшое, но потепление, все же в одной рубахе долго не погуляешь. А мой тулуп теперь был такой грязный, что им даже пол накрыть постесняешься. Не стал его брать из кузова.

Неподалеку от крыльца, на деревянной скамеечке, собраной явно своими руками, сидел старик. Он щурился, глядя на тусклое солнце, которое лениво пыталось сделать день ярче, и периодически оглаживал свою бороду.

Я оглянулся, в поиске чего-то подходящего, приметил пенёк, валявшийся рядом, подкатил его к деду и уселся рядом.

– Старостой являюсь. – Выдал вдруг хозяин, хотя вопросов с моей стороны вообще не было. – Александра – невесткой приходится. Тимофей, значит, внук. Из города приехали они. Как вот это все началось, так и приехали. А сына нету. Вроде, погиб, говорят. Похоронка пришла. Видишь, оно как… Много полегло. Ну, ничего… Отец Алексей – хороший человек. Из благородных. Так рассказывают. Уж не знаю, как его миновала судьба многих. У нас появился лет десять назад. Церковь одна была в городе. Там и начал служить. Так знаешь, что интересно…

Старик повернулся ко мне лицом. Взгляд у него был немного с хитрецой в этот момент.

– Сейчас то оно, конечно, лица его не разглядеть. Попортили основательно. Лицо человеку фрицы попортили сильно. Вот о чем говорю. Но вот ежели был бы здоров, поставить вас рядом, так один в один. Странно, да?

Глава 22(2)

Хорошо, что я уже сидел. Потому что, озвученное местным дедом, было очень неожиданно. Просто время каких-то удивительных откровений началось.

– Вы хотите сказать, будто отец Алексей похож на меня? Ну… то есть… я на него? А, черт. Не принципиально. Короче, мы похожи?

– Агась. – Старик довольно кивнул. Словно потрясающе отличную новость сообщил. – Одно лицо. Только ты помоложе малясь. Но вот коли вас рядом поставить, так и не отличить при беглом взгляде. Ты ж, наверное, его потому и разыскивал?

Я не ответил, таращась в пустоту. Что это, вообще, такое? Совпадение? Судьба? Или человек, лежащий сейчас в доме, мой, то есть Иваныча, родственник? Хотя, так то выходит, что и мой. Тут же вспомнилось счастливое лицо Натальи Никаноровны. Знала ли она? Да конечно! Не могла не знать.

– Так вот, что рассказываю тебе. Отец Алексей появился около десяти лет назад. Начал служить в храме. И служба у него… знаешь, даже простому, необразованному человеку понятная. Почему и тянулись люди. Вот отстоишь утреннюю или, там, вечернюю. Выходишь и прям на душе легко. Светло. Если исповедоваться приходилось, так прям будто с родной душой поговорил. И главное, рассказываешь, грехи то свои, а сам их тут же осознаешь. Видишь поступки иначе. Думаешь, да как же я сам не понял? Оно же вот, как на ладони. Удивительный человек. Эх… А чего он фрицам помешал?

– Говорят, во время службы поноси́л фашистов. – Я пребывал в состоянии прострации, если честно. Мысли метались из стороны в сторону, суматошно.

– Аа-а-а-а… это, да. Это он мог. За отчизну дюже всегда переживал. Знаешь, что говорил? Мол, неважно, кто у штурвала корабля. Красные, белые, синие… это наша земля, наша родина. Чтоб ей было хорошо, прежде всего надобно на себя смотреть. Вот ты, именно ты, – Дед вдруг с силой ткнул указательным пальцем мне в грудь, – Не сделай подлости. Даже в малом. Сегодня не сделай, завтра не сделай. А твой сосед, значит, так же. За собой чтоб следил. Свою чистоту помыслов пусть блюдет. И все. Сразу по иному заживём. А власть… Ну, что она власть. Ежели люди с умом и совестью, так они никогда этой власти ничего дурного и не позволят. Главное, же, как? Что внутри у тебя. Она и вера.

Сколько в храм не ходи, поклоны не бей, но коли в помыслах да поступках грешен, так что толку от твоих поклонов. Это, кстати, тоже отец Алексей говорил. Поначалу то все удивлялись. Он же не столько о боге, сколько о человеке. Мол, бог, он в каждом из нас. Хочешь помолиться, так помолись. Хоть даже и не в церкви. Но только искренне. По своему желанию. Отбывать дань не нужно. Думать, что, вот я сейчас в церкви то свечей накуплю, лоб о пол разобью, и все. Боженька добрый, он простит. Ну, он то, может, и простит, а суть все равно не изменится. Вот так…

Дел вздохнул, а потом полез в карман. Вынул коробочку, открыл, достал сначала одну «самокрутку», потом вторую.

– Держи. Хороший табак. Мною лично посаженный. Ароматный, что летнее поле.

Я на автомате взял протянутую папиросу, спички. Закурил, глубоко втянув дым. Вкус, запах, и правда были непередаваемые. С одной стороны гораздо крепче привычных современных сигарет, а с другой – без противного привкуса табака, будто веник сожгли где-то рядом.

– Я ж тебя как увидел, издалека поначалу за него принял. Только как заговорил, понял, нет, не отец Алексей. А мы и не знали, что у него семья есть. Думали, нет совсем родных.

– Иван, Вас Лиза зовёт. – На пороге появилась Александра. Она была немного взволнована. – Только обмыли, а он очнулся. Даже странно. У Вашего доктора волшебные руки, честное слово. От бога, наверное.

– Угу. От бога, конечно. – Я с иронией подумал о том, что вот уж совсем данное сравнение не уместно. Если от кого-то все это есть, то к богу точно не имеет отношения.

Поднялся и пошел в дом. Видимо, Лизонька ухитрилась немного привести священника в себя.

Я нашел их все в той же комнате. Алексей лежал в кровати, только теперь гораздо более опрятный и чистый, хотя по-прежнему имел плачевный вид. Да уж. Лицо ему точно попортили, как сказал старик, прилично. На мужчине была старая, но свежая рубаха и штаны, гораздо длиннее положенного. Наверное, Александра дала вещи мужа, а тот значительно выше ростом. Рядом валялось лоскутное одеяло.

– Иван… – Заметив меня, он попытался улыбнуться, но вышло не очень. Говорил тихо, хрипло, чуть «западая» на некоторые буквы. Скорее всего зубов он имеет теперь гораздо меньше.

– Побеседуйте, я подышу воздухом. – Лиза, стоявшая на момент моего появления рядом с кроватью, приблизилась, провела мимоходом пальцами по моей руке, а потом направилась к выходу.

Я стоял, глядя не человека, который столь внезапно появился в моей жизни, и вообще не представлял, как себя вести. Просто сказать «привет»? Ну, мы не на вечеринке познакомились.

– Иди ближе. Посмотрю хоть на тебя. Был уверен, конечно, что ты жив, но и не надеялся на встречу. Выяснял, как сложилась твоя судьба. Когда узнал про детский дом, другую фамилию и специальную школу, не стал проявляться. Для тебя это было бы опасно. Но видишь, как сложилось. Ты нашел меня.

Не стал разочаровывать человека и сообщать ему о том, что если кого и благодарить за столь удивительное стечение обстоятельств, то, как ни странно, бабку-демона. Просто во взгляде Алексея была такое огромное счастье, у меня не хватило совести это счастье разрушить. Он искренне верил, будто Иваныч пришел за ним сознательно.

Я подошёл ближе и осторожно присел на краешек кровати.

– Ты… извини за этот вопрос. Может, он покажется тебе странным, но… мы родственники?

– Не извиняйся. Конечно, не знаешь. Маленький был совсем. Братья мы. Только я, естественно, старше. На десять лет. Тебя в 1927 забрали. Что там было то? Пятый год всего. Не помнишь ничего, да?

Я молча покачал головой. Вопрос этот задать нужно не мне, а деду. Сам бы с ним очень хотел потолковать.

– Ясно… Ну, ничего страшного. Раз так сложилось, расскажу все. Ты сейчас же Симонов. Верно? Симонов Иван Иванович. Я узнавал. Своей настоящей фамилии не знаешь? Да что глупости спрашиваю. Конечно, не знаешь. Давай так тогда… Уж про царскую семью то ты точно помнишь.

– Эм… Что именно? – Наша беседа очень напоминала путешествие по минному полю. Можно сослаться на плохую память, тяжёлое детство и даже природную глупость, но очень большое количество исторических фактов имеется, которые Иваныч должен знать в силу того, что является их современником. Не в глуши так-то жил. Да и служит, опять же, на Лубянке. А факт присутствия в его биографии этой специальной школы для разведчиков, однозначно подтверждает, с головой, памятью и разумом, у него все отлично. Проблема в том, что лично я, Иван Сергеевич Симонов, поклонником истории никогда не являлся и не знаю вообще ни черта. Кроме каких-то общеизвестных фактов о войне, например. Спасибо кинематографу.

– Об их гибели.

– Аа-а-а-а, – Выдохнул с облегчением. Это мы в курсе.

– Да. До сих пор не известно, где они и как это было. Но

Романовых убили, факт известный теперь уже. Среди людей, остававшихся с ними в Екатеринбурге, находился лейб – медик Евгений Сергеевич Боткин. Удивительный человек. Прошел Русско-японскую войну. Заведовал медицинской частью Российского общества Красного Креста. Был очень верующим. Знаешь… читал его письма с фронта. Да, имелась возможность. До этого тоже дойдем. Он писал, что потери и поражения армии – это результат отсутствия у людей духовности, чувства долга. Говорил, что не мог бы пережить войну, сидя в Петербурге, так нужно было ему ощущать причастность к беде России. Он не боялся за себя, был уверен, что его не убьют, если Бог того не пожелает. И, находясь на фронте, оставался верен своим принципам – помогать не только телам пациентов, но и душам. Даже раненных японцев лечил. Хотя ему это сначала было ужасно неприятно. Помогать врагу. Но все равно выполнял службу на совесть.

Он вернулся домой с шестью боевыми орденами, и в свете много говорили о его храбрости. Спустя два года умер действовавший лейб-медик царской семьи, доктор Гирш. И когда императрицу спросили, кого она хочет видеть на этом посту, Александра Федоровна ответила, Боткина. Так он занял свою должность. В 1910 Евгений Сергеевич развелся со своей супругой. Не буду на ней задерживаться. Она жива-здорова. Вместе с детьми от официально признанного брака, находятся за границей. Речь не о них. В жизни Евгения Сергеевича присутствовала женщина, которую он любил больше всего и ради которой разрушил отношения с супругой. Фрейлина Александры Федоровны – княжна Елена Александровна Ливен. Это и правда особая женщина. Была. Заведовала Смольным. Много сделано лично ею на благо отечества, но опять же, не это главное. Они так и не смогли сочетаться браком по множеству причин. Однако, у них был сын. Фамилию ему Евгений Сергеевич дал свою. Боткин Иван Евгеньевич. Мы к нему ещё вернёмся. Сейчас пока снова продолжу о лейб-медике царской семьи.

Евгений Сергеевич Боткин после Великой Октябрьской революции отправился в ссылку вместе с Романовыми. Даже там он проявил себя, как человек деятельный и небезразличных к происходящему. Поразительно, честное слово. Настоящий пример для подражания. Взял, к примеру, на себя роль посредника: просил пускать к семье царя священника, добился полуторачасовых прогулок, а когда от больного цесаревича Алексея отлучили его наставника Пьера Жильяра, писал в Екатеринбургский исполнительный комитет с просьбой его вернуть, играл с Александрой Федоровной в домино и карты,

читал вслух. Преподавал детям русский язык и биологию. Он даже открыл практику, ещё когда они были в Тобольске, и к нему обращалось множество больных. Все это я выяснил, изучая обрывки рассказов современников о нем. С Романовыми Боткин остался до конца. Понимаешь, да? По своему решению. Верность. Вот как могу назвать. Уверен, Евгений Сергеевич погиб вместе с царем и его семьёй, несмотря на отсутствие официальных данных. Сначала ведь вообще было объявлено об убийстве лишь Николая II. Потом стало известно, что Александра Федоровна, девочки и цесаревич… тоже. С ними находились ещё четверо. Вот лейб-медик, в их числе. Евгения Сергеевича убили. Но это, не конец истории. А ее начало. Не утомил?

Отец Алексей посмотрел на меня, хотя, быстрее, если кому и требовался отдых, так это ему. Человек только пришел в себя, а столько сил тратит на разговоры. У него на лбу даже выступила испарина. Я же немного был растерян. Во-первых, действительно, священник оказался братом деда. Во-вторых, дед – дворянин. Это точно. Надеюсь, сейчас начнется уже данная часть истории. В третьих, никак не ожидал, что вообще будут фигурировать Романовы. Я знал, конечно, об их убийстве. Эта тема достаточно долго и громко обсуждалась средствами массовой информации. Знал даже, в отличие от Алексея, как именно убиты. Но при чем тут Иваныч?

– Хорошо. Тогда продолжу. – Священник перевел дух, а потом снова заговорил. – Немного перейду на другую тему. Но ты поймёшь скоро, все связано. Российский императорский двор всегда считался самым богатым в Европе. Ценности Романовых – скипетр, державу, императорские короны, картины, фарфор было запрещено дарить, менять или продавать еще указом Петра I, изданным в 1719 году. Поэтому в течение почти двухсот лет царская сокровищница только пополнялась. Дому Романовых принадлежали поистине прекрасные драгоценности… Например, чтоб ты понимал уровень этого богатства… бриллиантовое колье с сапфиром стоимостью в 3 миллиона рублей, алмазные подвески в 5 миллионов. Стоимость изделий Фаберже представить сейчас не могу. Последние Романовы входили в число богатейших семейств мира.

И вот это богатство… исчезло. Остались лишь бриллианты, зашитые в одежды великих княжон и царицы, да ещё несколько десятков золотых украшений в трех небольших шкатулках. Сейчас уже известно, что часть ценностей были отобраны у семьи красноармейцами, а часть разворована прислугой. Но основные, бесценные сокровища Романовым удалось сберечь. Встал вопрос, где же они. Многие фрейлины давали показания о лично

виденных ими драгоценностях. По мере моих скромных сил, я пытался выяснить об этом. Причину объясню чуть позже. Поверь, благá и все это богатство мало меня интересуют. Не склонность к стяжательству двигала мной. Но вот со стороны чекистов, например, розыск шел именно по причине нужды в деньгах, которые можно выручить с вещей царской семьи. Это огромные деньги. Сам понимаешь. Думаю, поступив на службу в НКВД, ты что-то мог слышать. Тем более, в общей сложности розыск царских драгоценности длился без малого 20 последних лет.

Все началось с 1922 года. Случайно, можно сказать. Просто в тот год в стране началось изъятие церковных ценностей, якобы под предлогом крайней нужды народа. Тогда чекисты обратили свое внимание на Иоанновский женский монастырь в городе Тобольске. Во время конфискации церковных ценностей и допросов монашек по поводу спрятанных ими предметов культа, неожиданно выяснилось, что в монастыре находились и «романовские» драгоценности, переданные игуменье на хранение в 1918 году императрицей Александрой Федоровной. Игуменья… Фамилия у нее… Дружинина, да. Стало известно, она прятала царские ценности, но умерла во время ареста, не дав никаких показаний. Была уже немолода. Сердце не выдержало. Однако чекистам стало также известно, что тайну царского клада знала ещё одна монашка Марфа Ужинцева. Ее они разыскали только в 1933 году. На допросах она, помня о наказе игуменьи умереть, но не выдать тайну сокровищ, сначала молчала, но, в конце концов, рассказала все, о чем знала. Понимаю, что ты и сам сейчас служишь на Лубянке и, возможно, тебе это будет неприятно слышать, но твои братья по оружию умеют быть сильно убедительными. У Марфы, по сути, не стоял выбор. Она во всем призналась. После смерти игуменьи Дружининой, Ужинцева в течение долгих лет берегла царские сокровища, постоянно их перепрятывая. После того как монастырь закрыли, хранить там ценности стало небезопасно, и Марфа обратилась за помощью к бывшему тобольскому рыбопромышленнику. Корнилов, по-моему, его фамилия. Он спрятал драгоценности в дубовые бочонки и зарыл их под фундаментом своего дома. Из Тобольска Корнилов выехал в 1928 году и судьбой оставленных там царских драгоценностей больше не интересовался. Пока его не разыскали чекисты. Они заставили Корнилова указать точное место, где был зарыт клад. Так на свет божий попала самая многочисленная часть сокровищ царской семьи. Список найденных ценностей насчитывал что-то около 154 пунктов, среди которых были бриллиантовые броши, диадемы царских дочерей, кулоны, цепи, часы, колье, ожерелья, браслеты, кресты, подвески и еще

подобные изделия из драгоценных металлов, украшенные эмалью и усыпанные драгоценными камнями. Я знаю подробности, потому как имел возможность говорить с Марфой перед ее смертью. Исповедовал. В общей сложности нашли около восьми килограмм украшений, в числе которых алмаз в 100 карат и брошь в виде полумесяца, полученная Николаем II от турецкого султана к юбилею царского дома Романовых. Однако… каким бы ни был ценным найденный клад, это всего лишь часть спрятанных сокровищ. Многие, очень известные вещи, так и не найдены. Например, золотая шпага Николая II, украшенная бриллиантами, шкатулка с драгоценностями и корона императрицы. Однако дальнейшие поиски не приносили успеха. Свидетелей по делу допрашивали снова и снова, но клада так и не нашли. Следы, ведущие к сокровищам, раз за разом неизменно обрывались… Ну, а потом началась война и стало не до этого. Теперь… перейду к главному. Какое отношение все это имеет к нам. А ты понимаешь, я не просто так начал издалека и затронул историю драгоценностей Романовых.

Алексей замолчал, прикрыв глаза. Ему, похоже стало снова хуже.

– Погоди, я Лизу позову.

– Не надо… – Он поднял руку, останавливая меня, но она тут же безвольно упала на постель. Сил все же нет у него. – Дай воды только. Надо рассказать тебе все. Потом можно и отдохнуть.

Глава 23

Метнулся в кухню, налил воды из ведра, стоявшего прямо на столе. Надеюсь, хорошая. Немного отпил на пробу, чуть не проглотил язык от удовольствия. Нереально просто. Вода, имеющая вкус.

Отнес Алексею. Тот сделал несколько жадных глотков, но потом протянул железную кружку обратно.

– Нельзя много сейчас.

Я поставил воду на табуретку, которая имелась рядом с кроватью.

– Может, все же отдохнёшь? – Совесть заставила задать этот вопрос. Хотя, если честно, конечно мне хотелось услышать, наконец, продолжение всех этих вроде бы несвязанных на первый взгляд историй.

– Нет. – Брат Иваныча покачал головой. – Видишь, как все меняется. Надо успеть рассказать.

– Хорошо. Просто волнуюсь за тебя.

– Справлюсь. Не переживай. – Алексей скривил разбитые губы, снова пытаясь улыбнуться. – Так вот. Продолжу. Иван Евгеньевич Боткин появился на свет до того, как его отец развелся с супругой, но фамилию получил, как положено. Все же, он был ещё и сыном княжны. И… это наш отец. В год революции ему исполнилось двадцать пять лет. Он был молод, верил в лучшее и надеялся, что у России великое будущее. Угрозой большевиков не считал. Воспитанный среди молодых либералов, свято верил, что новая власть просто желает перестроить империю в демократическое государство. Поэтому остался на родине. Тем более, своей работой он выбрал ту же стезю, что и отец. Стал врачом. И по началу все складывалось неплохо. Ещё до революции женился на хорошей девушке. Занимался врачебной практикой. Я родился в 1913. Ты – позже на десять лет. Уже в условиях, которые показали, как сильно ошибался отец. Но, в принципе, все, на самом деле, было неплохо. Мы жили в Петрограде, который через год после твоего рождения стал Ленинградом. Не в Москве. И, наверное, об отце бы никто и не вспомнил. Да, сын княжны и лейб-медика самого Николая II. Но… как-то затерялась наша семья и это было прекрасно. Ровно до того момента, пока чекисты не начали активные поиски драгоценностей Романовых. В общем… оказалось, что рядом с царем в тот момент находился ещё один человек – Чемодуров

Терентий Иванович. Камердинер Николая. Но в день, когда императорская семья была убита, он вдруг заболел и оказался в больнице. Выжил чудом. Казалось бы. Однако… дело было вовсе не в чуде. Он сотрудничал с большевиками. Давал им информацию, которую они требовали. Благодаря этому и заслужил возможность жить дальше. Среди того, что Терентий рассказал, тогда был один интересный факт. Точнее, просто факт. Интересным для чекистов он стал значительно позже. Незадолго до смерти, лейб-медик виделся со своей второй половиной. Имею в виду княжну Елену Александровну Ливен, нашу бабушку. Она приехала в Тобольск, перед тем, как Романовых перевезли в Екатеринбург. Чемодуров рассказал в своем очередном доносе, будто случайно слышал часть разговора. Боткин отдал ей крест и какую-то бумажку. Сказал, что необходимо сохранить сведения о спрятанных сокровищах. А крест… это давнее наследие Романовых. Его передал Александру II, тому самому, который отменил крепостное право, Освободителю, некий старец, живущий в Сибири. Не могу сказать точно, однако, есть мнение, будто это был его дядя, Александр I, который из-за груза вины за убийство отца, все же оно произошло при молчаливом содействии сына, изобразил свою смерть и ушел в отшельничество.

– Подожди. Секунду. – Я прервал Алексея. Мне нужно было просто выдохнуть. Александр? Тот самый, про которого рассказывала бабка – демон. Что на него у ада были большие планы, а он раскаялся. Так вот чей крест? Крест грешника, осознавшего свой грех.

– Что случилось? – Брат Иваныча с волнением смотрел на меня.

– Все. Нет. Ничего. Просто немного… Да, все хорошо. Если можешь, продолжай.

– Бабушке об этом кресте ещё сам Николай II рассказывал. Он искренне верил в то, что старец и есть его прадед. Говорил, мол, об этом много есть свидетельств. Начиная от внешности, заканчивая тем, что некоторые представители царской семьи ездили к нему на встречу. Вот этот самый крест Боткин отдал княжне Елене Александровне. На бумаге, так понимаю, был план того, где спрятаны самые дорогие сокровища Романовых. Они, похоже, решили не складывать все яйца в одну корзину. Как бы то ни было, рассказ Чемодурова был записан, но внимания сильно не привлек. Богатства в тот момент мало беспокоили большевиков, потому что на подходе была армия белогвардейцев. Те взяли Екатеринбург через 8 дней после убийства царя. Напряжённое было время. Но зато, спустя много лет, в процессе поиска богатств, кто-то из чекистов наткнулся именно на эту

запись. Они ещё никак не могли разыскать Марфу, предположительно имеющую сведения о той части сокровищ, которая хранилась в Тобольске. Поэтому, рыли землю очень сильно. Стали выяснять, что да как с княжной стало. Конечно, выяснили. Она уже скончалась, а вот сын ее, его жена и двое детей, вполне прекрасно себя чувствуют. Подумали и рассудили, нужно выяснить, является ли рассказ Чемодурова достоверным. Это был 1927. Может, нас и миновало бы все, случившееся позже, но крест… Его нашли при обыске. И он полностью соответствовал описанию, которое давал камердинер царя. Отца забрали. И мать забрали. Мне исполнилось четырнадцать, тебе четыре. Я не знал, что делать и как поступить правильно. Но… когда ты был совсем маленьким, меньше года, заболел сильно. Очень сильно. Даже отец, будучи врачом, ничего не мог сделать. Все шло к тому, что ты бы умер. И вот мама… Она молилась несколько ночей подряд. С этим крестом в руках. Не знаю, но верила в его силу. Отец же рассказал ей, откуда столь важная вещь. Мама вообще знала все о его прошлом, о семье, о том, что дворянин. И вот когда стало совсем худо, я сидел рядом с ней и тоже молился. Дал обещание, если выживешь, стану служить богу. Буду людям помогать, чего бы мне это не стоило. Бог услышал, наверное. Может, меня, может, мать. Но на следующий день ты быстро пошел на поправку. А тут такое… Понимал, что скорее всего родителей можно не ждать. Большевики и не скрывали цель своего прихода. Крест обнаружили, вообще сразу вдохновились. Только… до сих пор, не пойму как, но забрать его не смогли. Точнее, не поверишь. Забыли. Правда. Оставили на столе и ушли. Словно затмение у них было. Я сидел в нашей квартире. Ты бегаешь рядом. Что-то понимаешь, что-то нет. Вдруг, как озарение. Собрал твои вещи, взял за руку и пошел к пациенту отца, которого тот из рук смерти почти вырвал. Не знаю… Не давала мне покоя мысль, что с тобой что-то приключится. А если бы остался дома, то такое могло произойти. В общем… тот человек помог. Не отказал. Он как раз собирался в Москву ехать. Забрал тебя с собой. О том, что бросил ребенка там, в столице, я узнал только когда начал разыскивать брата. Но причину того поступка, правда, так и не узнал. Тебя нашли на улице среди беспризорников, а потом уже определили в детский дом. Позже это выяснил. Гораздо позже. Ну а в тот день, сам вернулся домой. И знаешь, крест ведь тогда меня спас. Я почти уже подошёл к квартире. Сунул руку в карман, а его нет. Хотя, помню, что был. Когда тебя уводил, точно забрал его со стола. Испугался, пошел обратно. Всю дорогу осмотрел. Думал, может выронил. Он и правда лежал на земле. Не понимаю, как выпал. Тем не менее, пока бродил туда – сюда, времени

достаточно прошло. Когда вернулся к дому, соседка сказала, будто чекисты опять приезжали. Детей искали. Видимо, мать с отцом отказывались от сотрудничества, так они хотели сыновьями припугнуть. Будь я на месте, меня бы тоже забрали. После этого, подумал, что пора обещание, наверное, выполнять. Неспроста все это происходит. Несколько недель просто скитался. Побирался, ночевал на улице. Но точно знал, домой нельзя. А потом прибился к храму. Другой фамилией назвался. Так и остался служить богу. Как должен. За тебя все переживал сильно. Но был уверен, тот человек не бросит. Только спустя много лет, когда смог начать поиски, узнал, что всё-таки бросил. Сам он не имею понятия, где. Спросить некого, почему поступил подобным образом. Ну а ты, на момент, когда разыскал, уже много лет в детском доме жил. Фамилию тебе дали Симонов. Имя твое осталось и отчество. Наверное, их ты сам сказал, потому что помнил. Но… все это очень долгое время у меня было ощущение, мы встретимся обязательно. И ещё, что крест этот твой, на самом деле. Мать же, когда ты выздоровел, сказала, будто благодаря ему тебя отмолила. И всегда говорила, что он тебе вторую жизнь дал. Представляешь, мое состояние, когда ты в подвале том появился. У немцев. Это просто чудо какое-то. Божье проведение… А сокровищами я почему начал интересоваться. Марфа, та самая, на моих руках умерла. Так вышло. Когда исповедовалась, сильно горевала, что подвела матушку игуменью. Выдала большевикам тайну. А потом сказала, будто среди тех драгоценностей, которые так и остались не найдены, имеется нечто очень важное. Хорошо, что чекистам их никогда не найти. Но она, как в бреду была. Много непонятного говорила. Случилась наша с ней встреча в 1933 году. Я начал собирать любую информацию. Слова ее сильно мне в душу запали. Потому что во всем есть божий промысел. Не зря вот так нас судьба свела. Она ведь не знала, кто я такой на самом деле. А я сначала не знал, кто она. Вот так и вышло. Тебя искал. Следы сокровищ искал. Самое интересное, крест в семье нашей всегда был. Отец не скрывал, что он получен от бабушки Елены, а вот про тот самый листок, который якобы Боткин ей передал вместе со святыней, ни слова никогда не говорил. Ничего подобного не помню…

Алексей вдруг замолчал, бледнея лицом. Хотя, куда уж больше.

– Все. Хватит. – Я встал с кровати, а потом наклонился над ним, подтягивая лоскутное одеяло. – Поговорим ещё. А то ты сейчас снова отключишься. Поспать тебе надо. Тем более, вечером нам в дорогу. К Москве поедем.

– Хорошо. – Согласился мой… черт, а ведь он тоже вроде мой

дед, получается. – В Москву, так в Москву. Мы встретились, наконец. Все теперь наладится.

Только он произнес последнее слово, как взгляд его осоловел, голова медленно склонилась набок и глаза закрылись. Я постоял рядом, слушая дыхание. Нет, все нормально. Спит. Просто реально человек устал и вымотан. Тем более столько много ещё мне тут рассказал. Ему это совсем не просто далось. На одной силе воли держался.

Убедившись, что с отцом Алексеем все хорошо, вышел на улицу.

Голова буквально разрывалась на части от полученной информации.

Она была настолько неожиданной, что я просто вообще не понимал, как ко всему этому относиться. С одной стороны, некоторые части весьма затейливого пазла встали на место.

Дед – аристократ, дворянин. О его матери не сильно понял, кто она такая. Да и неважно уже. Хороший человек, этого достаточно. Выходит, их убили. Думаю, так и было. Нужна была информация о сокровищах царской семьи. Подозреваю, ее, этой информации, просто не было. Ну, передала княжна крест. Так это ничего себе, какое наследие. Вещь, сделанная руками одного из Романовых. Тем более, вроде, как святая. Очень сомневаюсь, что параллельно, княжна сыну сокровищами голову забивала. Даже, если имелась эта бумажка. Даже если реально лейб-медик дал ей подсказку, где искать. Времена не те были для подобного знания. Уверен, она наоборот, всячески сына от этого оградила. Ему, правда, вряд ли поверили. Детей хотели точно забрать. Чтоб родители были сговорчивее. Получается, Алексей и себя, и деда спас. Почему уж тот мужик, которому он отдал Иваныча, бросил ребенка в Москве, теперь и не узнаешь. Как бы то ни было, дед выжил, вырос, нормальным человеком стал.

Вот она, Наталья Никаноровна, и говорила, что крест заберу только я. То есть Иваныч. Но твою мать… Почему нельзя было объяснить все нормально? Сказать правду. И ещё один момент не могу понять. Лиза сказала, будто за мной два мертвеца ходят. Мужчина в царской форме и женщина в бальном платье. Обоих убили выстрелами в голову. Ну, ок. Ладно. Родители, можно подумать. Но! Форма и платье. Очень сомневаюсь, что в двадцатых годах городской врач и его супруга в подобном виде посещали какие-то советские мероприятия. Вот прям очень. А так-то, если откровенно, быть того не может. Выходит, не родители. Кто тогда?

– Иван?

Размышляя, я вышел из дома, спустился по двум кривым

ступеням и замер посреди двора, даже не заметив этого. Никого вокруг не было. Дед куда-то испарился. Пацан убежал, похоже, по своим, пацанским делам. Даже Александра отсутствовала. Окликнула меня Лиза. Она подошла откуда-то сбоку.

– На тебе лица нет. Что такое? Что случилось? С отцом Алексеем все хорошо?

Я смотрел на девчонку, но будто сквозь нее. Просто… не знаю. Дед. Иваныч. Представить не мог, насколько сильная трагедия за его спиной. Насколько сильная трагедия многих людей за его спиной. Даже так. Насколько он связан со всем, что происходило в начале прошлого века. Но главное, представить сложно, что ему пришлось пережить. Да, был ребенком, но я, к примеру, помню детство. Помню себя в четыре – пять лет. Уверен, и он помнил. При этом, беспризорничество на улице, детский дом. Чекисты. Как он вообще пришел к этому? Пойти служить на Лубянку. Как?! Не знает про родителей? Что руководило им? Черт… никогда этого теперь не выясню. И ведь он был предан Союзу. Точно знаю. Был предан своей работе. Теоретически, с братом так и не встретился, если меня только сейчас отправила Наталья Никаноровна за крестом. Она ведь сразу сказала, с Иванычем они бы не договорились. Значит, даже правда о смерти родных не заставила бы его действовать иначе. И вот эта особенная защита от влияния демона, от Лизонькиных штучек. Что это? Неужели и правда он не умер в детстве благодаря вмешательству каких-то божественных сил. С ума можно сойти от того, насколько Иваныч необычный человек. А я нихрена этого не знал. Не видел. Не понимал. Дебил. Я. Я – дебил. Эгоистичный пацан, который много лет мстил единственному родному человеку своим поведением и отношением за то, в чем он вообще не виноват.

– Иван… Да что с тобой такое? – Лиза подошла ближе и тронула меня за плечо.

– Все хорошо. Думаю. Как забрать книгу. Ее непременно надо забрать. Я обязан. Отдал ее Тихонову, а тот Берии. Не знаю, насколько ты в курсе. Но… черт. Это была большая ошибка. Наверное, подвёл одного человека этим. Дело даже не в твоей бабке. Не в майоре… Не могу сказать тебе. Хотя, очень хочется. Поговорить с кем то. Тяжко так, что… Тяжко, короче. Я подвёл человека. Он не сделал, а я сделал.

Говорил без перерыва и, наверное, для Лизоньки это все звучало, как бред. Но она молча слушал, не перебивая.

– Чертова книга… Зачем отдал ее чекистам…

– Книги нет?! – Голос раздался очень неожиданно. Со стороны дома. Марта стояла на ступенях, глядя на нас с Лизой

холодным, оценивающим взглядом. Вот ведь сука. Подкралась, даже не заметили, как она вышла.

– Нехорошо подслушивать. – Я повернулся к ней лицом, не скрывая неприязни.

– Ещё раз задаю вопрос. Книги нет? Мы не сможем ее забрать? Поездка в Москву – враньё?

– Да! Все? Довольна? – Девчонка, заразившись, видимо, от меня, резко обрубила эстонку.

Все, что происходило дальше, напоминало кадры кино, которые вдруг кто-то невидимой рукой поставил на замедленную перемотку. Так ещё бывает в ночных кошмарах. Когда нужно убежать от злодея во сне, и ты вроде бежишь, а ноги тяжёлые, еле поднимаются, и все так медленно-медленно.

Вот Марта ныряет рукой в карман. Вот она направляет на меня, темный, какой-то некрасивый пистолет. Не знаю, почему в этот момент в голове пронеслись именно такие сравнения. Темный. Некрасивый. Вот звучит выстрел. А потом вдруг я вижу, как Лизонька кидается вперёд. Вижу и думаю, что творишь, дура. Это же траектория полета пули. И главное, мысли такие медленные, вялые.

Но когда тело девчонки, метнувшееся к Марте, как-то внезапно замерло, и, покачнувшись, стало падать назад, кнопку перемотки снова отжали. События понеслись с удивительной скоростью.

Я поймал Лизу, прижимая ее спиной к своей груди. Развернул лицом, а потом, опустив взгляд, увидел, как на ее грязном, испачканом угольной пылью пальто медленно, словно нехотя, расползается маленькое красное пятно. Тело блондиночки как-то обмякло, отяжелело. Она будто не могла стоять.

– Лиза… Твою мать. Лиза…

Я опустился на землю, держа ее в руках. В этот момент не было красивых фраз, стонов или криков. Она просто закрыла глаза и все. Но самое главное, я очень ясно понимал, знал наверняка. Девчонка умрет. Прямо сейчас. Или через пять минут. Но она точно умрет. Сука.

– Лиза.

Неожиданно бедро обожгло, будто там кто-то поднес огонь. Свободной рукой залез в карман. Что за херня-то. И как не вовремя. Пальцы нащупали лучи звёзды. Она была горячей. Да ну нахер! Я быстро вытащил проводник из кармана. Не смешно, конечно, но хожу, имея в левом кармане святой крест, а в правом – дьявольскую штуку. Звезда Давида в данный момент демонстрировала мне, словно насмехаясь, шесть лучей. Как я и подумал.

– Да ну нет! Вы чего?!

Краем глаза увидел бегущую по двору Александру. Она вроде что-то кричала, но звук почему-то отсутствовал. На пороге появился Мацкевич. Марта исчезла. Упустил момент, когда и куда. Это не важно. Взгляд снова вернулся к Лизе, которая лежала в моих руках. По идее, я должен сейчас наверное кричать и бесноваться. Трясти ее за плечи и требовать «не уходи!» Но так бывает лишь в кино. Пуля попала, судя по тому, где выступила кровь, либо в сердце, либо рядом. Пятно небольшое. Совсем маленькое.

В глазах начало темнеть. Я терял сознание, и чертова звезда в руке говорила однозначно, моя очередная командировка закончится именно в это мгновение. А Лизоньки все, больше не будет. Ее смерть ощущалась четко, как присутствие человека рядом, который дышит мне в ухо. Попытался проморгаться, чтоб отогнать темноту. Жалкие пóтуги. На третьей попытке, глаза закрылись совсем. Стало темно и очень спокойно.

Очнулся почти сразу. Где-то далеко, приглушённо раздавался изредка звук проезжающих машин. Машин… Я открыл глаза, уставившись в небо. Лежу на спине. Звезд слишком много для осени. Да и тепло очень. По-летнему. В руке зажато что-то. Звезда? Должна быть она. Но… Нет. Размеры не те. Да и форма не та. Поднял руку, чтоб видеть ее. Мои пальцы крепко держали нож. Нож?! Я резко принял сидячее положение. Покрутил головой. Вокруг – лесок. Знакомое место. Оно находится рядом с домом. Моим настоящим домом. Там, где я живу в своей обычной жизни. Деревья – край парка, куда часто хожу на пробежку. Но вот рядом…

Твою. Мать. Рядом – девушка. И мы явно с ней не на прогулку сюда пришли. Потому что сложно наслаждаться дивной летней ночью, когда у тебя нет глаз, а рот разрезан от уха до уха. С возвращением, Иван Сергеевич.

Конец.

Примечания

События, о которых рассказал инструктор Максим являются художественным вымыслом автора. Выводы, сделанные инструктором Максимом – личные выводы автора об этом художественном вымысле и доказанным фактом не являются. Альтернативная история.